

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**ВОПРОСЫ
ЖУРНАЛИСТИКИ,
ПЕДАГОГИКИ,
ЯЗЫКОЗНАНИЯ**

SCIENTIFIC JOURNAL

**ISSUES
IN JOURNALISM,
EDUCATION,
LINGUISTICS**

16+

2022. Том 41, № 4

ВОПРОСЫ ЖУРНАЛИСТИКИ, ПЕДАГОГИКИ, ЯЗЫКОЗНАНИЯ

2022. Том 41, № 4

До 2020 г. журнал издавался под названием «Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки».

Основан в 1995 г. Журнал включен в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (10.01.00 – литературоведение, 10.02.00 – языкознание, 13.00.00 – педагогические науки). Журнал зарегистрирован в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ).

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Издатель: НИУ «БелГУ», Издательский дом «БелГУ». Адрес редакции, издателя: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

Прохорова О.Н., доктор филологических наук, профессор, директор института межкультурной коммуникации и международных отношений НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Ведущий редактор

Ерошенкова Е.И., кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики педагогического института НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Заместители главного редактора:

Короченский А.П., доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики института общественных наук и массовых коммуникаций НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Ирхин В.Н., доктор педагогических наук, профессор кафедры теории и методики физической культуры педагогического института НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Багана Ж., доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации института межкультурной коммуникации и международных

Ответственный секретарь

Тарасова С.И., кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики педагогического института НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Члены редколлегии:

Александрова О.В., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английского языкознания филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, (г. Москва, Россия)

Асташова Н.А., профессор, доктор педагогических наук, заведующий кафедрой художественного воспитания Брянского государственного университета им. И.Г. Петровского (г. Брянск, Россия) отношений НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Белозерцев Е.П., доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры общей и социальной педагогики Воронежского государственного педагогического университета (г. Воронеж, Россия)

Дускаева Л.Р., профессор, доктор филологических наук, заведующий кафедрой медиалингвистики Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета, руководитель комиссии медиалингвистики при Международном комитете славистики (г. Санкт-Петербург, Россия)

Ермаков С.С., доктор педагогических наук, профессор кафедры физического воспитания Харьковской государственной академии дизайна и искусств (г. Харьков, Украина)

Жиро К., доктор философии, профессор Барселонского Автономного университета, директор Департамента средств массовой информации, коммуникации и культуры (г. Барселона, Испания)

Исаев И.Ф., доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики педагогического института НИУ «БелГУ», (г. Белгород, Россия)

Людвиг Х., доктор философии, профессор института педагогики Вестфальского университета им. Вильгельма (г. Мюнстер, Германия)

Нагорный И.А., доктор филологических наук, профессор института иностранных языков Цзилиньского университета, профессор (г. Чанчунь, Китай)

Перси У., доктор филологии, профессор Университета Бергамо (г. Бергамо, Италия)

Подымова Л.С., профессор, доктор педагогических наук, заведующий кафедрой психологии образования Московского педагогического государственного университета (г. Москва, Россия)

Полонский А.В., профессор, доктор филологических наук, заведующий кафедрой журналистики НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Порхомовский В.Я., профессор, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языкознания РАН, (г. Москва, Россия)

Пстыга А., профессор, доктор филологии, заведующий кафедрой русского языка и переводоведения Гданьского университета (г. Гданьск, Польша)

Риё Ж., доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка и литературы Университета София Антиполис, (г. Ницца, Франция)

Стоянова Е.В., профессор, доктор филологии, заведующий кафедрой русского языка Шуменского университета им. Епископа Константина Преславского, (г. Шумен, Болгария)

ISSN 2712-7451

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС 77-77958 от 19.02.2020.

Выходит 4 раза в год.

Выпускающий редактор Ю.В. Иващенко. Редактура, компьютерная верстка и оригинал-макет О.Г. Томсюк. Гарнитуры Times New Roman, Arial, Impact Уч.-изд. л. 17,2. Дата выхода 30.12.2022. Оригинал-макет подготовлен отделом объединенной редакции научных журналов НИУ «БелГУ». Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

СОДЕРЖАНИЕ

ЖУРНАЛИСТИКА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

- 621 **Загидуллина М.В.**
Контекст и медиаэстетика: возможность и развития алгоритмов дискурса-анализа
- 628 **Каминченко Д.И.**
Мониторинг новостной повестки дня СМИ и социальных медиа
- 640 **Меринов В.Ю.**
Идеология ограниченной субъектности и творчестве современных российских публицистов: сущность и способы имплементации
- 651 **Саенкова-Мельницкая Л.П.**
Кинокритика как область журналистики: онтологический статус, становление медиапрактик
- 662 **Шестерина А.М.**
Аудитория видеоблогов как кризис-ор медиадискурсов

ПЕДАГОГИКА

- 670 **Исупова Е.В.**
Уровень готовности и будущих педагогов к преодолению рисков низких образовательных результатов
- 681 **Шупин Ч.**
Значение социокультурного компонента в процессе формирования коммуникативной компетентности у студентов-филологов из КНР, изучающих русский язык как иностранный

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- 689 **Бугакова Н.Б.**
А. Платонов: аспекты изучения творчества
- 700 **Вишнякова О.Д., Липгарт А.А., Мартюшова Н.О.**
Проблема исследования памяти в лингвистике: междисциплинарный подход
- 707 **Волошина Т.Г., Глебова Я.А.**
Гастрономический код как отражение лингвокультурной картины мира (на примере африканской лингвокультуры)
- 715 **Демичева Ю.В.**
Существительные с суффиксами -ман, -фил, -люб и -фоб в современном русском языке (на материале Национального корпуса русского языка).
- 725 **Ергазина А.А.**
Фразеомоделирование в свете взаимодействия языка и культуры
- 733 **Козловский Д.В.**
Репрезентация суггестивной эвиденциальности в политическом массмедийном дискурсе
- 747 **Лазарева Я.В.**
Специфика интерпретации структурно-семантических особенностей фразеологического состава немецкого языка в Австрии
- 756 **Ханина К.А., Маркелова О.В.**
Образование клинических терминологических единиц на примере новых инфекционных заболеваний человека по рекомендациям ВОЗ (на базе английского языка)
- 769 **Wang Qi**
English and Chinese Idioms as the Reflection of Cultural Linguistics

ISSUES IN JOURNALISM, EDUCATION, LINGUISTICS

2022. Volume 41, No. 4

Until 2020, the journal was published with the name "Belgorod State University Scientific bulletin. Humanities series".

Founded in 1995

The journal is included into the List of Higher Attestation Commission of peer-reviewed scientific publications where the main scientific results of dissertations for obtaining scientific degrees of a candidate and doctor of science should be published (10.01.00 – literary criticism, 10.02.00 – linguistics, 13.00.00 – pedagogical sciences). The journal is introduced in Russian Science Citation Index (РИНЦ).

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod National Research University».

Publisher: Belgorod National Research University «BelSU» Publishing House.

Address of editorial office, publisher: 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia.

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Chief Editor

Prokhorova, O.N., Doctor of Philology, Professor, Director of the Institute of Intercultural Communication and International Relations (Belgorod, Russia)

Commissioning editor

Eroshenkova, E.I., Associated Professor of the Department of Pedagogy, Belgorod National Research University (Belgorod, Russia)

Deputies of chief editor:

Prohorova, O.N., Director of Institute of Intercultural Communication and International Relations, Doctor of Philological Sciences, Professor, Belgorod National Research University (Belgorod, Russia)

Korochensky, A.P., Doctor of Philological Sciences, Professor, Belgorod National Research University (Belgorod, Russia)

Irkhin, V.N., Professor of Department of Pedagogy, Doctor of Pedagogical Sciences, Belgorod National Research University (Belgorod, Russia)

Baghana, J., Professor of the Department of Romance and Germanic Philology and Intercultural Communication of the Institute of Intercultural Communication and International Relations, Doctor of Philology, Professor of National University "BelSU" (Belgorod, Russia)

Executive secretary

Tarasova, S.I., Associated Professor of the Department of Pedagogy, Belgorod National Research University (Belgorod, Russia)

Members of Editorial Board:

Aleksandrova, O.V., Head of the Department of English linguistics of the philological faculty of Lomonosov Moscow State University, doctor of philological Sciences, Professor (Moscow, Russia)

Astashova, N.A., Head of the Department of Art Education of the Bryansk State University named after I.G. Petrovsky, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Bryansk, Russia)

Belozertsev, E.P., Honored Scientist of the Russian Federation, Professor of the Department of General and Social Pedagogy, Voronezh State Pedagogical University, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Voronezh, Russia)

Duskaeva, L.R., Professor, doctor of Philology, head of the Department of media linguistics of the Higher school of journalism and mass communications of Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia), head of the Commission of media linguistics under the International Committee of Slavistics

Ermakov, S.S., Professor of the Department of Physical Education of Kharkov State Academy of Design and Arts, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Kharkov, Ukraine)

Giro, X., Ph. D., Professor of the Barcelona Autonomous University, Director of the Department of Media, Communication and Culture (Barcelona, Spain)

Isaev, I.F., Head of Department of Pedagogics Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Belgorod National Research University (Belgorod, Russia)

Ludwig, H., professor of The University of Münster, doctor of philosophy (Muenster, Germany)

Nagorny, I.A., professor of the Institute of Foreign Languages of Jilin University, Doctor of Philology, Professor (Changchun, China)

Persi U., Doctor of Philology, Professor University of Bergamo (Bergamo, Italy)

Podymova, L.S., Head of the Department of Psychology of Education, Moscow State Pedagogical University, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Moscow, Russia)

Polonskiy, A.V., Head of the Department of Journalism of Belgorod National Research University, Doctor of Philology, Professor (Belgorod, Russia)

Porkhomovsky, V.Y., Chief Researcher of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philology, Professor (Moscow, Russia)

Pstyga, A., Professor, doctor of Philology, head of the Department of Russian language and translation studies at the University of Gdansk (Gdansk, Poland)

Rieu, J., Professor of the Department of French Language and Literature, University of Sofia Antipolis, Professor, Doctor of Philology (Nice, France)

Stoyanova, E.V., Head of the Department of Russian Language of Shumen University, named after bishop Konstantin Preslavsky, Doctor of Philology, Professor (Shumen, Bulgaria)

ISSN 2712-7451

The journal is registered in Federal service of control over law compliance in the sphere of mass media and protection of cultural heritage. Certificate of registration of mass media ЭЛ № ФС 77-77958 от 19.02.2020. Publication frequency: 4/year.

Commissioning Editor YU.V. Ivakhnenko. Editing, computer imposition O.G. Tomusyak. Page layout by P.V. Goleusov. Typefaces Times New Roman, Arial, Impact. Publisher's signature 17,2. Date of publishing 30.12.2022. The layout was prepared by the Department of the joint editorial Board of scientific journals of NRU "BelSU". Address: 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia.

CONTENTS

JOURNALISM AND PUBLIC RELATIONS

- 621 **Zagidullina M.V.**
Context and Media Aesthetics: Towards the Development of Discourse Analysis Algorithms
- 628 **Kaminchenko D.I.**
Monitoring of the Media News Agenda
- 640 **Merinov V.Y.**
The Ideology of Limited Subjectivity in Writings of Modern Russian Publicists: Essence and Methods of Implementation
- 651 **Sayenkova-Melnitskaya L.P.**
Film Criticism as a Sphere of Journalism: Ontological Status, Formation of Media Practices
- 662 **Shesterina A.M.**
Videoblog Audience as Media Discourse Creator

PEDAGOGICS

- 670 **Isupova E.V.**
Level of Readiness of Future Teachers to Overcome the Risks of Low Educational Results
- 681 **Shuping Z.**
The Importance of the Socio-Cultural Component in the Process of Forming Communicative Competence Among Philology Students from China Studying Russian as a Foreign Language

LINGUISTICS

- 689 **Bugakova N.B.**
Platonov A.: Aspects of Studying Creativity
- 700 **Vishnyakova O.D., Lipgart A.A., Martyushova N.O.**
The Study of Memory in Linguistics: An Interdisciplinary Approach
- 707 **Voloshina T.G., Glebova Ya.A.**
Gastronomic Code as the Mean Linguistic and Cultural Environment Reflection (Based on the Example of African Languages and Cultures)
- 715 **Demicheva Y.V.**
Nouns with Suffixoids -man, -fil, -lyub and -fob in the Contemporary Russian language (On the Basis of Russian National Corpus)
- 725 **Ergazina A.A.**
Phrase Modeling in the Light of the Interaction of Language and Culture
- 733 **Kozlovsky D.V.**
Representation of Suggestive Evidentiality in Political Mass Media-Discourse
- 747 **Lazareva Ya.V.**
Structural and Semantic Components Analysis of Phraseological Composition Peculiarities in Austrian German
- 756 **Khanina K.A., Markelova O.V.**
Formation of Clinical Terminological Units on the Example of New Human Infectious Diseases According to WHO Recommendations (based on English)
- 769 **Wang Qi**
English and Chinese Idioms as the Reflection of Cultural Linguistics

ЖУРНАЛИСТИКА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ JOURNALISM AND PUBLIC RELATIONS

УДК 81-139+18

DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-4-621-627

Контекст и медиаэстетика: возможности развития алгоритмов дискурс-анализа

Загидуллина М.В.

Челябинский государственный университет,
Россия, 454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129
E-mail: mvzagidullina@gmail.com

Аннотация. Исследование посвящено теоретическим аспектам дискурс-анализа в условиях постоянного развития и изменения технологий коммуникации. Основная цель исследования – устранить возникший в научном знании разрыв между потребностями системного анализа современных мультимодальных медиафеноменов и ограниченностью возможностей дискурс-анализа, преимущественно приспособленного к анализу текстовой информации. Исследование проведено в области медиаэстетики, открывающей перспективу применения методов и приемов, заимствованных из области эстетики, в анализе нестабильных элементов современного коммуникационного пространства. На основании изучения ряда прикладных идей (особенно в области рецептивной эстетики) автор предлагает включить в алгоритмы дискурс-анализа медиаэстетический подход, позволяющий выявлять и интерпретировать параметры такого неучтенного ранее фактора контекста, как «атмосфера».

Ключевые слова: дискурс-анализ, мультимодальность, медиаэстетика, атмосфера, контекст

Для цитирования: Загидуллина М.В. 2022. Контекст и медиаэстетика: возможности развития алгоритмов дискурс-анализа. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 41(4): 621–627. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-4-621-627

Context and Media Aesthetics: Towards the Development of Discourse Analysis Algorithms

Marina V. Zagidullina

Chelyabinsk State University
129 Br. Kashirinykh St, Chelyabinsk 454001, Russia
E-mail: mvzagidullina@gmail.com

Abstract. The study is devoted to the theoretical aspects of discourse analysis in the context of constant development and change in communication technologies. This change generates research question about the relevant methods of analysis of such media phenomena. The main goal of the article is to fill the gap that has arisen in scientific knowledge between the needs of a systemic analysis of modern multimodal media phenomena and the limited possibilities of discourse analysis, mainly adapted to the analysis of textual information. The study was carried out in the field of media aesthetics, which opens the prospect of using methods and techniques borrowed from the field of aesthetics in the analysis of unstable elements of the modern communication space. Based on the study of a few applied ideas (especially in the field of receptive aesthetics), the author proposes to include a media aesthetic approach in the algorithms of discourse analysis, which makes it possible to identify

and interpret the parameters of such a previously unaccounted for context factor as "atmosphere" (with the reference to Gernot Böhme's theory).

Key words: discourse analysis, multimodality, media aesthetics, atmosphere, context

For citation: Zagidullina M.V. 2022. Context and Media Aesthetics: Towards the Development of Discourse Analysis Algorithms. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 41(4): 621–627 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-4-621-627

Введение

К феномену контекста применительно к дискурс-анализу неоднократно обращались многие исследователи. Ключевой концепцией в этой области считается подход Теуна ван Дейка – одного из международно-признанных основателей дискурс-анализа. В своих трудах [Dijk, 1991; 2008; 2015] он подробно обосновывает свой подход, в основе которого лежит тезис о том, что контекстом коммуникации является не совокупность внешних факторов и «фона» коммуникационного обмена, а анализ этой совокупности самим участником коммуникации, его внутренние оценки, убеждения, горизонт ожидания и – как следствие – выбор коммуникативных стратегий. Основное понятие, объясняющее суть контекста по ван Дейку, – *уместность*: «...Контекст представляет собой условия, определяющие прагматическую уместность дискурса»¹.

Контекстные модели рассматривались ван Дейком как фреймы коммуникации: они работают как ментальные фильтры, отсеивающие все дискурсивно не значимое и оставляющие относительно простое и быстрое распознавание сеттинга коммуникации, что и позволяет участникам коммуникации адекватно и конструктивно общаться, выбирая релевантный ситуации регистр и стиль общения. Понятие «контекстная модель» параллельно развивалось и в компьютерных науках в части глубокого машинного обучения [Volchini et al., 2007]. Есть различные подходы к контекстным моделям, например, в семиотике: Хорхе Брауэр Белтрамин [Beltramin, 2009] полагает, что контекстные модели ван Дейка могут быть соотнесены с семиотической моделью Ч.С. Пирса.

Конечно, этот пример не исчерпывают все подходы к контексту в исследованиях дискурса. Однако есть существенная проблема – разрыв между теорией и практикой дискурс-анализа. Так, когда ван Дейк говорит о конкретных примерах дискурс-анализа на основе контекстной модели, фактически он предлагает составить своеобразный «паспорт» ситуации: определить участников, охарактеризовать спикера (включая пол, расу, идеологические убеждения), дать очерк общего сеттинга ситуации (в том числе жанра коммуникации). И только после этого можно понять истинный смысл речи участника. Это убедительная модель, но она хорошо работает именно в политических коммуникациях, где идеологические позиции участников открыто заявлены (как, например, принадлежность к конкретной партии или движению).

Можно согласиться, что в меньшей степени контекстные модели могут быть адекватным инструментом анализа и понимания вообще любых диалогов (будет слишком большой дефицит необходимых данных, однако общая рама анализа позволит составить глубокое описание стратегий говорящих). Однако в случае понимания коммуникации расширительно (встречи пользователя с любым стимулом, взаимодействие с ним) контекстные модели в том виде, как они представлены в теории контекста ван Дейка, оказываются недостаточно релевантными.

¹ Dijk T.A. 2015. Context. In: The international encyclopedia of language and social interaction. Eds. K. Tracy, C. Ilie, T. Sandel. Boston, John Wiley & Sons: 10. Available at: <https://discourses.org/wp-content/uploads/2022/07/Teun-A.-van-Dijk-2015-Context.pdf> (accessed: November 25, 2022).

Таким образом, возникает исследовательская задача – заменить понятие уместности понятием пользовательской адекватности стимулу (что бы таким стимулом ни выступало). Если понимать под дискурсом «текст, погруженный в жизнь»¹, и противопоставлять его тексту «как формальной структуре», то возникнет определенный разрыв с современной ситуацией, когда фактически жизнь погрузилась в «текст» бесконечного информационно-коммуникационного обмена. Нарастающая сложность дискурс-анализа стала особенно заметной в связи с развитием мультимодального дискурс-анализа, выходящего за рамки «текста» как буквенно-письменного кода и открывающего перспективы анализа универсальных стимулов (прежде всего, аудиовизуальных). «Общение» перестает быть исключительно диалогом «человек – человек», оно перемещается в большей мере в область «человек – машина – (человек)», где сеттинг создается по-иному, чем в условиях устойчивых коммуникационных ситуаций (типа «учебная аудитория», «зал суда» и др. подобные варианты, о которых пишет ван Дейк).

Мультимодальный дискурс-анализ развивался в плоскости визуального и технического (например, особенностей шрифта, которым набран текст). Основные «практики» мультимодального дискурс-анализа [O'Halloran et al., 2010; O'Halloran, 2011; Bateman et al., 2017; O'Halloran et al., 2018b] стремились представить образцы анализа видеоресурсов (фильмов, телепередач) по законам «визуальной грамматики» (с разбивкой на кадры, вниманием к свету, теням, звукам и т.п.). Бесконечная сложность и трудоемкость такого анализа заставила К. О'Халлоран [O'Halloran et al., 2018a] разработать специальное программное обеспечение такого анализа. Однако широкого распространения мультимодальный дискурс-анализ так и не получил – в большинстве случаев вместо строгих процедур и практик предлагаются разные варианты анализа комбинаций «текст + изображение».

Можно согласиться с опасениями теоретиков мультимодального дискурс-анализа, что его восходящая сложность станет препятствием для дальнейшего развития этого направления исследования. Однако важнее не сложность как таковая, но вопрос об эффективности анализа, возможность получать все более глубокие знания о природе самих медиафеноменов.

Представляется целесообразным обратить внимание на возможность обогащения методов мультимодального дискурс-анализа таким подходом, как медиаэстетический анализ. Именно в рамках медиаэстетического анализа можно обнаружить новые подступы к коммуникации и дискурсу не с позиций их «морфологии» (поскольку всякий анализ представляет собой ряд структурных элементов, «рассекающих» целое; в этом и суть анализа), но с позиций целого, а именно – атмосферы [Böhme, 1993; 2003] как контекста «единого мультимодального коммуникативного акта» [Leeuwen, 2004, с. 8].

Медиаэстетический инструментарий и «атмосфера»

Медиаэстетический домен исследований достаточно противоречив и не имеет до сих пор развитой структуры и четкого предмета исследования. Однако, следуя логике его теоретиков [Mitchell, 2013; Manovich, 2014], можно говорить о «мейнстриме» этого направления – ориентированности на техническую сторону коммуникации, сам «медиум», организацию платформ и интерфейсов как среды, которые не только обеспечивают коммуникацию, но предопределяют ее форматы и формы, ее стиль и наполненность.

Очевидно, что мультимодальный дискурс-анализ тоже тяготеет к модусам, отличным от текстовых (которые, в свою очередь, основательно исследовались длительное время, вплоть до пика «лингвистического поворота» и трансляции языковых подходов

¹ Арупонова Н.Д. 1990. Дискурс. В кн.: Лингвистический энциклопедический словарь. М., Советская энциклопедия: 137.

в самые разные научные направления). Однако если мультимодальный анализ, по Бейтману, погружен в аналитику «склейки» кадров фильма (истории, разворачивающейся на экране), а по проекту О' Халлоран сосредоточен на нюансах «подачи» видеоизображения диалога (включая, например, свет и тень) и тоже связан с логикой кадрового сюжета, то медиаэстетика разбирается со средствами и условиями такой подачи, а также с техническими ограничениями коммуникации (в том числе и в киноязыке, как пишет Г. Зеттл [Zettl, 1998]).

Между тем развивающийся сейчас арсенал медиаэстетических средств анализа позволяет предложить такое направление мультимодального дискурс-анализа, как внимание к атмосфере коммуникации. Атмосфера, по Г. Беме, представляет собой общий сеттинг события (каковым может быть и простой поиск пользователя в Интернете, например). Фактически атмосфера есть модус контекста, его репрезентация в виде совокупного воздействия на пользователя/участника коммуникации. Беме противопоставляет «старую» (логоцентричную, ориентированную на язык) эстетику новой – ориентированной на телесность и ощущения [Böhme, 1993, с. 114]. Хотя телесность эстетического опыта заявлялась еще Баумгартеном и Кантом, в истории эстетической мысли эти аспекты были действительно маргинализированы. Изменения были связаны с ревизией самого понятия «эстетическое», особенно в связи с развитием концепций «эстетики повседневности» [Nielsen, 2005; Matteucci, 2017]. Гернот Беме уточняет, что атмосфера пространственна (даже если это пространство монитора), и этот аспект делает ее изучаемым и интерпретируемым явлением – вопреки принципиальной невербализуемости «атмосферности».

Перспективность «рецептивной эстетики» в аспекте мультимодального дискурс-анализа

Способы анализа атмосферы «по слоям» или структурным уровням крайне затруднены. Однако на помощь может прийти такой поворот анализа, как рецептивная эстетика. В отличие от сосредоточенности на характеристиках говорящего и слушающего рецептивная эстетика открывает возможность вполне объективного анализа стимула (то есть актора, с которым вступает во взаимодействие пользователь, неразрывно «спаянного» со своим сеттингом-атмосферой, будь то просмотр сайта в Интернете, или диалог в чате, или разговор, или слушание лекции в университете и т. п.). Стимул (включающий все типы модусов, задействованных в мультимодальном сообщении, технический канал коммуникации, интерфейс и т. п.) не чувствителен к конкретному состоянию реципиента: адресат коммуникации чаще всего выступает как некое абстрактное «коллективное тело» аудитории, в свою очередь погруженное в свою жизнь и свой сеттинг (например, один и тот же сайт просматривается пользователями, находящимися в дороге, в лекционном зале, дома перед экраном компьютера или в парке перед экраном ноутбука и т. п.). К этому сеттингу стимул может быть чувствителен технически (например, можно слушать контент среди городского шума в наушниках или остановить видео для реакции на какие-то внешние вызовы, чтобы продолжить просмотр с той же точки позднее, в более удобное время), но в целом стимул «не знает», кто и в каком своем индивидуальном состоянии его воспринимает.

С позиции рецептивной эстетики, анализу поддается не сам пользователь и его воспринимающее сознание, а «идеальный» реципиент (у В. Изера – «идеальный читатель» романа, позицию которого автор художественного произведения моделирует, создавая свое произведение). Этого идеального реципиента можно восстановить, анализируя сам стимул (включающий говорящего, по ван Дейку, и «антураж», в раме которого подается его речь, то есть атмосферу; шире – «говорящим» может быть и фон страницы сайта

с определенными изображениями или шрифтом, также рассчитанные на встречу с воспринимающим сознанием). В таком случае контекст можно рассматривать не как «сеттинг воспринимающего сознания», по ван Дейку (преломление в индивидуальном сознании коммуниканта всех внешних факторов и условий коммуникации, поиск соответствующей им контекстной модели, отличающейся упрощенностью и высокой степенью обобщения самых разных коммуникативных ситуаций, а далее выбор уместной коммуникативной стратегии), но как определенный набор знаков, декодировка которых помогает ответить на вопрос о прагматике стимула, его направленности и ожиданиях от аудитории.

В таком «перевертыше» исследовательской стратегии открывается перспектива «вскрытия» центрального ядра дискурсивных практик, их конкретных манифестаций и репрезентаций. Замена «уместности» на «адекватность» как исследовательская задача данной статьи решается путем переключения внимания с восприятия стимула (осложненного индивидуальным сеттингом) на намерение автора стимула (рассчитанного на «усредненный» горизонт ожидания аудитории). Такой подход сближает медиаэстетический анализ дискурса с подходом М. Фуко, рассматривающего дискурс как закодированную информацию о намерениях, расшифровка которой отвечает на важнейшие вопросы развития общества, в том числе и прошлых эпох, хотя, например, Н.Д. Арутюнова подчеркивает, что понятие «дискурс» неприменимо к текстам древних эпох и «работает» только внутри «живой современности»¹.

Дискурсивность самой атмосферы коммуникации, с другой стороны, также представляется перспективным подходом, поскольку позволяет говорить об атмосфере не в категориях интуиций и ощущений, но в категориях прагматики. Ван Дейк предлагал «новую междисциплинарную социокогнитивную теорию контекста», включая в ставший привычным анализ «ситуации, участников, действия» еще и идеологический и знаниевый аспекты, суть которой – контекстные модели, упрощенные и приспособленные для быстрой ментальной обработки с целью мгновенного выбора релевантных определений коммуникативной ситуации, а как следствие – уместных действий и дискурсивного поведения участника коммуникации². Тогда сам стимул работы этих контекстных моделей может быть рассмотрен как искусственный конструкт, созданный с расчетом на соответствующую реакцию пользователей.

Заключение

Как было показано в статье, «включение» контекстной модели в сознании реципиента есть часть общего плана воздействия контекста на него, а значит, может быть рассмотрено как ряд приемов, действий, способов, примененных авторами стимула, и направленными на включение именно такой контекстной модели [Медведева, 2020].

Так как атмосфера коммуникативного акта доступна объективному наблюдению и может быть проинтерпретирована, то открывается возможность создания алгоритма дискурс-анализа, отталкивающегося от «насыщенного описания» (К. Гирц) атмосферы. Несомненно, наибольшую сложность создает гибридность коммуникации в современной технологической среде: дискурс-анализ атмосферы невозможен без анализа всех элементов, составляющих стимул как «единый коммуникативный акт», а, следовательно, вопрос «распадения» на отдельные интерпретации частей остается (ведь анализ атмосферы не может быть суммой анализа отдельных элементов, ее составляющих).

¹ Арутюнова Н.Д. 1990. Дискурс. В кн.: Лингвистический энциклопедический словарь. М., Советская энциклопедия:137.

² Dijk T.A. 2015. Context. In: The international encyclopedia of language and social interaction. Eds. K. Tracy, C. Ilie, T. Sandel. Boston, John Wiley & Sons: 10. Available at: <https://discourses.org/wp-content/uploads/2022/07/Teun-A.-van-Dijk-2015-Context.pdf> (accessed: November 25, 2022).

В заключение следует отметить, что медиаэстетический подход и такой его аспект, как интерпретация атмосферности медиафеноменов, нуждается в дальнейшей детализации и инструментализации, направленной на повышение эффективности анализа и глубины получаемых с его помощью выводов.

References

- Medvedeva A.R. 2020. Explanatory journalism interface machines (on the example of meduza and vox). *Russian Journal of Media Studies*, 8: 71–86 (in Russian). DOI: 10.17223/26188422/8/5.
- Bateman J., Wilfeuer J., Hippala T. 2017. *Multimodality. Foundations, Research and Analysis: A Problem-Oriented Introduction*. Berlin, Mouton de Gruyter, 416 p.
- Beltramin J. B. 2009. The theory of the context of T. Van Dijk as an analytical project derived from peirce's pragmatism: a contribution to semiotic understanding of discourse. *DELTA: Documentação de Estudos em Linguística Teórica e Aplicada*, 25(2): 427–463. DOI: 10.1590/S0102-44502009000200008.
- Böhme G. 1993. Atmosphere as the fundamental concept of a new aesthetics. *Thesis Eleven*, 36(1): 113–126. DOI: 10.1177/072551369303600107.
- Böhme G. 2003. The space of bodily presence and space as a medium of representation. In: *Transforming spaces: the topological turn in technological studies*. Eds. M. Hård, A. Lösch, D. Verdicchio. Darmstadt, University of Technology Darmstadt: 1–7. Available at: <https://pdfs.semanticscholar.org/f5a2/c65023e437eeb398222f601b052ec42875ed.pdf> (accessed: November 25, 2022).
- Bolchini C., Curino C.A., Quintarelli E., Schreiber F.A., Tanca L. 2007. A data-oriented survey of context models. *ACM SIGMOD Record*, 36(4): 19–26. DOI: 10.1145/1361348.1361353.
- Dijk T.A. 1991. *Cognitive Context Models and Discourse*. Congressional Record. Proceedings and Debates of the 102d Congress, First Session, 1991. Vol. 137, No. 84. London, Longman; 189–226.
- Dijk T.A. 2008. *Discourse and context. A sociocognitive approach*. Cambridge, Cambridge University Press, 267 p. DOI: 10.1017/CBO9780511481499.
- Leeuwen Th. 2004. Ten Reasons Why Linguists Should Pay Attention to Visual Communication. In: *Discourse and Technology: Multimodal Discourse Analysis*. Eds. P. LeVine, R. Scollon. Washington, D.C., Georgetown University Press: 7–19.
- Manovich L. 2014. Post-media aesthetics. In: *Transmedia frictions: the digital, the arts, and the humanities*. Eds. M Kinder, T. McPherson. Oakland, CA, University of California Press: 34–44. DOI: 10.1525/9780520957695-006.
- Matteucci G. 2017. Everyday Aesthetics and aestheticization: reflectivity in perception. *Studi di estetica (anno XLV, IV serie)*, 1: 207–227. DOI: 10.7413/18258646013.
- Mitchell T. 2013. Foreword Media Aesthetics. In: *Thinking Media Aesthetics: Media Studies, Film Studies and the Arts*. Ed. L. Hausken. Berlin, Peter Lang: 15–27.
- Nielsen H.K. 2005. Totalizing aesthetics? Aesthetic theory and the aestheticization of everyday life. *The Nordic Journal of Aesthetics*, 17 (32): 60–75. DOI: <https://doi.org/10.7146/nja.v17i32.2976>.
- O'Halloran K.L. 2011. Multimodal discourse analysis. In: *The Bloomsbury companion to discourse analysis*. Eds. K. Hyland, B. Paltridge. London, New York, Continuum: 120–137.
- O'Halloran K.L., Tan S., Pham D.-S., Bateman J., Vande Moere A. 2018a. A digital mixed methods research design: integrating multimodal analysis with data mining and information visualization for big data analytics. *Journal of Mixed Methods Research*, 12(1): 11–30. DOI: 10.1177/1558689816651015.
- O'Halloran K., Tan S., Smith B., Podlasov A. 2010. Challenges in designing digital interfaces for the study of multimodal phenomena. *Information Design Journal*, 18(1): 2–21. DOI: 10.1075/idj.18.1.02hal.
- O'Halloran K., Wignell P., Tan S. 2018b. Doing critical discourse studies with multimodality: from metafunctions to materiality by Per Ledin and David Machin. *Critical Discourse Studies*, 16(5): 514–521. DOI: 10.1080/17405904.2018.1556173.

Zettl H. 1998. Contextual Media Aesthetics as the Basis for Media Literacy. *Journal of Communication*, 48(1): 81–95. DOI:10.1111/j.1460-2466.1998.tb02739.x

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 13.09.2022.

Received September 13, 2022.

Поступила после рецензирования 14.11.2022.

Revised November 14, 2022.

Принята к публикации 10.12.2022.

Accepted December 10, 2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Загидуллина Марина Викторовна, профессор кафедры теории медиа факультета журналистики, Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Россия.

Marina V. Zagidullina, Professor, Department of Media Theory, Faculty of Journalism, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia.

УДК 32.019.51

DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-4-628-639

Мониторинг новостной повестки дня СМИ и социальных медиа

Каминченко Д.И.

Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23
E-mail: ert1fg2@rambler.ru

Аннотация. Стремительная информатизация современного общества оказывает влияние на создание, распространение и потребление новостного контента. Несмотря на немалый интерес со стороны ученых к теме информационной повестки дня, остаются малоизученными вопросы о содержании современных медиаповесток и отражении в них общественной повестки дня. Цель исследования – определить основное тематическое содержание ряда популярных российских СМИ и социальных медиа и провести их попарное сравнение. Теоретический базис исследования составила теория установления информационной повестки дня. Основными прикладными методами в работе стали сравнительный анализ и качественно-количественный контент-анализ. Результаты исследования позволили установить наиболее распространенные темы в новостных повестках дня ряда СМИ, а также темы, которые вызывают наибольший интерес у аудитории социальных медиа. По результатам работы определено, что повестка дня телевизионного канала «НТВ» и сетевого издания Lenta.Ru содержательно-тематически ближе к общественной повестке дня. Полученные выводы расширяют существующую систему знания в области содержания информационной повестки дня и позволяют оценить степень отражения общественно-новостных интересов в новостном контенте СМИ.

Ключевые слова: информация, традиционные СМИ, Интернет-СМИ, социальные медиа, повестка дня, медиаповестка, общественная повестка дня

Для цитирования: Каминченко Д.И. 2022. Мониторинг новостной повестки дня СМИ и социальных медиа. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 41(4): 628–639. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-4-628-639

Monitoring of the Media News Agenda

Dmitriy I. Kaminchenko

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod
23 Gagarin Avenue, Nizhnij Novgorod 603950, Russia
E-mail: ert1fg2@rambler.ru

Abstract. The rapid informatization of modern society has an impact on the creation, distribution and consumption of news content. Despite considerable interest on the part of scientists in the topic of the information agenda, questions about the content of modern media news and the reflection of the public agenda in them remain poorly understood. The purpose of this study is to determine the main thematic content of a number of popular Russian media and social media and to compare them in pairs. The theoretical basis of the study was the theory of establishing an information agenda. Comparative analysis and qualitative and quantitative content analysis became the main applied methods in the work. The results of the study allowed us to identify the most common topics in the news agendas of a number of media outlets, as well as topics that arouse the greatest interest among the audience of social media. Based on the results of the work, it was determined that the agenda of the TV channel "NTV" and the network edition "Lenta.Ru" content-thematically closer to the public agenda. The findings expand the

existing system of knowledge in the field of the content of the information agenda and allow us to assess the degree of reflection of public news interests in the news content of the media.

Keywords: information, traditional media, Internet-media, social media, agenda, media genda, public agenda

For citation: Kaminchenko D.I. 2022. Monitoring of the Media News Agenda. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 41(4): 628–639 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-4-628-639

Введение

В современном обществе наблюдается стремительное расширение влияния информационно-коммуникационных технологий на различные сферы его функционирования. Не остается в стороне и общественное публичное пространство. Традиционные акторы, действующие в рамках данного пространства, активно используют цифровые технологии для реализации своих целей и интересов. Одним из инструментов реализации собственных интересов в условиях информатизации общества является отражение и продвижение различных тем и вопросов, актуальных для общественных, политических и медийных акторов в так называемой информационной повестке дня. Причем о степени эффективности реализации интересов различными акторами будет говорить как наличие либо отсутствие каких-либо тем и сюжетов в информационной повестке дня, так и специфика атрибутов, с помощью которых эти темы и сюжеты представлены в самой повестке дня.

В условиях современного цифрового общества, когда его коммуникативное пространство наполнено большими объемами данных, повестка дня становится таким информационным полем, в которое попадает лишь незначительная (из общего пласта информации и данных) часть тем и сюжетов. При этом она становится пространством для информационного (в том числе – манипулятивного) взаимодействия для различных общественных, политических и медийных акторов. Особая роль отводится непосредственно повестке дня СМИ, которая нередко, с одной стороны, становится объектом влияния со стороны общества и политических акторов, а с другой – сама способна повлиять на набор ключевых тем и вопросов повесток дня общества и политиков.

Подчеркнем, что на содержание новостной повестки дня СМИ оказывается существенное влияние как на субъектном уровне (с точки зрения, акторов, участвующих в её формировании), так и на технологическом уровне (т. е. с позиций ключевых тенденций распространения информации в современном цифровом обществе). Всё это свидетельствует об актуальности темы изучения медийной повестки дня в условиях цифровизации общества. В частности, немалый интерес представляют собой вопросы, связанные со спецификой содержания информационной повестки дня СМИ, например, присутствуют ли в ней какие-либо доминирующие темы (если да, то какие именно); касающиеся того, в какой степени в содержании медийной повестки дня отражены интересы различных общественных и политических акторов и т. д.

Особый интерес (причем не только применительно к современным реалиям общественного развития) вызывает вопрос о том, насколько медийная повестка дня отражает запросы и интересы общества в целом. Кроме того, важнейшей задачей является и сравнение содержания (как тематического, так и атрибутивного) новостных повесток разных СМИ (традиционных и современных). В частности, выполнение подобной задачи является необходимым условием для понимания того, существует ли сегодня некая общая, глобальная (или усредненная) медийно-новостная повестка дня или же в современном обществе новостной контент разных СМИ слишком фрагментирован и специализирован, а возможно, политизирован, причем как эксплицитно, так и латентно (когда политические акторы намеренно стремятся деполитизировать содержание медиаповестки).

Безусловно, спектр актуальных и востребованных направлений исследований современной информационной повестки дня крайне широк. В данном исследовании мы сосредоточим внимание только на нескольких тематических направлениях. Основная цель работы – сравнить новостные повестки дня разных СМИ и социальных медиа (в определенной степени отражающих общественную повестку дня). Задачами исследования являются (1) выявление основных тем, составляющих новостную повестку ряда СМИ (телевизионного и интернет-СМИ), (2) сравнение их между собой (на тематическом уровне), (3) установление наиболее популярных новостных тем в социальных медиа, (4) сравнение списков ключевых тем повесток дня СМИ со списком тем новостных заголовков, вызвавших наибольший интерес в социальных медиа.

Теоретические основания

Анализу различных аспектов создания и функционирования информационной повестки дня сегодня уделяется немалый объем внимания со стороны российских и зарубежных ученых. В науке активно разрабатывается дефиниция понятия «повестка дня». А.Н. Кулик отмечает, что «повестка дня определяется как перечень проблем, подлежащих обсуждению членами некоего сообщества» [2015, с. 72]. Как пишет С.С. Лушанкин, повестка дня содержит в себе «наиболее важные вопросы, значимость которых установлена и подтверждена всеми либо большинством акторов» [2017, с. 461]. По мнению Л.Н. Тимофеева, информационная повестка дня есть, в первую очередь, «своеобразная градация тем и событий, которые общество через СМИ считает наиболее важными» [2020, с. 67]. А.С. Сумская и П.Ф. Сумской трактуют понятие «информационная повестка дня» как «перечень включённых продюсерами тем в программы» и «своеобразное «информационное меню» для аудитории» [Сумская, Сумской, 2018, с. 585]. В приведенных выше определениях обращается внимание как минимум на два очевидных аспекта: содержательный и субъектный. Если первый аспект связан с актуализацией внимания на перечне тем и вопросов (и их значимости), составляющих повестку дня, то в рамках второго аспекта ключевое внимание отведено субъектам, участвующим в её формировании.

Особое внимание со стороны научного сообщества уделяется и теме существующих типологий информационных повесток дня. Зачастую выделяются как минимум три типа повесток дня: политическая, общественная и медийная. В частности, например, политическая повестка дня, согласно одному из принятых определений, «представляет собой отдельное явление современного мира, существующее в институциональном поле, определённом сферой политики» [Лушанкин, 2017, с. 456]. Как пишут А.Ю. Сизоненко, А.А. Гнедаш и В.В. Катермина (рассматривая цифровую социально-политическую повестку дня) политической сегодня «может стать любая актуальная информация из сферы экономики, социологии, культуры и т. д.» [Сизоненко и др., 2021, с. 103]. Н.Ф. Пономарев отмечает, что «компонентами медиаповестки являются доминирующие в СМИ темы публикаций, общественной повестки – важнейшие для большинства граждан проблемы, политической повестки – первостепенные для политических акторов задачи» [Пономарев, 2010, с. 62].

Изучение различных типов информационных повесток дня сопряжено с необходимостью проведения комплексного и детального анализа влияния друг на друга различных субъектов, участвующих в формировании их тематического и атрибутивного содержания. Говоря, например, о медиаповестке, необходимо согласиться с мнением Д. Помппер и Л. Хоффман [Pompper, Hoffman, 2020, p. 604] о том, что новости не появляются в вакууме, и журналистика — это практическая деятельность внутри определенной среды, по результатам которой производится некий продукт, созданный в условиях сложного и субъективного отбора, структуризации и распространения информации. Отталкиваясь от теории построения информационной повестки дня, С.Ю. Ли и Д. Риффе [Lee, Riffe, 2017] анализируют взаимосвязь между повесткой дня организаций и медиаповесткой по теме корпоративной социальной ответственности (corporate social responsibility (CRS)). В част-

ности, ими выдвигается гипотеза о влиянии значимости указанной тематики в текстах пресс-релизов организаций на значимость данной тематики в освещении деятельности этих организаций средствами массовой информации (отметим, что, по результатам проведенного исследования, эта гипотеза не подтвердилась). Вместе с тем в их работе была проверена и подтверждена другая гипотеза – о влиянии значимости обозначенной тематики в текстах различных мониторинговых, рейтинговых отчетов на значимость данной тематики в текстах СМИ, посвященных деятельности этих организаций.

В масштабном исследовании Л.М. Сэллот и Э.А. Джонсон [Sallot, Johnson, 2006] путем изучения текстов 413 интервью с 418 журналистами, проведенными с 1991 по 2004 год, проводится анализ того, как журналисты оценивают (и как эти оценки изменяются с течением времени) свои отношения со специалистами по связям с общественностью. По мнению ученых, то, как журналисты оценивают свои отношения с представителями PR-служб, во многом связано с особенностями восприятия ими данных представителей в качестве субъектов, участвующих в формировании информационной повестки дня СМИ. Согласно опубликованным в работе результатам, в отношении журналистов к представителям PR-служб прослеживается влияние временного фактора: чем дольше журналисты работают в своей сфере, тем более благоприятно они оценивают развитие своих отношений с представителями PR-служб.

Отдельно обратим внимание на сложившийся пласт научных работ, посвященных анализу процессов восприятия, отношения и потребления обществом новостного контента. В работе Д.Х. Ким и Дж. Пэйсек [Kim, Pasek, 2020, p. 30-31] рассматривается отношение индивидов к поиску разнообразной (например, с точки зрения различных позиций и ценностных оценок) информации. Задаваясь вопросом о том, почему общество не стремится к поиску разнообразной информации (*diversity-seeking*), они предлагают отделить друг от друга ценность поиска разносторонней информации как таковой, с одной стороны, и сложившиеся обыденные практики поиска информации – с другой. Поэтому в своей работе они сперва анализируют то, какое значение индивид изначально придает процессу поиска разносторонней информации, а затем то, как индивиды реализуют подобное отношение к поиску разносторонней информации на практике, сравнивая между собой ценностное восприятие подобного поиска и конкретные черты его воплощения в повседневной жизни. Более того, ученые анализируют данную взаимосвязь (между ценностью и чертами-признаками её воплощения на практике) в ракурсе показателей демократического гражданства (таких, как интерес к политике, знания о политике, участие в голосовании).

В опубликованном в 2020 году научном исследовании под названием *Politically motivated selective exposure and perceived media bias* коллективом авторов [Barnidge et.al, 2020] поднимается вопрос о влиянии политических взглядов индивидов на выбор ими источников информации (на примере штата Висконсин, США). Они выдвигают несколько научно-исследовательских гипотез, среди которых следующие: консервативно настроенные граждане скорее будут просматривать новостной контент консервативных СМИ, чем либеральных, а либерально настроенные граждане будут в первую очередь изучать новостные сообщения либеральных, а не консервативных СМИ. Кроме того, ученые выдвинули предположение о том, что степень крайности политических взглядов может положительно коррелировать с избирательным отношением к медийным источникам информации. Отметим, что результаты проведенного учеными исследования подтвердили обе указанные выше гипотезы.

Отталкиваясь в том числе от концепта национальной (гражданской) идентичности (*national identity*), С. Кнобллок-Вестервик, К. Мотс и Н. Пэлевин [Knobloch-Westerwick et.al, 2020] в одном из своих исследований выдвигают гипотезу, согласно которой избирательное отношение индивида к источнику новостей проявляется сильнее для тех политических сообщений, в которых превозносится государство (по сравнению с какой-либо другой страной), гражданином которого он является (или гражданином которого он себя осознает), чем для сообщений, критикующих его (так называемая – «внутригрупповая предвзя-

тость» (ingroup bias). Более того, чем сильнее у индивида выражена национальная идентичность, тем ярче проявляется его избирательное отношение к сообщениям, восхваляющим государство, гражданином которого он является (или гражданином которого он себя осознает). Однако результаты проведенного исследования среди части студентов одного из американских университетов не подтвердили выдвинутые учеными предположения.

Анализ мотивационных аспектов отбора различных сообщений (в том числе – новостных) в рамках современных социальных медиа также представлен в научном дискурсе. Например, на влияние политических взглядов и мнений на процесс отбора сообщений в рамках онлайн-форумов обращается внимание в исследовании *The dynamics of message selection in online political discussion forums: self-segregation or diverse exposure?* Его авторы [Song et al, 2020] выдвинули ряд гипотез, в частности, они предположили, что участники дискуссионного онлайн-форума с большей вероятностью будут отбирать (для просмотра и возможного ответа или реакции) сообщения друг друга, если они имеют схожие политические предпочтения, а также – если они используют схожие критерии оценки кандидатов, участвующих на выборах. Если первая из указанных выше гипотез в ходе проведенного учеными анализа своего подтверждения не нашла, то второе предположение было подтверждено.

Несмотря на наличие складывающегося пласта научных работ, посвященных анализу различных процессов, связанных с информационной повесткой дня, данное научно-исследовательское направление требует дальнейшего изучения. По-прежнему недостаточно активно изучается содержание информационных повесток дня как СМИ, так и общества, и политических акторов. Крайне редко проводится сравнительный анализ различных медиаповесток между собой (как на содержательно-тематическом, так и на содержательно-атрибутивном уровнях), а также сравнение повесток дня СМИ и общества (например, через призму повестки дня социальных медиа). Между тем в условиях информатизации общества и медиатизации политики именно анализ и сравнение содержания информационных повесток дня является одним из ключевых направлений исследований в данной предметной области.

Наше исследование нацелено на восполнение существующего пробела в области изучения содержания новостных повесток СМИ и социальных медиа (показатели популярности новостей в которых в определенной мере отражают общественную повестку дня).

Объекты и методы исследования

Теоретический базис проводимого исследования составляет теория установления информационной повестки дня (agenda-setting theory). По мнению Ш. Мерец [Meraz, 2009, p. 683], теория установления информационной повестки дня сформировалась в первую очередь как теория, которая включает в себя ряд тематических компонентов, среди них – атрибутивный компонент (или второй уровень повестки дня), психологический компонент (объясняет эффекты установления повестки дня на индивидуальном уровне (потребность в ориентации), акцент на процессах образования повестки дня и объяснение собирательного феномена взаимосвязанной, срединной медийно-новостной повестки (interrelated agenda). Известный ученый М. МакКомбс [McCombs, 2014, p. 112], анализируя процессы конструирования медийной повестки с точки зрения структурно-функциональных позиций, выделяет 3 основных компонента данных процессов: (1) ключевые внешние источники новостей (например, политические лидеры и партии), (2) взаимодействие различных СМИ между собой (нередко обозначаемое как срединная, взаимосвязанная повестка (interrelated agenda) и (3) социальные нормы и традиции журналистики (определяющие основные правила при окончательном складывании содержания повестки дня СМИ).

Основным прикладным методом проводимого исследования выбран ненаправленный тип качественно-количественного контент-анализа, так как его применение релевантно поставленным в работе задачам. В качестве информационных данных для проведения

текстового анализа использованы новостные заголовки популярных интернет-изданий «Газета.ru»¹ и «Lenta.ru»² (как представителей современных, сетевых СМИ), телевизионного канала «НТВ»³ (как представителя более традиционного, телевизионного СМИ (хотя, безусловно, как и многие другие представители традиционных СМИ, активно использующего современные ИКТ), а также новостные заголовки, которые оказались наиболее популярными в социальных медиа (по данным новостного агрегатора MediaMetrics⁴). Уточним, что в качестве популярных заголовков новостей в социальных медиа изучались те новостные заголовки, которые сперва размещались различными СМИ, а затем просматривались аудиторией социальных медиа. В качестве аналитической единицы проводимого в данном исследовании контент-анализа используется тема, а единицей счета – заголовки новостей.

Мониторинг текстов новостных заголовков указанных СМИ и социальных медиа проводился в течение 60 дней, с 14 марта по 10 мая 2021 года. Ежедневно (в ходе всего периода осуществления мониторинга) после 21:00 (так как к указанной временной точке новостная повестка дня становится в целом полностью сформированной) в таблицу заголовков новостей обозначенных СМИ и социальных медиа отбирались по 10 последних (по времени их опубликования к моменту проведения наблюдения) заголовков новостей. В итоге суммарное количество текстов новостных заголовков, собранное за период проведения мониторинга, составило 2 400, что, по нашему мнению, является достаточным количеством текстовых объектов для выполнения поставленных в исследовании задач.

В результате проведения контент-анализа определены основные темы, встречающиеся в рассмотренных новостных заголовках, а также подсчитано количество самих новостных заголовков, относимых к той или иной теме, то есть определена «популярность» (с точки зрения количества новостных заголовков) выявленных тем.

Отметим, что один и тот же новостной заголовок может быть отнесен сразу к нескольким темам, что учитывалось в процессе сортировки заголовков (поэтому и в нашем исследовании одни и те же заголовки новостей могли быть отнесены одновременно к разным тематикам). После применения контент-анализа и установления «популярности» различных тем в работе проведен сравнительный анализ тем, представленных в повестках дня СМИ и социальных медиа. Сравнение перечней наиболее распространенных тем в повестках дня разных субъектов её формирования позволит сделать выводы о том, насколько тематически близким является их содержание.

Результаты

По результатам проведения мониторинга заголовков новостей собраны и изучены 2 400 заголовков с интернет-страниц официальных сайтов «НТВ», Lenta.Ru, «Газета.Ru» и социальных медиа (по 600 новостных заголовков для каждого из указанных субъектов, участвующих в формировании новостной повестки дня). На основе выполненного анализа выделены основные темы, встречающиеся в новостных заголовках СМИ и наиболее популярные заголовки новостей среди российской аудитории социальных медиа. В список выделенных тематик вошли следующие темы: «Происшествие», «Социальная сфера» (объединяющая новости по тематикам здравоохранения, образования, строительства, ЖКХ и т.д.), «Мировая политика» (политические события, происходящие в зарубежных государствах и тематика межгосударственных отношений зарубежных стран), «Внешняя политика России» (тематика политических отношений России

¹ «Газета.ru». Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/> (дата обращения: 26.01.2022)

² Lenta.ru. Режим доступа: <https://lenta.ru/> (дата обращения: 26.01.2022)

³ «НТВ». Режим доступа: <https://www.ntv.ru/> (дата обращения: 26.01.2022)

⁴ MediaMetrics. Режим доступа: <https://mediametrics.ru/rating/ru/online.html> (дата обращения: 26.01.2022)

с иностранными государствами), «Внутренняя политика России» (политические события, происходящие в России), «Искусство, культура» (включает в себя не только тематику искусства и культуры, но и тематику ценностей и бытовой культуры общества), «Экономика», «Погода», «История», «Спорт», «Военная безопасность», «Музыка», «Наука и технологии», «Экология», «Путешествия и туризм», «Гражданская активность» (новостные заголовки по теме участия граждан в различных общественных и политических мероприятиях), «Законодательство» (данная тема включает в себя новостные сообщения о принимаемых законопроектах), «Религия».

Показатели частоты встречаемости новостных заголовков в указанных СМИ и социальных медиа по обозначенным темам представлены в табл. 1.

Таблица 1
Table 1

Частота встречаемости новостных заголовков по темам
 в информационных повестках дня СМИ и социальных медиа в абсолютных числовых значениях
 The occurrence of frequency of news headlines by topic
 in the agendas of the media agendas, in absolute numbers

Темы	СМИ / социальные медиа			
	НТВ	Газета.Ru	Lenta.Ru	MediaMetrics (социальные медиа)
Происшествие	159	89	129	322
Социальная сфера	94	108	100	68
Мировая политика	93	107	91	25
Внешняя политика России	80	178	121	72
Внутренняя политика России	55	53	46	67
Искусство, культура	44	9	36	48
Экономика	31	26	44	30
Погода	30	2	4	11
История	27	17	17	23
Спорт	27	75	70	7
Военная безопасность	22	41	37	12
Музыка	20	1	2	21
Наука и технологии	18	27	24	5
Экология	15	3	9	1
Путешествие и туризм	13	9	18	5
Гражданская активность	9	10	5	7
Законодательство	1	5	1	5
Религия	1	1	0	2

Для проведения сравнительного анализа содержания информационных повесток дня СМИ и социальных медиа установлены и представлены в отдельной таблице (табл. 2) пять наиболее популярных (по частоте встречаемости заголовков новостей) тем для каждого из указанных СМИ и социальных медиа. Среди представленных перечней наиболее популярных тематик дополнительно выделены три темы, которые входят в пять наиболее популярных тем повесток дня всех указанных СМИ и социальных медиа (темы: «Происшествие», «Социальная сфера» и «Внешняя политика»).

Подробные результаты отображены в табл. 2.

Таблица 2

Table 2

Наиболее популярные (по частоте встречаемости новостных заголовков)
темы информационных повесток дня СМИ и социальных медиа
The most popular (in terms of occurrence frequency of news headlines) topics in the media agendas

НТВ	Газета.Ru	Lenta.Ru	MediaMetrics (социальные медиа)
Происшествие	Внешняя политика России	Происшествие	Происшествие
Социальная сфера	Социальная сфера	Внешняя политика России	Внешняя политика России
Мировая политика	Мировая политика	Социальная сфера	Социальная сфера
Внешняя политика России	Происшествие	Мировая политика	Внутренняя политика России
Внутренняя политика России	Спорт	Спорт	Искусство, культура

Обсуждение результатов

Приведенные выше результаты исследования позволяют сделать ряд выводов. Во-первых, за указанный в работе период мониторинга наиболее часто встречаемыми (причем с существенным отрывом от остальных тем) в медиаповестке телеканала «НТВ» новостными заголовками стали заголовки по теме «Происшествие», а также по темам «Социальная сфера», «Мировая политика» (показатели частоты встречаемости заголовков по данным темам количественно довольно близки), «Внешняя политика России» и «Внутренняя политика России». Данные результаты отчасти согласуются с результатами аналогичного мониторинга (но с меньшей выборкой), проведенного в 2019 году, когда также наиболее часто встречаемыми заголовками в новостной повестке «НТВ» оказались заголовки по темам «Происшествие» и «Мировая политика» (в аналогичной последовательности). Впрочем, тогда темы «Социальная сфера», «Внешняя политика России» и «Внутренняя политика России» не вошли в число пяти наиболее распространенных тем [Каминченко, 2019].

В медиаповестке интернет-издания «Газета.Ru» чаще остальных за указанный период времени встречаются заголовки по теме «Внешняя политика России» (с существенным отрывом от других тем), далее идут темы: «Социальная сфера», «Мировая политика» (показатели частоты встречаемости здесь количественно также, как и в случае с новостной повесткой «НТВ», довольно близки), «Происшествие» и «Спорт». По итогам мониторинга, проведенного в 2019 году, в число пяти наиболее распространенных тем повестки дня данного интернет-издания вошли следующие темы: «Мировая политика» (с существенным отрывом от других тем), «Происшествие», «Внешняя политика России», «Спорт», «Музыка» [Каминченко, 2019]. Как видим, список наиболее распространенных тем изме-

нился не слишком заметно, однако сместился акцент с тематики мировой политики на внешнюю политику России.

В медиаповестке интернет-СМИ Lenta.Ru наиболее распространенными стали следующие темы: «Происшествие», «Внешняя политика России» (показатели частоты встречаемости заголовков новостей по двум указанным тематикам незначительно различаются друг с другом), «Социальная сфера», «Мировая политика» (показатели частоты встречаемости новостных заголовков по двум данным темам количественно близки, но заметно отстают от двух лидирующих тематик), «Спорт» (показатель частоты встречаемости новостных заголовков по данной тематике заметно отстает от показателей лидирующих тем). По данным 2019 года, наиболее распространенными темами новостной повестки указанного интернет-издания были «Мировая политика», «Происшествие», «Экономика», «Социальная сфера», «Культура, искусство», «Спорт», «Музыка» (показатели частоты встречаемости по трем последним из указанных тем были одинаковыми) [Каминченко, 2019]. Сравнивая список тем повестки дня, отмечаем несущественные различия в перечне тем, но тематика мировой политики стала менее распространенной в отличие от темы «Происшествие». Сохранили свою значимость для содержания указанной медиаповестки темы, связанные с социальной сферой и спортом.

Наиболее популярной темой новостных заголовков среди аудитории социальных медиа стала тема «Происшествие» (с огромным отрывом от показателей популярности других тем). Далее по степени популярности идут следующие темы: «Внешняя политика России», «Социальная сфера», «Внутренняя политика России» (показатели частоты встречаемости заголовков новостей по трем указанным тематикам близки) и «Искусство и культура» (с заметным отставанием по степени популярности от других тем). Сравнивая эти показатели с показателями, полученными в 2019 году, обращаем внимание на сохранение уверенного доминирования новостных заголовков по теме «Происшествие». Вместе с тем в 2019 году на втором месте по частоте встречаемости в новостной повестке социальных медиа была тема «Мировая политика». По итогам мониторинга, проведенного в 2021 году, данная тема не получила сравнимого с показателями мониторинга 2019 года объема внимания со стороны аудитории. В 2019 году распространенными темами в повестке дня социальных медиа были также следующие темы: «Экономика», «Внутренняя политика России», «Социальная сфера», «Внешняя политика России». Часть из этих тем остались и в перечне наиболее распространенных тем повестки дня социальных медиа по итогам мониторинга 2021 года.

Во-вторых, сравнивая тематическое содержание новостных повесток дня изучаемых в работе средств массовой информации, необходимо заметить, что списки основных тем двух интернет-изданий одинаковы (отличается только порядок их расположения). Крайне близким двум сетевыми СМИ с точки зрения набора тематик является и список тем, представленных в повестке дня телеканала «НТВ» (списки основных тем ТВ-канала и сетевых СМИ отличаются только отсутствием в перечне ТВ-канала спортивной тематики, а в списках тем интернет-изданий – темы «Внутренняя политика России»). Иными словами, внешне на содержательно-тематическом уровне повестки дня рассмотренных СМИ близки между собой. Если обратить более детальное внимание на соотношение показателей распространенности тем в содержании повесток дня, то следует подчеркнуть наличие отдельно доминирующих тем в новостных повестках «НТВ» (тема «Происшествие») и «Газета.Ru» (тема «Внешняя политика России») и наличие в новостной повестке интернет-издания Lenta.Ru двух преобладающих (но не доминирующих, как в случае с двумя другими СМИ) тем (как раз-таки тематик «Происшествие» и «Внешняя политика России»).

В-третьих, сравнивая новостные повестки СМИ и социальных медиа, необходимо заметить, что наибольшая степень соответствия между порядком расположения тем в новостной повестке социальных медиа наблюдается с порядком тем, входящих в повестку дня интернет-издания Lenta.Ru (в частности, порядок расположения первых трех по сте-

пени распространенности в них тем одинаков). Вместе с тем обращаем внимание на то, что в общественной повестке дня абсолютно доминирующее по частоте встречаемости новостных заголовков положение занимает тематика происшествий, что объединяет общественную повестку, прежде всего, с новостной повесткой «НТВ», так как данная тематика также доминирует в новостной повестке указанного ТВ-канала. При этом в новостной повестке Lenta.Ru тематика происшествий хоть и является наиболее распространенной, но далеко не в той степени, в какой она доминирует в новостных повестках общества и телеканала «НТВ». Наименьшая степень сходства с повесткой дня социальных медиа наблюдается у новостной повестки дня интернет-издания «Газета.Ru».

Выводы

Стремительная цифровизация современного общества накладывает свой отпечаток на процессы, связанные с созданием, распространением и потреблением новостей. Претерпевает изменения и сама структура новостных текстов. Как следствие указанных закономерностей происходят существенные изменения и в процессах формирования информационной повестки дня различных субъектов: политических, общественных и медийных. Поэтому крайне важным шагом для понимания сущности этих изменений является проведение детального анализа содержания новостных повесток дня и их сравнение, причем как между одинаковыми акторами, относящимися к одному типу субъектов (например, между различными СМИ), так и между разными субъектами (например, сравнение новостных повесток общества и СМИ).

В проведенном исследовании с помощью мониторинга новостных заголовков, их текстового и сравнительного анализа установлены наиболее распространенные (с точки зрения частоты встречаемости новостных заголовков) тематики. Кроме того, в работе осуществлен сравнительный анализ новостных повесток СМИ между собой, а также – новостных повесток СМИ и социальных медиа. Это позволило сделать вывод о том, структурно повестка дня сетевого издания Lenta.Ru относительно ближе к повестке дня социальных медиа, при этом, с точки зрения такой содержательной особенности, как доминирование конкретной тематики (а именно – темы происшествий), наиболее близкой к повестке дня социальных медиа оказалась повестка дня телевизионного канала «НТВ».

Обращает на себя внимание и внешняя тематическая близость медийных повесток рассмотренных СМИ, за которой при этом скрывается наличие определенных акцентов (с разной степенью их выраженности).

Результаты выполненного анализа сопоставлены с результатами аналогичного исследования, проведенного в 2019 году, что позволило сделать выводы о том, изменились ли основные акценты в новостных повестках дня с течением времени. Если наиболее популярная тема новостного меню телевизионного канала «НТВ» осталась прежней (тема происшествий), то темы самых часто встречаемых заголовков новостей интернет-изданий «Газета.Ru» и Lenta.Ru претерпели определенные изменения. В случае с повесткой дня «Газеты.Ru» самой популярной стала тема внешней политики России (вместо тематики мировой политики), а в случае с новостным меню Lenta.Ru – наиболее популярной стала тема «Происшествия» (вместо темы мировой политики). Отметим, что ключевой акцент повестки дня социальных медиа остался прежним (тема происшествий).

Список литературы

- Каминченко Д.И. 2019. Сравнительный анализ информационной повестки дня средств массовой информации и современных социальных медиа. Медиаскоп, 4: 3. DOI: 10.30547/mediascope.4.2019.3.
- Кулик А.Н. 2015. Между властью и обществом: к вопросу о роли публичных интеллектуалов в установлении повестки дня в современной России. Политическая наука, 3: 71–90.

- Лушанкин С.С. 2017. Категория «повестка дня» в структуре политического процесса: Понятие «политической повестки дня» и модели её формирования. Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения, 1(4): 456–465.
- Пономарев Н.Ф. 2010. Фрейминг медиаповестки дня и типология медиафреймов. Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология, 3(9): 62–69.
- Сизоненко А.Ю., Гнедаш А.А., Катермина В.В. 2021. Сетевой дискурс и российский мэр: Формирование цифровой социально-политической повестки дня в социальных сетях (опыт сетевого и лингводискурсивного анализа), Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева, 3(112): 100–111. DOI: 10.37972/chgpu.2021.112.3.013.
- Сумская А.С., Сумской П.Ф. 2018. Моделирование теленовостей в контексте информационной политики телеканала. Вопросы теории и практики журналистики, 4: 581–598. DOI: 10.17150/2308-6203.2018.7(4).581-598.
- Тимофеева Л.Н. 2020. Новая социальность в информационной повестке дня: роль старых и новых медиа. Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология, 2: 64–69.
- Barnidge M., Gunther A.C., Kim J., Hong Ya., Perryman M., Tay S.K., Knisely S. 2020. Politically motivated selective exposure and perceived media bias. *Communication research*, 47(1): 82–103. DOI: 10.1177/0093650217713066.
- Kim D.H., Pasek J. 2020. Explaining the diversity deficit: Value-trait consistency in news exposure and democratic citizenship. *Communication research*, 47(1): 29–54. DOI: 10.1177/0093650216644647.
- Knobloch-Westerwick S., Mothes C., Polavin N. 2020. Confirmation bias, ingroup bias, and negativity bias in selective exposure to political information. *Communication research*, 47 (1): 104–124. DOI: 10.1177/0093650217719596.
- Lee S.Y., Riffe D. 2017. Who sets the corporate social responsibility agenda in the news media? Unveiling the agenda-building process of corporations and a monitoring group. *Public Relations Review*, 43(2): 293–305. DOI: 10.1016/j.pubrev.2017.02.007.
- McCombs M. 2014. *Setting the agenda: The mass media and public opinion*. Polity Press. 208 p.
- Meraz Sh. 2009. Is There an elite hold? Traditional media to social media agenda setting influence in blog networks. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 14(3): 682–707. DOI: 10.1111/j.1083-6101.2009.01458.x.
- Pompper D., Hoffman L. 2020. From what is news to how vital is news. *Mass Communication and Society*, 23(5): 603–607. DOI: 10.1080/15205436.2020.1802927.
- Sallot L.M., Johnson E.A. 2006. Investigating relationships between journalists and public relations practitioners: Working together to set, frame and build the public agenda, 1991–2004. *Public Relations Review*, 32(2): 151–159. DOI: 10.1016/j.pubrev.2006.02.008.
- Song H., Cho Ja., Benefield G.A. 2020. The dynamics of message selection in online political discussion forums: Self-segregation or diverse exposure? *Communication research*, 47(1): 125–152. DOI: 10.1177/0093650218790144.

References

- Kaminchenko D.I. 2019. Comparative analysis of informational agenda of mass media and modern social media. *Mediascope*, 4: 3 (in Russian). DOI: 10.30547/mediascope.4.2019.3.
- Kulik A.N. 2015. Between government and society: the role of public intellectuals in the national agenda setting in modern Russia. *Political Science*, 3: 71–90 (in Russian).
- Lushankin S.S. 2017. Category "agenda" in the structure of the political process: the concept of "political agenda" and the model of its formation. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 1(4): 456–465 (in Russian).
- Ponomarev N.F. 2010. Types of media frames. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 3(9): 62–69 (in Russian).
- Sizonenko A.Yu., Gnedash A.A., Katermina V.V. 2021. Network discourse and the russian mayor: shaping a digital socio-political agenda in social networks (network and linguistic discursive analysis). *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.Ya. Yakovleva*, 3 (112): 100–111. DOI: 10.37972/chgpu.2021.112.3.013.
- Sumskaya A.S., Sumskoy P.F. 2018. Modeling of tv news in the context of information policy of a television channel. *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 4: 581–598 (in Russian). DOI: 10.17150/2308-6203.2018.7(4).581-598.

- Timofeeva L.N. 2020. Novaya sotsial'nost' v informatsionnoy povestke dnya: rol' starykh i novykh media [New sociality in the information agenda: the role of old and new media]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya*, 2: 64–69.
- Barnidge M., Gunther A.C., Kim J., Hong Ya., Perryman M., Tay S.K., Knisely S. 2020. Politically motivated selective exposure and perceived media bias. *Communication research*, 47(1): 82–103. DOI: [10.1177/0093650217713066](https://doi.org/10.1177/0093650217713066).
- Kim D.H., Pasek J. 2020. Explaining the diversity deficit: Value-trait consistency in news exposure and democratic citizenship. *Communication research*, 47 (1): 29–54. DOI: [10.1177/0093650216644647](https://doi.org/10.1177/0093650216644647).
- Knobloch-Westerwick S., Mothes C., Polavin N. 2020. Confirmation bias, ingroup bias, and negativity bias in selective exposure to political information. *Communication research*, 47(1): 104–124. DOI: [10.1177/0093650217719596](https://doi.org/10.1177/0093650217719596).
- Lee S.Y., Riffe D. 2017. Who sets the corporate social responsibility agenda in the news media? Unveiling the agenda-building process of corporations and a monitoring group. *Public Relations Review*, 43(2): 293–305. DOI: [10.1016/j.pubrev.2017.02.007](https://doi.org/10.1016/j.pubrev.2017.02.007).
- McCombs M. 2014. *Setting the agenda: The mass media and public opinion*. Polity Press. 208 p.
- Meraz Sh. 2009. Is There an elite hold? Traditional media to social media agenda setting influence in blog networks. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 14(3): 682–707. DOI: [10.1111/j.1083-6101.2009.01458.x](https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.2009.01458.x).
- Pompper D., Hoffman L. 2020. From what is news to how vital is news. *Mass Communication and Society*, 23(5): 603–607. DOI: [10.1080/15205436.2020.1802927](https://doi.org/10.1080/15205436.2020.1802927).
- Sallot L.M., Johnson E.A. 2006. Investigating relationships between journalists and public relations practitioners: Working together to set, frame and build the public agenda, 1991–2004. *Public Relations Review*, 32(2): 151–159. DOI: [10.1016/j.pubrev.2006.02.008](https://doi.org/10.1016/j.pubrev.2006.02.008).
- Song H., Cho Ja., Benefield G.A. 2020. The dynamics of message selection in online political discussion forums: Self-segregation or diverse exposure? *Communication research*, 47(1): 125–152. DOI: [10.1177/0093650218790144](https://doi.org/10.1177/0093650218790144).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 28.01.2022.

Поступила после рецензирования 14.11.2022.

Принята к публикации 10.12.2022.

Received January 28, 2022.

Revised November 14, 2022.

Accepted December 10, 2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Каминченко Дмитрий Игоревич, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Института международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitry I. Kaminchenko, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Institute of International Relations and World History, N.I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russia.

УДК 82.0

DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-4-640-650

Идеология ограниченной субъектности в творчестве современных российских публицистов: сущность и способы имплементации

Меринов В.Ю.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: merinov@bsu.edu.ru

Аннотация. В научный оборот вводится понятие «идеология ограниченной субъектности», даются общие параметры этой идеологии в контексте известных социально-политических и социально-психологических понятий. На примере публикаций современных российских авторов сделана попытка показать, каким образом идеология ограниченной субъектности реализует себя в текстах, посвященных вопросам искусства. В частности, выявлена роль категории долженствования, патерналистского (заботливого и всемогущего) государства, морального подхода к интерпретации художественного произведения и фигуре его автора, морального долга перед коллективным или абстрактным Целым, конструирования конфликта великого прошлого и деградирующего, хаотического настоящего, приоритета коллективной идентичности над индивидуальной как структуры подчинения индивидуальной воли (ограничения самостоятельного выбора) коллективным целям. Сделано предположение, что идеология ограниченного выбора реализует себя через апологию художественного направления классического реализма (в котором актуализируются черты замкнутости, сосредоточенности на «своем», этноцентризм и т.п.). Автор полагает, что возможно одним из самых действенных инструментов внедрения идеологии ограниченной субъектности является обращение авторов к искусству социалистического реализма, в рамках которого большое значение обретает одобрение ими деятельности больших и малых тотальных коллективов (от государства до трудового коллектива), а также утверждается концепция коллективной личности, полностью реализующей свой потенциал внутри тотальных коллективов и представленных обстоятельств как образцовой, эталона социально-политического поведения.

Ключевые слова: российская публицистика, дискурс, идеология, критический дискурс-анализ, современное искусство, культурная проблематика в российской публицистике

Для цитирования: Меринов В.Ю. 2022. Идеология ограниченной субъектности в творчестве современных российских публицистов: сущность и способы имплементации. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 41(4): 640–650. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-4-640-650

The Ideology of Limited Subjectivity in Writings of Modern Russian Publicists: Essence and Methods of Implementation

Valery Y. Merinov

Belgorod National Research University
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russia
E-mail: merinov@bsu.edu.ru

Abstract. The article introduces the concept of “ideology of limited subjectness” into scientific circulation, gives the general parameters of this ideology, in the context of well-known socio-political and socio-psychological concepts. On the example of the publications of contemporary Russian authors, an

attempt is made to show how the ideology of limited subjectivity realizes itself in texts devoted to issues of art. In particular, the role of the category of obligation, the paternalistic (caring and omnipotent) state, the moral approach to the interpretation of a work of art and the figure of its author, the moral duty to the collective or abstract Whole, the construction of the conflict of the great past and the degrading, chaotic present, the priority of collective identity over individual, as structures for the subordination of individual will (restriction of independent choice) to collective goals. In addition, it has been suggested that the ideology of limited choice realizes itself through an apology for the artistic direction of classical realism (in which the features of isolation, focus on "one's own", ethnocentrism, etc. are actualized). In addition, the author believes that perhaps one of the most effective tools for introducing the ideology of limited subjectivity is the authors' appeal to the art of socialist realism, within which their approval of the activities of large and small total collectives (from the state to the labor collective) is of great importance, as well as the concept of a collective personality is affirmed, fully realizing its potential within total collectives and the circumstances presented as an exemplary, standard of socio-political behavior.

Key words: Russian journalism, discourse, ideology, critical discourse analysis, contemporary art, cultural issues in Russian journalism

For citation: Merinov V.Y. 2022. The Ideology of Limited Subjectivity in Writings of Modern Russian Publicists: Essence and Methods of Implementation. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 41(4): 640–650 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-4-640-650

Философско-методологические основания работы

Публицистика как конструкт и дискурс

Размышления об искусстве в силу своей специфичности, когда по сути разговор идет о сфере ценностей и эстетических предпочтений, зачастую носят эмоциональный и субъективный характер и отражают не столько существующее положение дел в культуре, сколько картину мира самого публициста, тем более что тема культуры традиционно является удобным предлогом для выхода к более широким обобщениям, то есть к социально-политической и моральной проблематике. Авторы расставляют приоритеты, привлекают внимание к явлениям, событиям, героям, акцентируют, интерпретируют одобряют или напротив осуждают согласно своим взглядам (идеологии), имеющим, по нашему мнению, более или менее системный характер. Именно поэтому тексты целесообразно рассматривать в контексте дискурсологии. Как известно, под дискурсом понимается текст как способ видения (проектирования) мира, обладающий внутренним единством (М. Фуко), в котором актуализированы (проступают в открытом и скрытом виде) отношения неравенства, подчинения, дискриминации, превосходства и т.п., отражающие моральные и политические (идеологические) ориентации автора. Особый интерес исследователь дискурса проявляет «...к критическому изучению социальных проблем, социального неравенства, доминирования и прочих релевантных феноменов в целом, а также роли дискурса, языковых практик и коммуникации в их реализации в частности» [Дейк ван Тён, 2013, с. 23].

Понятие «идеология»

Идеология – один наиболее сложных теоретических концептов. Самое общее определение идеологии как формы общественного сознания звучит следующим образом: «Идеология (греч. *ιδεολογία*; от *ιδέα* "прообраз, идея" и *λόγος* "слово, разум, учение") – система концептуально оформленных идей, которая выражает интересы, мировоззрение и идеалы различных субъектов политики – классов, наций, общества, политических партий, общественных движений – и выступает формой санкционирования существующего в обществе господства и власти (консервативные идеологии) или радикального их преобразования (идеологии «левых» и «правых» движений); идеология и форма общественного сознания – составные части культуры, духовного производства» [Семигин, 2010, с. 81].

Существует значительное количество и других подходов к этому понятию и определению его природы. Среди основных выделяют, к примеру, марксистскую традицию,

включающую собственно марксову точку зрения (идеология как «ложное сознание», «превращенная форма сознания» враждебная рабочему классу (К. Маркс, Ф. Энгельс), а также продолжение марксистской критической парадигмы в социологическом подходе (Э. Дюркгейм, Т. Гейгер). Через критику «тотальной» идеологии рассматривает идеологию М. Хоркхаймер (идеология как тип социального действия), Т. Адорно). В критическом постмарксизме (К. Манхейм) идеология рассматривается как апология господствующим классом существующего политического строя, противостоящая утопиям неимущих классов, а М. Шеллер в контексте социологии знания называет идеологиями способы рационализации витальных влечений различных классов.

Развитие марксистской линии происходит в версии идеологии как инструмента революции (идеология как проекция классового сознания, марксизм обретает черты «научной идеологии» (В.И. Ленин), формы классового сознания, выражающей чаяния и надежды угнетенных (Г. Лукач, Э. Блох, К. Корш и др.). В неомарксизме XX века идеология раскрывается через термин «культурная гегемония» (А. Грамши), в структуралистском марксизме идеология заявляет себя как проявление структур бессознательного (Л. Альтюссер).

В рамках структурно-психологического подхода (Э. Лакло, Ш. Муфф) было предложено посмотреть на идеологию как на «фантазматическую конструкцию», «иллюзию», служащую опорой для «действительности», своего рода маскировки «невыносимой» реальности (способ «бегства» от неё) или, напротив, как средство укрытия (С. Жижек). Кроме перечисленных точек зрения можно добавить – семиотический (М.М. Бахтин), ценностный, мифологический (Р. Барт (постструктурализм)) подходы.

Наиболее подходящим в контексте нашего исследования является дискурсный подход: идеология как средство манипуляции в дискурсе (Серио, Т. ван Дейк и др.). В нашей версии идеология – это система представлений о наилучшем политическом устройстве общества, понимание человека (концепция человека), его природы, а также того, что способствует сохранению его человечности (в рамках отношений человек – государство, человек – общество, степень его автономности (зависимости) от макросоциальных структур, тип социальной активности, свойства личности и т.п.). Идеология явно или имплицитно может быть представлена в различных дискурсах. Наиболее откровенно она проявляет себя в политическом дискурсе, социально-политической публицистике. В других видах публицистического высказывания, к примеру, с культурной проблематикой, идеология может существовать и в не столь открытом виде.

Идеология ограниченной субъектности: основные параметры

В самом общем виде мы могли бы определить суть идеологии ограниченной субъектности следующим образом: это ряд взаимосвязанных идей, принципов, представлений социально-политического и социально-психологического характера, в основе которых находится убеждение в необходимости зависимости, контроля и ограничения частного человека (его желаний и воли, т. е. субъектности, права самостоятельного выбора своей судьбы вне связи с коллективной волей (целью)) со стороны больших структур (государства, нации и т.д.). Речь идет о двух базовых принципах, заложенных в её основание: принципа недоверия отдельному, частному человеку, предоставленному самому себе, и доверия иерархическими структурам: Государству всеобщего блага и справедливости и его всемогущему правительству, встроенным в большое Целое тотальным коллективам, сакрализованным сущностям (прошлому, традиции, религии, общему делу) и т.д.

Более подробно мы смогли бы представить идеологию ограниченного выбора как состоящую из двух крупных ментальных блоков, макро и микроструктурного.

1. Макроструктурный блок – это представления об обществе и государстве (коллективы). В него входят:

а) представление об общественном порядке как создаваемом сверху, организованном из одного центра;

б) иерархическое общество. Представление об иерархии как важнейшем принципе устройства общества и государства. Высокая степень дифференциации общества, разделение на управляющих и управляемых;

в) монополизация власти. Строгая вертикаль власти во главе с «сильным» лидером, решительное управление, закрытость власти от контроля со стороны «низа»;

г) стирание границ между государством и обществом (поглощение второго первым);

д) этатизм. Государственный патернализм. Всемогущее государство (правительство), имеющее возможность по своему усмотрению распределять ресурсы и регулировать большинство сторон жизни общества и человека, включая его личную и духовную жизнь, сферу желаний;

е) замкнутое, сплоченное, монолитное, однородное, конфронтационное общество;

ж) широкое распространение дисциплинарных групп (авторитарных (милитарных) коллективов, организаций) как основного типа организации обществ, первичность (приоритет) коллектива по отношению к человеку. Коллектив (Целое) как носитель «правильных» ценностей;

з) неприятие автономности как способа существования институтов, организаций и человека.

Представленные характеристики общества коррелируют с такими научными понятиями, как «азиатский способ производства» (К. Маркс, Ф. Энгельс), «относительно однородное традиционное (вариант – военное) общество» (Г. Спенсер), «закрытое общество» (К. Поппер, Дж. Сорос), «тоталитарное общество» (государство, порядок) (З. Бжезинский, Фридрих, У. Эко, Х. Арндт и др.), «коллективистское» общество (У. Блюм), «общество ограниченного доступа // «естественное государство» (Д. Норт), «деспотическое восточное общество, тотальная власть» (К. Виттфогель), «моноархия» («монархия») (Р. Даль), «негражданское общество», «всемогущее правительство, тотальное государство» (государство) (Л. фон Мизес), «государство социалистического типа» (Ф. фон Хайек, Р. Кунбедду), общество, тяготеющее к «коллективистскому» социальному полюсу (А.А. Ивин), «культура 2» («вертикальная социокультурная парадигма») (В. Паперный), общество с доминантой «институциональной матрицы X» (С.Г. Кирдина) и др.

2. Микроструктурный блок – представления о природе человека, его месте и роли в обществе, а также о способах сохранения человечности.

Исходит из базового принципа недоверия к человеку, так как считает, что его природа стихийна, слаба, а разум уязвим (подвержен влияниям, манипуляциям, легковерен). Он почти неспособен самостоятельно противостоять искушениям (прежде всего собственным страстям, порокам, слабостям, грехам), поэтому нуждается во внутреннем самоконтроле, но особенно во внешнем контроле, снижении степени автономии личности, некоем направляющем начале, ограничивающем его в самостоятельном выборе (субъектности), сдерживающем его личные потребности. Эту роль должно выполнять всемогущее государство и авторитарные коллективы, в которые человек должен быть встроены.

Ведущими качествами человека должны быть склонность к подавлению личных потребностей, верность, терпеливость, дисциплина, соблюдение субординации, привычка к подчинению (послушанию) общим (групповым) правилам и авторитету (твердой власти), терпимость к запретам, внутрисистемному насилию и принуждению (давлению), превосходство групповой идентичности над личностной, конформность, политическая пассивность, нетерпимость к неопределённости, вера в спасительность иерархий, открытость («прозрачность») перед властью, недоверие к «чужому» (мир как угроза), склонность к выстраиванию непреодолимых границ между «своими» и «чужими», уверенность в собственной (групповой) особости, исключительности и т.п.

Перечисленные нами качества личности близки к следующим научным социально-политическим и социально-психологическим концептам: «авторитарная личность» (Э. Френкель-Брюнсвик, Д. Левинсон, Р. Невитт Сэнфорд, Т. Адорно, Р. Альтемайер), «догматическая личность» (М. Рокич), «авторитарный характер» (Э. Фромм), «авторитарное мышление», «выученная (заученная) беспомощность» (М. Селигмен), «советский простой человек» (Ю. Левада, Б.В. Дубин, Н.А. Зоркая и др.) «подданническая политическая культура» (Г. Алмонд, С. Верба), «культура выживания» (Р. Инглхарт), «культура полезности» (А.Г. Асмолов, Э.Л. Панеях), «системоцентричный тип общественного сознания» (А.В. Оболонский), «культурный архетип вручения себя» власти, «психотип воинника» (Ю.М. Лотман), «антикапиталистическая ментальность» (Л. фон Мизес) и т.д.

Каковы способы имплементации идеологии ограниченного выбора в публицистическом тексте? Мы определили ряд таких приемов: категория долженствования, трактовка функций государства как патерналистского, морализация эстетического анализа, концепция искусства и творчества как служения коллективному Целому, противопоставление идеализированного упорядоченного искусства прошлого хаотическому настоящему, приоритет коллективной идентичности перед индивидуальной, отбор художественных направлений (фольклора, классического реализма XIX столетия, соцреализма), в рамках которых проявлялся повышенный интерес к коллективной идентичности, проблеме различий и коллективной особенности (исключительности), а также выстраивалась концепция коллективной личности как эталонов искусства.

Категория долженствования как структурообразующая

Взгляд на мир через призму подчинения личности общим обязанностям, долгу, моральному императиву как способ навязывания идеологии ограниченного выбора, побуждения к ограничению собственной субъектности обязательствами перед моральными абсолютами.

Справедливое и заботливое (патерналистское) государство в области культуры

Государство должно брать на себя максимально широкие функции в отношении общества и человека – функции наставника, покровителя, опекуна, финансиста, контролера и т.п. В рассматриваемом контексте речь идет об отношениях государство – художник (творец), государство – произведение искусства, государство – потребитель искусства.

С точки зрения идеологии ограниченного выбора, в культурной (и не только) сфере именно советское государство представляет собой некий идеал. Оно предстает одновременно в нескольких ипостасях:

а) в виде могучего социального трамплина, помогая писателю и веря в его лучшие помыслы: «Дети Арбата», благодаря тогдашней государственной мощи, вышли более чем миллионным тиражом в журнале «Дружба народов» [Сычева, 2004];

б) представляет собой едва ли не образцовый инструмент контроля над индивидуалистическими устремлениями и открывающимися вследствие этого возможностями бескорыстного служения отдельной личности коллективному Целому. Государство при этом играет ключевую и весьма положительную роль, оно ограждает творца от материального искушения, следит, ограничивает (социалистическое перераспределение ресурсов, государственное финансирование и т.п.), тем самым ставя барьеры на пути развития греховных эгоистических наклонностей и черт. Сама ситуация (социального равенства) будто подталкивает человека к отрешению от интересов материально-телесных к моральной чистоте, поэтому, к примеру, проблема конъюнктуры как бы отпадает сама собою: «Неужели В. Черных и тогда конъюнктурил?! Вполне возможно. А вот Евгений Матвеев – нет. И Петр Проскурин – тоже» [Сычева, 2005];

в) в виде главного учителя и наставника подданных в области морали и художественного вкуса: «У нас была советская власть, следила за "вкусом". Давала неплохое образование... внешние советские скрепы» [Сычева, 2005].

Обоснование идеи морального долга перед высоконравственным Целым (моральный императив)

Моральный подход к анализу культурных явлений как способ контроля и сужения выбора. Моральный дуализм как предпосылка стратегии эксклюзии

Одним из способов инвазии идеологии ограниченной субъектности в сознание читателя является рассмотрение эстетических феноменов через призму морального взгляда, когда происходит смешение и по сути замещение эстетического анализа моральным суждением. В этом случае культурный феномен ранжируется, вставляется в этическую систему координат, на высшей ступени которой расположены морально безупречные (приемлемые, высоконравственные) феномены (авторы, направления, тексты), а низшую занимают аморальные, безнравственные, разлагающие общество, ведущие к его порче. Разделение культурных явлений на «чистые» (достойные, морально безупречные) и «нечистые» (порочные, в конечном счете антиобщественные) позволяет отсекалть «лишнее» искусство как приносящее вред, в перспективе могущие трактоваться как явления морально-социальной девиации (нуждающиеся в осуждении, исправлении, изоляции, исключении), тем самым сужая самостоятельный выбор читателя.

Так, в произведениях отдельных современных российских публицистов отчетливо проявляется разведение культурных феноменов (миров) по разным эстетическим полюсам. Природа этих феноменов, по мнению авторов, раскрывается через обнаружение их связи с сущностными моральными структурами, представляющими собой их подоплеку (глубинное основание). Морально безупречной объявляется литература, в которой большое значение придается вопросам групповой идентичности, коллективной индивидуальности, особенности, литературе различий и границ между большими сообществами (народами, цивилизациями, культурами и т.п.) и в то же время повышенное внимание уделяется внутренней сплоченности, замыканию героя в пределы «своего» коллективного Целого, его готовности (не готовности) раствориться во всеобщей воле и судьбе.

Обязанность художника

Назначение и роль искусства как морального поступка. Концепция творчества и фигуры творца

Идеология ограниченного выбора проявляет себя в вопросе назначения и роли искусства, в рамках которой публицист исходит из представлений о том, что художник должен служить не столько своему таланту, собственным представлениям о жизни, а кому-то (чему-то), что расположено вне его, за пределами его личных интересов, увлечений, внимания. Эта моральная коллективная или абстрактная сущность: Бог, религия, государство, природа, народ, нация, Родина, история, великие государственные деятели и герои, традиции, достижения (победы) и т.п. – наделяется моральной сверхценностью (сакральностью, как высшее благо, Добро), перед которыми художник должен испытывать душевный трепет, преклонение, благоговение, рискуя в противном случае перейти на сторону Зла. Так, Л.А. Сычева полагает, что у искусства есть высокое назначение. Оно есть «...проводник между Богом и людьми» [Сычева, 2019]. Само это служение подается как миссия, высокая обязанность, священный долг перед этой сущностью. Он должен стать голосом этой сущности. К примеру, искусство, погружаясь в народную жизнь, должно отражать национальную культуру, особенности, природу, душу народа, то есть выступать голосом коллективного Целого – народа. Произведение, таким образом, становится проверкой автора на моральную чистоту.

Дидактизм, антигедонизм

Будучи лучшими представителями народа, художники должны взять на себя миссию его морального воспитания, возвышать, исправлять, вести за собой, учить любить и поклоняться сакрализованным сущностям. Предпочтение отдается «серьезному», «идеоло-

гически насыщенному искусству. Развлекательная функция искусства осуждается как гедонистическая или игнорируется.

Идеализированное упрощенное прошлое против сложного настоящего. Создание упрощенных конструктов-эталонов

Важным аспектом идеологии ограниченного выбора становится противопоставление прошлого и настоящего. Прошлое радикально превосходит настоящее и в эстетическом, и в моральном планах. Прошлое обладает притягательностью в силу неоспоримости своего вклада в культуру: «Великие писатели прошлого – заслуженные гении человечества. Они скрепляли пространство и время, описывали мир во всём его многообразии, размышляли о Боге и не забывали о «маленьком человеке». На страницах книг звучала музыка горних сфер и оживали картины величественных битв...» [Сычева, 2010]. Мастерам прошлого удалось описать и «...героизм высоких натур, и нравственное падение отдельных личностей, и национальный характер целых народов» [Сычева, 2010]. Весьма характерны для идеологии ограничения особенности конструирования прошлого: в прошлое, так сказать, для предъявления потомкам, входят только отобранные публицистом признанные шедевры искусства, поэтому выглядит оно чрезвычайно респектабельно, упорядоченно, величественно, целостно, непротиворечиво, прошлое населяют титаны искусства, представляя собой культурный эталон. В прошлом царствует «слово», создана целая «словесная цивилизация», сложная, насыщенная смыслами: «Конечно, и на заре цивилизаций цифра шла рядом, и всё же главным было слово. Религия и литература, философия и политика – все эти сферы, имели, прежде всего, словесные выражения. Удивительная пластичность, выразительность слова, его способность создавать и архивировать простые и сложные образы, "самовосстанавливающиеся" у читателя или слушателя, вознесла творцов художественных произведений на духовный Олимп» [Сычева, 2010].

В то же время настоящее, представляя собой сложный, разнообразный, неоднозначный, живой, противоречивый феномен, обесценивается по обеим шкалам, как время деградации, корысти, обмана, беспамятства, торжества циников (моральное измерение), извращенцев, бездарностей и т.д. (эстетическое). Настоящее – время забвения «слова», заката «цивилизации слова» и становление «цивилизации цифры» – пошлого, бесталанного симулякра искусства, крушения былой эпичности, величественности, единства, цельности и т.д.

Коллективная идентичность (автора и героя) против индивидуальной

Ещё одним способом реализации идеологии ограниченного выбора является трактовка человека только как представителя (части) коллектива, практически полное подавление коллективной идентичностью идентичности индивидуальной. Человек важен и ценен только в своей соотнесённости с Целым. Под Целым, как правило, подразумевается локальная общность носителей идеальных черт («цивилизационных», национальных, этнических, идейных, религиозных, культурно-языковых), выступающих маркерами «своих». С этой точки зрения, в прошлом выделяются три своего рода образцовых периода: первый – фольклорный (доисторический), второй – XIX век (классическая литература), и третий – XX столетие (советское искусство).

Реализм XIX века как эталонный художественный метод (художественное направление)

Фольклорный период отличает высокая этническая отмеченность, укорененность в «почву», народную жизнь. Эти же принципы ложатся в основу отбора следующего исторического периода. Наиболее широко в качестве синкретического, морально-эстетического идеала представлено искусство (точнее, художественная литература) русского реализма XIX века (Достоевский, Тютчев, Пушкин, Гоголь и др.). Только оно объявляется достойным, глубоким, единственно способным отразить всю сложность мира,

быть выразителем коллективного «мы», выполняя тем самым миссию, задачу искусства. Если уж они берутся за что-нибудь (к примеру, критику бюрократии), то это у них получается точно, жизненно, достоверно и имеет непреходящее значение. Даже на столь блестящем фоне абсолютным культурным эталоном выступает родоначальник образцового стиливого тренда классического художественного комплекса – А.С. Пушкин. Его достоинства неоспоримы (относительная простота и сдержанность языка, гармоничность т.д.) и допускают к себе только «...благоговейное отношение» [Сычева, 2018]. Реализм XIX столетия оказался ценен своей идеологичностью, дидактизмом, ясно выраженной позицией автора, невысоким уровнем формальных поисков (традиционностью). Еще более важными оказались следующие черты: жизнеподобие, этноцентризм, сосредоточенность на «своем», глубокая погруженность в национальный быт, уклад, почву, поиски (конструирование) национальной идеи как этно-культурной, особенностей национального характера, отличий русской жизни и русского человека как национального типа от представителей других народов, являясь по сути продолжением национал-романтических европейских культурных и политических традиций, в особенности немецких, времен становления Великой Германии, закончившихся, как известно, созданием империи Бисмарка.

С.А. Есенин, В.М. Шукшин, Е. Матвеев и др. – апология этнической коллективной идентичности

Вполне естественно, что следующим эталоном в начале XX века становится С.А. Есенин, обращение к цитатам которого в работах Л.А. Сычевой носит регулярный характер. Есенин предстает в них как наиболее последовательный и талантливый апологет коллективной национальной идентичности (этим критериям соответствуют и сам автор, и его лирический герой), знаками которой выступают русская природа и русская душа. Другой привлекательной чертой его творчества, на наш взгляд, являются стиливые особенности есенинского языка, отличающегося широким включением национальных (разговорных, народных) лексических форм, искренность, открытость выражения эмоций и мысли, минимум формалистических изысканий в области синтаксиса, рифмы, размера стиха (внешняя традиционность, простота) и т.д.

Значимыми для авторов персонами XX века являются В.М. Шукшин и другие представители национально-ориентированной (почвеннического направления (писатели-деревенщики) литературы (к примеру, Проскурин). В этом случае литературное творчество находит свое органическое продолжение в жанре киносценария, а также кинопроизводства. Имена П. Проскурина и Е. Матвеева становятся образцами жанра исторической соцреалистической драмы, в центре которой – русский человек («...а когда-то зрители плакали над русским Ваней, сыном Захара Дерюгина, из кинофильма «Судьба» [Сычева, 2005], чья личная биография без остатка сливается с судьбой русского народа в советском государстве).

Соцреализм как эталонное направление в искусстве

Наиболее мощным проводником идеологии ограниченной субъектности в XX веке в культуре становится соцреализм. В публицистике Л.А. Сычевой соцреализм подается едва ли не как самый достойный, даже единственный наследник традиций классического критического реализма. Действительно, эстетика жизнеподобия, необходимая в пропаганде новых идей и ценностей «трудовым массам», оказалась весьма востребованной в советское время. Другими важными особенностями классического реализма, пришедшими ко двору в XX веке, оказалась его относительная простота (в смысле четкой выраженности авторской позиции), идеологичность – обращенность к политической проблематике и социальность, герой раскрывает себя в социальной жизни, в своей эпохе.

Еще одной важной чертой, способствовавшей, по нашему мнению, восприятию соцреализма в качестве источника идей ограниченной субъектности, стало соцреалисти-

ческое (шире – советское) мировидение, отличавшееся тягой к упрощению, в частности к построению бинарных смысловых конструкций, к раздвоению мира на конфронтационные зоны: сакрализованные и десакрализованные (профанные, демонические и т.п.). Так, советское время предстает уникальной эпохой, когда в «атеистической» стране художник (искусство в целом) обрел особый статус, равный положению церковного служителя, жреца. Так, по утверждению Л.А. Сычевой, литература «...соперничала с религией и даже частично заменяла её. Писатели создавали новые смыслы, выговаривали идеи, вели за собой, были полководцами в идеологических битвах» [Сычева, 2010]. Правда, не совсем понятно, каким это образом в условиях существования квазирелигиозной (попытки создания коммунистического «царства божия» на земле) государственной идеологии марксизма-ленинизма и жестких политико-идеологических ограничений им удавалось создавать эти «новые смыслы»? Вероятно, речь идет об идеях, сформированных в рамках коммунистической идеологической парадигмы. Однако основное здесь схвачено верно, соцреализм ознаменовал собой движение в сторону мировоззренческой и художественной архаизации, которую мы можем назвать радикальной, инфантильной или «карикатурной» реальностью [Меринов, 2016]. Её радикальность и состоит в свехупрощенной картине мира манихейского типа, распадении элементов на две противостоящие друг другу морально-политические (и эстетические) сферы, неприятию сложности, стремление к завершенности, однозначности, эксклюзии как художественной стратегии и т.д. Носителями положительного начала выступали изоморфные сущности: советское государство, правительство, коммунистическая партия, советский народ, советский человек. Так в соцреализме не просто нашла своё продолжение линия на конструирование особого культурного пространства «своих», но обрела квазирелигиозный неопитский пафос, подталкивающий к идеям групповой исключительности.

Эталон социального поведения, герой ограниченной субъектности

Главным же достоинством соцреализма, сближающим его с литературой XIX века, кроме классической реалистической эстетики (жизнеподобия), идеологичности и социальности, стал его жизнеутверждающий пафос, ориентировка на положительного героя. Однако при всей внешней близости соцреализм в картине советского настоящего почти отказался от персонажей, являвшихся основой художественного миропонимания от сентиментализма до классического реализма. Вместо «маленького человека», героя-бунтаря и героя-изгоя соцреалистическая эстетика предложила обществу в качестве образца единственный социальный тип человека – человека с ярко выраженной коллективной идентичностью – человека коллективного, человека советского, человека государственного, героя номенклатурного типа; специалиста, встроенного в профессиональные иерархические коллективы, а через них – в большой механизм всеильного государства; персонажа, равного месту своего назначения (начальника, председателя колхоза, ученого, офицера и рядовых: солдата, колхозника, рабочего и т.д.), исполняющего свой гражданский долг, совершающий трудовой или боевой подвиг (его жертвенная ипостась): «Артиста Василия Ланового, много сделавшего для фестиваля, любят и за образ офицера, воплощенный в кино, и за благоговейное отношение к стихам Пушкина» [Сычева, 2018].

Эталоном социального поведения является герой, реализующий себя в пространстве ограниченного выбора. Человек (герой произведения и автора) ослабленный, бедный, лишенный собственности и других ресурсов (включая интеллектуальные, к примеру, доступ к современному социально-гуманитарному знанию, мировым культурным достижениям), ограниченный в праве передвижения, полностью зависимый (на содержании) от государства, рассматривается преимущественно через моральные дискурсы социальной компен-

сации: жертвенно-героический, патриотический, аскетический, коллективистский, а также дискурсы сознательного выбора, долга, ответственности и т.п.

Заключение

Мы кратко рассмотрели понятие «идеология ограниченной субъектности», опираясь на известные исследования в области политологии, социальной и политической психологии, определили её общие параметры. Кроме того, на примере публикаций современных российских авторов была сделана попытка показать, посредством каких структур идеология ограниченной субъектности реализует себя в текстах, посвященных вопросам искусства. Так, мы наметили в качестве значимых структур подчинения индивидуальной воли (ограничения самостоятельного выбора) коллективным целям такие, как категория должностования, подчеркивания положительной роли и самого типа патерналистского (заботливого и всесильного) государства, использование морального подхода к интерпретации художественного произведения и фигуре его автора, приоритет морального долга перед коллективным или абстрактным Целым и коллективной идентичности над индивидуальной, конструирование конфликта великого прошлого и деградирующего, хаотического настоящего.

Кроме того, сделано предположение, что идеология ограниченного выбора реализует себя через апологию художественного направления классического реализма (в котором актуализируются черты замкнутости, сосредоточенности на «своем», этноцентризм и т.п.).

Сделан вывод о том, что одним из самых действенных инструментов внедрения идеологии ограниченной субъектности является обращение публициста к соцреалистическому искусству, в рамках которого большое значение обретает одобрение деятельности больших и малых тотальных коллективов (от государства до трудового коллектива), а также утверждается концепция коллективной личности, полностью реализующей свой потенциал внутри тотальных коллективов и представленных исторических обстоятельств, как образцовой, эталона и единственной стратегии социально-политического поведения.

Список источников

- Семигин Г.Ю. 2010. Идеология. В кн.: Новая философская энциклопедия: в 4 т. Том 2. Под ред. В.С. Стёпина, А.А. Гусейнова, Г.Ю. Семигина, А.П. Огурцова. М., Мысль, С. 81–83.
- Сычева Л.А. 2004. Вожделения телеэлиты. Лидия Сычева: проза, критика, публицистика. URL: https://lsycheva.ru/books/culture/culture_2988.html (дата обращения: 01.11.2022).
- Сычева Л.А. 2005. В плену у биороботов. Лидия Сычева: проза, критика, публицистика. URL: https://lsycheva.ru/books/culture/culture_58.html (дата обращения: 05.11.2022).
- Сычева Л.А. 2010. Будущее художественного слова. Лидия Сычева: проза, критика, публицистика. URL: https://lsycheva.ru/books/culture/culture_3668.html (дата обращения: 06.11.2022).
- Сычева Л.А. 2018. Банкирский шик иль воинский гранит? Московский комсомолец, 2018, 25 августа, № 27766. Лидия Сычева: проза, критика, публицистика. URL: https://lsycheva.ru/books/journalism/journalism_8797.html (дата обращения: 07.11.2022).
- Сычева Л.А. 2019. Больше чем музыка. Молоко, 11. Лидия Сычева: проза, критика, публицистика https://lsycheva.ru/books/culture/culture_9537.html (дата обращения: 08.11.2022).

Список литературы

- Дейк ван Тён А. 2013. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. Е.А. Кожемякина, Е.В. Переверзева, А.М. Амадова. М., Книжный дом «Либроком», 344 с. (Teun A. van Dijk. 2008. Discourse and Power. Macmillan Education UK, 308 p.).
- Меринов В.Ю. 2016. «Сквозь магический кристалл»: карикатура и карикатуризация реальности в советской центральной прессе 1920-х годов (на примере газеты «Правда»). Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования, 2-4(10): 27–39. DOI: 10.18413/2408-932X-2016-2-4-27-39.

References

- Deyk van Ten A. 2013. *Diskurs i vlast': Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and Power: Representing Dominance in Language and Communication]. Transl. from english. E.A. Kozhemyakina, E.V. Pereverzeva, A.M. Amatova. M., Publ. Librokom, 344 p. (Teun A. van Dijk. 2008. *Discourse and Power*. Macmillan Education UK, 308 p.).
- Merinov V.Yu. 2016. «Through the magic crystal»: caricature and caricaturization of reality in the soviet central press in the 1920s (on the example of "Pravda"). *Research Result. Social Studies and Humanities*, 2-4(10): 27–39 (in Russian). DOI: 10.18413/2408-932X-2016-2-4-27-39.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 10.09.2022.

Поступила после рецензирования 14.11.2022.

Принята к публикации 10.12.2022.

Received September 10, 2022.

Revised November 14, 2022.

Accepted December 10, 2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Меринов Валерий Юрьевич, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры журналистики института общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Valeriy Y. Merinov, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Journalism of the Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 070-791

DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-4-651-661

Кинокритика как область журналистики: онтологический статус, становление медиапрактик

Саенкова-Мельницкая Л.П.

Белорусский государственный университет,
Республика Беларусь, 220030, г. Минск, пр. Независимости, 4
E-mail: sayenkova@gmail.com

Аннотация. Феномен кинокритики обусловлен многоуровневыми детерминантами, предопределившими не только генезис и развитие, но и ее автономность как многогранного объекта, обладающего своей предметной спецификой, функциональными особенностями и предназначением в социокультурной среде. В научно-теоретическом дискурсе кинокритический опыт, несмотря на более чем столетнюю историю развития, не достаточно широко представлен. Автором рассмотрена эволюция формирования кинокритических медиапрактик. Акцентировано внимание на онтологическо-коммуникативных основаниях и культуротворческих ресурсах этого вида творческой деятельности, сформированного и активно развивающегося в журналистике.

Ключевые слова: кинокритика, кино, журналистика, средства массовой информации, кинокритический дискурс, медиапрактики

Для цитирования: Саенкова-Мельницкая Л.П. 2022. Кинокритика как область журналистики: онтологический статус, становление медиапрактик. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 41(4): 651–661. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-4-651-661

Film Criticism as a Sphere of Journalism: Ontological Status, Formation of Media Practices

Ludmila P. Sayenkova-Melnitskaya

Belarusian State University,
4 Independence Av., Minsk 220030, The Republic of Belarus
E-mail: sayenkova@gmail.com

Abstract. The phenomenon of film criticism is due to multilevel determinants that predetermined not only the genesis and development, but also its autonomy as a multifaceted object with its own subject specificity, functional features and purpose in the sociocultural life. In the scientific and theoretical discourse, film criticism experience, despite more than a century of development history, is not widely represented. The article discusses the evolution of the formation of film critical media practices. Attention is focused on the ontological and communicative foundations and cultural resources of this type of creative activity, formed and actively developing in journalism.

Key words: film criticism, cinema, journalism, mass media, film critical discourse, media practices

For citation: Sayenkova-Melnitskaya L.P. 2022. Film Criticism as a Sphere of Journalism: Ontological Status, Formation of Media Practices. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 41(4): 651–661 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-4-651-661

Введение

Кинокритика представляет собой информационно-аналитический вид творческой деятельности в средствах массовой информации и коммуникации, в рамках которой осу-

ществляется континуальная системная репрезентация кинопроцесса как объективно интегрированного сегмента медиасреды и художественной культуры, ориентированной в своих жанрах (от анонсирования и рецензирования фильмов до представления деятелей киноискусства и проблемных исследований киноиндустрии), с одной стороны, на художественно-эстетические запросы аудитории, а с другой – на профессионально-творческие потребности участников кинопроизводства в квалифицированной оценке его эффективности или недостатков.

Анализу критической деятельности в контексте экранной культуры были посвящены труды Н.А. Агафоновой [2009], Я.Б. Иоскевича [1978], Стенли Кауффмана [Kauffmann, 1980], Е.С. Левина [1977], Ю.М. Лотмана [2005], К.Э. Разлогова [1990], Я.И. Тяжлова [2016], А.В. Федорова [2011], А.М. Шемякина [2004], М.Б. Ямпольского [2012]. Кинокритика как область журналистики исследуется в работах М.Ю. Блеймана [1973], Е.Л. Бондаревой [1975; 1983], Р.Н. Юренева [1982]. Кинокритика как вид творческой практики не раз становилась объектом дискуссионных обсуждений в специализированных изданиях [Иванова, Симанович, 1987; Режиссер против..., 2002; Критика критики, 2003; Анкета «ИК», 2005; Дондурей, 2011].

Возникшая одновременно с кинематографом кинокритика стала той формой коммуникации, которая, с одной стороны, изначально была направлена на сокращение дистанции между аудиторией и новым видом экранного зрелища, с другой – на обогащение кинематографической практики новыми идеями и смыслами. Значимость этого вида специфической творческой деятельности в журналистике сохраняется и до сих пор, проявляясь в континуальном развитии и формировании общественного мнения о кино. Этот фактор особенно важен в сложных условиях современной цифровой медиасреды, когда под воздействием новейших технологий не только трансформируются традиционные социальные институты, но и собственно отрасль кино, вызывая ускоренную диверсификацию вкусов и предпочтений разных аудиторий по отношению к фильму как к художественному явлению. В такой ситуации кинокритика, по выражению известного исследователя экранных искусств М. Ямпольского, влияет на то, чтобы «придать смысл тому, что происходит в кино» [Ямпольский, 2012]. По сути, кинокритику можно рассматривать как важный инструмент в поисках смысловой и эстетической упорядоченности во все более нарастающем потоке фильмов и увеличивающей свои обороты киноиндустрии.

Наряду с кинокритикой неотъемлемой частью медиасреды стал такой вид деятельности, как киножурналистика [Саенкова, 2013; Самсонова, 2021]. Киножурналистика, формирующаяся в контексте трансформации социокультурных процессов, развивающейся киноиндустрии и особенностей потребления киноконтента, в большей степени предполагает информационное представление кинодискурса в средствах массовой информации в развлекательно-аттрактивной форме и реализацию компенсаторно-рекреативной функции.

Кинокритика как одна из составляющих литературно-художественной критики и важная область журналистики [Кино..., 1987, с. 182] реализует многообразный комплекс функций – от социально-ориентированных до художественно-эстетических (информационно-коммуникативная, культурно-просветительская, художественно-репрезентативная, нормативно-регулятивная, гуманистическо-адаптационная, аккумулятивно-гносеологическая, оценочно-аксиологическая, интегративно-культурологическая, духовно-воспитательная, организационно-творческая, компенсаторно-рекреативная). Этот вид творческой деятельности в качестве неотъемлемой части культурного сегмента в журналистике способствует активизации культуроформирующих процессов в разных видах средств массовой информации, а значит реализации еще одной важной функции – культуроформирующей, которая особенно востребована в условиях переизбытка информации, девальвации гуманистических ценностей и снижения культурно-нравственных ориентиров. Исторически сформировавшиеся традиции, высокая степень востребованно-

сти в социокультурном пространстве, разнообразие авторских стратегий, системность и постоянство публикаций о кино на разных медиаплатформах обеспечивают процесс дальнейшего развития кинокритического дискурса.

Цель данного исследования – определить кинокритику как уникальный вид творческой деятельности, становление и развитие которой, формирование многообразных медиапрактик происходило в контексте журналистики.

Кинокритический опыт в контексте формирования экранной эстетики

Кинокритика, предназначенная для системного представления кинодискурса в средствах массовой информации, имеющая свои информационно-аналитические и функционально-эстетические особенности, жанровое разнообразие, социально-культурное предназначение, почти не имеет четкого определения в академических словарях и энциклопедиях. В «Кино. Энциклопедическом словаре» кинокритика рассматривается как часть киноведения [Кино..., 1987, с. 179]. Термин «кинокритика» отсутствует в объемной энциклопедии мирового кино *The film encyclopedia* [Katz, 1994]. Между тем этот вид деятельности имеет богатую историю и свои традиции, которые оформились в недрах журналистики. Одновременно с возникновением кино в конце XIX века в самых разных зарубежных изданиях стали появляться первые отзывы, по сути явившиеся той метаосновой, на которой взойшли всходы разных видов кинокритических практик. Считается, что первая в мире кинокритическая рецензия на французский фильм *Emouvant voyage de nocce* («Захватывающий медовый месяц») появилась в американском журнале *Variety* в 1907 году [Гаранина, 2013]. Кинокритика как особая форма аналитического представления фильма и кинопроцесса формировалась в таких зарубежных журналах, как британские *Screen, Sight and Sound*, французские *Les Cahiers du cinema, Positif*. В этих изданиях впервые стали публиковаться развернутые интервью с режиссерами, актерами, проблемные статьи по эстетике кино, списки величайших произведений киноискусства.

Примечателен опыт формирования кинокритического дискурса в российских изданиях, поскольку Россия была одной из первых стран, где в конце XIX века стали показывать привозные из-за рубежа фильмы. «Живая движущаяся фотография» анонсировалась как новая форма развлечения, как невиданное прежде зрелище. В российских изданиях среди рекламных анонсов стали появляться и первые рецензии, авторами которых были журналисты городских газет. Как правило, в этих рецензиях доминировало нарративное начало, когда в основном пересказывался сюжет. Постепенно в поле зрения первых рецензентов стали попадать элементы языка кино. Одним из таких пристрастных авторов был молодой репортер, который подписывался по-разному: «Н. Х.», «А.П.-в», «М. Г.-кий». Максим Горький, обозревавший проведение Всероссийской выставки в Нижнем Новгороде, опубликовал свои впечатления по поводу увиденного аттракциона. Как и других очевидцев, журналиста поразила степень достоверности увиденного: *«Экипажи идут с экрана прямо на вас, пешеходы идут, дети играют с собачкой, дрожат листья на деревьях, едут велосипедисты – и всё это, являясь откуда-то из перспективы картины, быстро движется, приближается к краям картины, исчезает за ними, появляется из-за них, идет вглубь, уменьшается, исчезает за углами зданий, за линией экипажей, друг за другом... Перед вами кипит странная жизнь – настоящая, живая, лихорадочная жизнь...»* (курсив наш. – Л.С.-М.) [Зоркая, 1976, с. 20]. Взгляд внимательного зрителя точно улавливал кинематографические планы, ракурсы, замечал принцип панорамирования, положение которой на то время проведения съемок было статичным. Точка зрения пишущего фиксировала все в такой последовательности, что создавался эффект внутреннего движения. Автор запечатлел зрительское восприятие, при этом обращая внимание на недостающие элементы киноязыка. Свойства экрана того времени – немота и черно-белое изображение – рассматривались автором как составляющие кинематографического образа.

Природа киноизображения впоследствии анализировалась в первых теоретических трудах по фотогении Урбана Гада, Луи Деллюка. Однако именно М. Горький впервые подметил такую «природную» особенность нового вида зрелища, как сочетание абсолютной документальности и правдоподобия с условностью изображенного. По замечанию корреспондента, полная иллюзия реальности дополняется ощущением какой-то нереальности происходящего на экране. Автор обращал внимание на атмосферу, например, улиц, которые напоминали «плохую гравюру», на безмолвие «тенеобразных людей», на «пепельно-серую листву». Критический взгляд способствовал детализации кинообраза.

Первые кинокритические впечатления были зафиксированы в публикациях журналистов, писателей, профессиональных критиков других видов искусств. Например, известный музыкальный критик В. Стасов обратил внимание на способность кино по-особенному передавать время. Высказывания В.В. Стасова появились за полвека до знаменитой статьи французского теоретика кино Андре Базена «Онтология фотографического образа», где был определен такой важный эффект «движущихся картинок», как *embauer le temps* («бальзамировать время»). Впоследствии один из крупнейших режиссеров XX века Андрей Тарковский в статье «Запечатленное время» определил новую мировоззренческо-стилевую парадигму в создании кинообразности. На категорию времени в кино обращали внимание не только те, кто сотрудничал со специальными журналами, но и те авторы, которые публиковались в откровенно бульварных изданиях. Например, в «Газете-Копейке» от 26 ноября 1909 г. было опубликовано мнение журналиста о фильме, посвященном Л.Н. Толстому: «В небольшом зале было около ста зрителей – и было почти темно, но ясно чувствовалось, что все эти случайно собравшиеся люди тепло и сердечно обрадованы неожиданным подарком синематографа. Они увидели Толстого – и над ними прошло что-то очищающее» [Гинзбург, 2007, с. 51]. Это сущностное свойство кино, так тонко подмеченное разными авторами в конце позапрошлого века, остается непреодолимым и в эпоху современных технологий.

В дореволюционной России, кроме массовых газет, в которых рассказывалось о «чуде XIX века», издавалось более двадцати специальных киножурналов, предназначенных как для профессионалов, так и для посетителей кинотеатров. Все издания носили откровенно рекламный характер. Формирующиеся частные студии Ханжонкова, Дранкова, Ермольева для популяризации своей кинопродукции порой издавали собственные журналы, в которых чаще всего размещались описания первых фильмов, критические заметки, фотографии, сведения об организации кинопроизводства, корреспонденции о работе кинотеатров, публиковались сообщения о государственной политике в области кино. Это было время многочисленных дискуссий, развернувшихся в основном на страницах литературных и театральных журналов, в которых обсуждались вопросы эстетической значимости и состоятельности нового вида искусства. На страницах разных изданий – «Весы», «Новый путь», «Вестник Европы», «Современный мир», «Экран и рампа», «Кинема» – в статьях известных писателей-символистов обсуждалась специфическая природа кинообразности. Само киноповествование, основывающееся, как правило, на сюжетах, заимствованных из прозы и театральной драмы, представляло сосуществование двух пластов – собственно кинематографического, возникающего благодаря фиксации реальности киноаппаратом, и конструктивного, драматургического.

Свою лепту в понимание художественных основ киноискусства внесли писатели-символисты. В контексте художественной культуры рубежа XIX–XX вв. доминировало несколько важных идей, выразителем которых и явился кинематограф: идея синтеза искусств и идея двоемирия – видимого и предполагаемого, чувствуемого пространства. В культурной парадигме того времени утверждалось инобытие как нечто, выходящее за пределы всякого знания, покоящегося на гносеологических установках. Символисты, вдохновленные идеями теории мэонического (неприсутствия), обосновывали идею амбивалентности киноизображения, т. е. единства видимого и невидимого, присутствия реаль-

ности и одновременно его отсутствия, поскольку кино, по их мнению, остается «искусством блеклых, мерцающих отсветов действительности» [Бёрд, 2006]. Значительную роль в понимании философских основ «источника света, бытия и силы» сыграл трактат уроженца Виленской губернии Н. Минского «При свете совести: мысли и мечты о цели жизни», идеи которого стали основой для дальнейших разработок категорий «не-сущего» и «существующего» в искусстве, в «чувственном мире» [Минский, 1890].

Символизм оказал неоспоримое воздействие на формирование как эстетики кино и теоретической киномысли, так и на становление кинокритики. Начиная с 1920-х гг. в киноэстетике превалировала общесимволистская эстетическая установка, основанная на представлениях о значимости сюжетного начала и абсолютной условности изображения. Не без воздействия высказываний, размышлений, статей писателей-символистов постепенно осваивался художественный потенциал экрана, осуществлялся поиск новых выразительных форм. Природа кино, его художественные возможности стали предметом многочисленных обсуждений в театральной сфере. В 1913 году на страницах журнала «Маски» развернулась обширная дискуссия «Кто победит? Кинематограф или театр?». Одним из пафосных направлений этой дискуссии было обсуждение того, что театр можно спасти только отделением от кинематографа. Однако первые критики – Н. Туркин, В. Туркин, Г. Болтынский, Т. Цыперович, И. Соколов, А. Топорков, Х. Херсонский – отстаивали кино как определенную философию нового времени, как искусство, явившееся самым ярким выразителем «машинного века». В журналах «Кино-фот», «Кино» обсуждались сценарные, актерские проблемы, рассматривались особенности кинопоэтики в контексте социальной реальности.

Развитие кино первых двадцати лет XX в., активные и многолюдные дискуссии, которые стали оформляться в отдельный газетно-журнальный жанр, в большой степени способствовали становлению как искусства кино, так и искусства кинокритики. Кинематограф постепенно стал входить в массовое сознание не только как форма увеселительного времяпрепровождения, но и как серьезное искусство, имеющее свой язык, свою специфическую структуру, которая служит для запечатления времени и реальности. Показательна в этом плане большая обзорная статья Т. Цыперовича «Кинематограф», напечатанная в журнале «Современный мир» в январе 1912 г. Автор исследует экранную генеалогию, дает анализ первых фильмов разных стран, рассматривает виды кино – игровое, хроникальное, научно-популярное, рассуждает о кинорепертуаре, пропагандистском эффекте кино, его культурно-просветительской роли. Исследователь предлагает обстоятельный анализ самых разных аспектов кино, придя к следующему заключению: «Первоначально кинематограф очень смахивал на игрушку и совершенно не был похож на изобретение, которое в течение короткого времени должно было дать толчок обширной отрасли промышленности и сделаться серьезным конкурентом современному театру» [Цыперович, 1912, с. 184]. Публикацией был подведен итог многочисленным дискуссиям о первенстве театра или кино, обозначены место и возможности кино, узаконена его роль в общественной и экономической жизни. Эта аналитическая статья утвердила и роль серьезной критики в осмыслении кино. Первые кинокритические выступления, сразу став заметной частью журналистики, послужили основой для формирования такой сферы научных исследований, как киноведение.

Становление кинокритических медиапрактик

В первые десятилетия существования кино сложились разные подходы в представлении фильмов в газетах и журналах. Один из таких подходов – манифестационный, либо агитационный, когда в публикациях была заметна открытая субъективность авторской позиции, яркий стиль, насыщенная образность. Это был тот самый знаменитый эйзенштейновский «общий план» критики, когда кинематограф рассматривался в целом, на фоне социокультурного контекста. Первые критические выступления в прессе были

похожи на манифесты. Не зря известный кинокритик М. Блейман так описывал свой творческий опыт тех лет: «Я был тогда не исследователем кинематографа, не историком, а полемистом и агитатором» [Блейман, 1973, с. 75].

Другой вид – репрезентационно-эстетический, поскольку главной задачей авторов было представить новое произведение в сумме эстетических составляющих. Такие авторы, как Х. Херсонский, Е. Лебедев, В. Шкловский в своих публикациях в минимизированном виде представляли произведение как единство определенной суммы художественных элементов. В небольших текстах критики журналисты сквозь призму авторского восприятия стремились представить все детали кинематографического произведения: сюжет, драматургические особенности, актерское мастерство, работу художника и оператора.

Начиная с 30-х годов XX века, главным смыслообразующим центром в искусстве становится личность социально востребованного человека. Если стиливая система предыдущего кинопериода определялась как «монтажно-речевая» (термин М. Блеймана), в которой герой был «обозревателем», а его поведение лишь связывало события, «держало» сюжет, то теперь «человеческий характер должен стать основой кинематографической поэтики» [Левин, 1977, с. 162]. В советской газетно-журнальной периодике того десятилетия фильмы рассматривались с точки зрения идейного воспитания «строителей нового общества». Главное, на что делался акцент в кинокритических публикациях, – идейная направленность и воспитательный эффект. Кинокритика стала разделяться на два вида. Первый – концептуально-аналитический, предназначенный в большей степени для эстетически подготовленного и профессионального читателя, – предопределил оформление специализированной кинопрессы. Второй – публицистическо-информационный, публицистическо-аналитический, предназначенный для массового, интересующегося вопросами киноискусства читателя, – повлиял на оформление кинодискурса в массовой печати.

В 50-х годах достаточно четко определились два подхода в осмыслении фильма: индуктивно-эмпирический, на основе которого предпринимались попытки определить специфику киноискусства, и дедуктивный, позволявший расширить рамки традиционных искусствоведческих методов и объяснить природу кинематографа, прежде всего, как особой коммуникативной системы. Именно в эту пору в газетно-журнальных публикациях обозначается тема, которая на долгие годы будет предметом многочисленных дискуссий по поводу соотношения объективного и субъективного в критических публикациях.

В 60–70-е годы активизируется поиск специфического исследовательского инструментария в кинокритике, апробируются новые подходы в исследованиях произведения искусства, активно осваивается метод системно-целостного анализа. В этом десятилетии заметно оживился интерес к проблемам целостности фильма. Публикации в прессе представляли симбиоз популярного текста и теоретического исследования. В кинокритических публикациях авторы уделяли внимание таким особенностям, как кинообразность, специфика кино как вида искусства, целостность композиции фильма. В 80–90-х гг. XX века изменения социокультурного контекста обозначились и во всех составляющих кинокритического творчества: методологические принципы, жанровый диапазон, авторские стратегии, степень авторской свободы в оценках и комментариях [Brashinsky, Horton, 1994]. Кинокритике, как и литературно-художественной критике, как и журналистике в целом, стали «прививаться» родовые черты развлекательной культуры: эпатажность, сенсационность, скандальность, соответствие вкусам массовой публики. Обозначилась тенденция, которую условно можно было назвать «критика без критиков». В кинокритике аналитическое начало постепенно стало уступать место презентационным формам, когда в центре внимания журналистов были не столько отдельные произведения или художественный процесс, сколько шоу-события в киносфере. Прежние оценочные критерии не работали, поскольку акценты в представлении кино сместились с анализа смыслов и особенностей киноязыка, с того, чем является фильм как произведение искусства, на то, что ему сопут-

ствуется: финансовые затраты на производство, прибыль, жизнь киноэлиты. Средства массовой информации стали рассматриваться как «индустрия свободного времени» [Варганова, 2010], «индустрия развлечений» [Челышева, 2012], где аудитория является не просто и не только адресатом, а товаром, производимом разными СМИ: качественными, популярно-развлекательными, массовыми, специализированными («все СМИ содержат развлечения» [Bordwell, 1989]). Различия между информативной и рекреативной, воспитательной и релаксационной функциями стали весьма относительными.

В последующие десятилетия развитие кинокритики было предопределено процессами, обусловившими развитие средств массовой информации, кинокультуры и социокультурной среды в целом: усилением влияния рыночных механизмов на функционирование медиасреды, активизацией рекреативной функции СМИ, цифровизацией, конвергенцией, ростом степени авторского начала в интернет-текстах, расширением кинофестивального движения, кинорепертуарного контента в прокате. На жанрово-тематические, стилевые особенности кинокритических высказываний большое влияние стала оказывать читательско-зрительская аудитория. Расчет на реакцию читателей стал одной из важных составляющих в целополагании редакций изданий [Marcus, 2007]. В определенном смысле журналист, критик попадали в зависимость от мнений, вкусов, интересов, потребностей читательской аудитории. Как высказался главный редактор портала kinokadr.ru Роман Корнеев, «проблема современной интернет-кинокритики состоит в том, что запрос, который формируется читателем, на редакционную политику воздействует гораздо сильнее... Раньше такой прямой связи не было. <...> Из-за этого современная кинокритика очень сильно обеднела... Профессиональная аналитика становится все более зависимой от читательского запроса» [Дондурей, 2011]. Одной из заметных отличительных особенностей текстов о кино в интернет-среде является активная авторская установка на диалог с аудиторией, что обусловлено как эффектом интимизации, так и возрастающей конкуренцией на медиарынке [Cooper-Chen, 2005].

Кинокритика в зависимости от того, где она размещена, для чего и для кого предназначена, обнаруживает определенные качества, изначально заложенные в ее природе, но востребованные каждый раз по-разному. Как известно, журнальная критика отличается от газетной; критика в «толстых» журналах отличается от критики в журналах для широкой аудитории; неодинаково проявляется природа критики в специализированных журналах – аналитических, информационно-аналитических, рекламно-информационных. Разнообразны варианты кинокритического представления фильма, деятеля киноискусства или кинопроцесса на телевидении, радио, в интернете. В телевизионном и радиоформатах в кинокритике больше обнаруживаются журналистско-презентационные основания. Мобильность кинокритики, достаточно активное ее присутствие в разных формах и на разных медиаплатформах обеспечивается многообразием тех дискурсивных практик, которые заложены в ее природе и которые бывают многовариантно востребованы в зависимости от разных обстоятельств: исторических, социокультурных, медийных и др. В разные годы в кинокритике проявлялась то одна, то другая дискурсивная практика: научная, публицистическая, художественная, рекламная. Поскольку функционирование кинокритики осуществляется в средствах массовой информации, то многообразие ее дискурсивных практик соотносится с творческим потенциалом журналистики, представленном в «трехзвенном разрезе: творчестве художественном, научном, публицистическом» [Фрольцова, 1997, с. 201].

В научной мысли доминировали разные концепции критики: как науки, как публицистики, как искусства, как рекламы. Об этом же применительно к литературной критике говорила исследователь Ю.А. Говорухина [2010]. Мобильность кинокритики, ее возмож-

ность адаптироваться к новым социокультурным запросам и вызовам объясняется тем, что в ней синтезируются разные подходы, методы рассмотрения произведения, события, автора художественного произведения.

Заключение

В кинокритике как области журналистики реализуется определенный вид творческой деятельности, предполагающий системное информационно-аналитическое представление кинособытия, кинопроцесса, киноиндустрии в многообразных жанровых формах и дискурсивных форматах. В этой связи кинокритику необходимо рассматривать как профессиональную практику в контексте медиасистемы, предполагающую определенную степень эстетической подготовки авторов, наличие художественного вкуса, опыт в понимании и презентации художественной целостности кинопроизведения.

С конца XIX века и в течение всего XX столетия складывалась ситуация киноцентризма, обусловившая абсолютный диктат экранной культуры: кинокритика активно включилась в процесс репрезентации кино как культурного феномена. В конце XX века кинокритическая социорефлексивность дополнилась негласными правилами соответствия культурным предпочтениям массовой аудитории, тем не менее современная кинокритика как творческая деятельность сохранила ориентацию на выявление сущностных смыслов культуры, транслируемых посредством экрана.

Развитие кинокритики сопровождается поиском новых форм, дополнительных возможностей (жанровых, диалогических, информационных, аналитических, рекреативных, эстетических) в зависимости от обстоятельств: вида и целеполагания того или иного средства массовой информации; авторских установок и возможностей; степени социально-культурной востребованности кино вообще и кинокритики в частности; художественной образованности и эстетических предпочтений аудитории. Когнитивная сущность кинокритики предопределена продуцированием собственных смыслов, извлеченных из произведения киноискусства, творческого, личностного потенциала создателей этих произведений. Кинокритические тексты повышают степень культурной значимости издания, помогают активно реализовать культурно-просветительскую функцию журналистики, активно участвуют в ценностно-эстетической ориентации аудитории, воссоздают ценностную картину мира. В условиях демократизации медиапроцессов и культуры в целом кинокритика является одной из контентнообразующих областей современной журналистики, содействует развитию эстетического вкуса зрителя, способствует приобщению к универсальным общечеловеческим ценностям, повышает уровень медиакомпетентности.

Список источников

- Анкета «ИК». 1995. Искусство кино, 6: 38–64.
- Блейман М. 1973. О кино – свидетельские показания. М., Искусство, 592 с.
- Дондурей Д. 2011. Кинокритика: версия 2.0. Искусство кино, 2011 года, № 4. URL: <http://old.kinoart.ru/archive/2011/04/n4-article12> (дата обращения: 07.08.2021.)
- Иванова В., Симанович Г. 1987. Кинематограф в зеркале критики. Советская культура, 1987, 5 марта, № 28 (6284). С. 4-5.
- Кино. Энциклопедический словарь. 1987. Под ред. С.И. Юткевича. М., Советская энциклопедия, 640 с.
- Критика критики. Анкета «ИК» 2003. Искусство кино, 2003 год, № 12.
- Мицкий Н.М. 1890. При свете совести. Мысли и мечты о цели жизни. СПб., Семеновск. типо-лит., 270 с.
- Режиссер против критика. Круглый стол «ИК» на ММКФ 2002. Искусство кино, 2002, № 1.
- Фрольцова Н.Т. 1997. Креативные ресурсы масс-медиа и гуманизация социальных процессов. В кн.: Программа ТЕМПУС в 3-х т. Т. 3. Минск, БГУ: 199-205.

- Цыперович Т. 1912. Кинематограф. Современный мир, 1: 181–212.
- Юренин Р. 1982. Труд критика. Искусство кино, 2: 56–69.
- Ямпольский М. 2012. Что такое кинокритика. OPENSPACE.RU, 30 марта, 2012. URL: <http://os.colta.ru/cinema/events/details/35533/?expand=yes#expand> (дата обращения: 07.08.2022).
- Katz E. 1994. The film encyclopedia: the most comprehensive encyclopedia of the world cinema in a single volume. New York, Harper Collins Publisher, 1496 p.
- Marcus R. 2007. Critic and Reviewer: a Difference in Intent. Blogcritics, 13 мая, 2007. URL: <http://blogcritics.org/critic-and-reviewer-a-difference-in> (дата обращения: 03.04.2022).

Список литературы

- Агафонова Н.А. 2009. Экранное искусство: художественная и коммуникационная специфика. Минск, БГУ культуры и искусств, 273 с.
- Бёрд Р. 2006. Русский символизм и развитие киноэстетики: наследие Вяч. Иванова у А. Бакши и Адр. Пиотровского. НЛЮ, 5(81): 67–98.
- Бондарева Е.Л. 1975. Время, экран, критика: Проблемы современного белорусского киноискусства и кинокритики. Минск, Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 256 с.
- Бондарева Е.Л. 1983. Экран в разных измерениях. Минск, Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 270 с.
- Вартанова Е.Л. 2010. О современном понимании СМИ и журналистики. Медиаскоп, 1. URL: <http://www.mediascope.ru/node/521> (дата обращения: 06.04.2022).
- Гаранина Э.Ю. 2013. Оценочность в жанре кинокритики. Вестник Кемеровского государственного университета, 2(54): 28–31.
- Гинзбург С.С. 2007. Кинематография дореволюционной России. М., Аграф, 488 с.
- Говорушина Ю.А. 2010. Литературно-критический дискурс как открытая система. Вестник Томского государственного университета. Филология, 2(10): 58–67.
- Зоркая Н.М. 1976. На рубеже столетий. У истоков массового искусства в России 1900–1910 годов. М., Наука, 303 с.
- Иоскевич Я.Б. 1978. Методология анализа фильма (Становление системного подхода в киноведении). Л., ЛГИТМиК, 119 с.
- Левин Е. 1977. О художественном единстве фильма. М., Искусство, 120 с.
- Лотман Ю.М. 2005. Об искусстве. СПб., Искусство, 704 с.
- Разлогов К.Э. 1990. Кинематограф и культура. Вопросы философии, 3: 3–30.
- Саенкова Л.П. 2013. Кинокритика и киножурналистика: типология творческой деятельности. Веснік БДУ. Серыя 4: Філалогія. Журналістыка. Педагагіка, 1: 71–74.
- Самсонова А. 2021. Арт-журналистика. Речевые техники оценивания произведения искусства. Под ред. Н.С. Цветовой. С-Пб., Алетейя, 118 с.
- Тяжлов Я.И. 2016. Актуальные формы медиатекстов, посвященных кино: жанровые и языковые тенденции. Медиалингвистика, 2(12): 71–80.
- Чельшева И.В. 2012. Культурологический подход к проблеме медиареальности и медиакультуры. Медиа. Информация, Коммуникация, 1: 16–18.
- Федоров А.В. 2011. Структурный анализ медиатекста: стереотипы советского кинематографического образа войны и фильм В. Виноградова «Восточный коридор» (1966). Вопросы культурологии, 6: 110–116.
- Шемякин А. 2004. К проблемам кризиса отечественной критики, его причины и следствия. В кн.: История кино: современный взгляд: киноведение и критика. Сборник статей по материалам научно-теоретической конференции "Новая и новейшая история мирового кино: наука, концепции, критика", Москва, ноябрь 2003 года. Сост. М. Зак; Под ред. Л. Будяк. М., Материк: 12–21.
- Bordwell D. 1989. Making Meaning: Inference and Rhetoric in the Interpretation of Cinema. Cambridge Massachusetts, London, Harvard University Press, 334 p.
- Brashinsky M., Horton A. 1994. Russian critics on the cinema of glasnost. Cambridge, Cambridge university press, 176 p.

- Cooper-Chen. 2005. *Global Entertainment Media: Content, Audiences, Issues*. Mahwah, New York; Lawrence Erlbaum Associates, 267 p.
- Kauffmann S. 1980. *Before My Eyes: Film Criticism and Comment*. New York, Harper Collins, 464 p.

References

- Agafonova N.A. 2009. *Ekrannoe iskusstvo: khudozhestvennaya i kommunikatsionnaya spetsifika* [Screen Art: Artistic and Communication Specificity]. Minsk, Publ. BGU kul'tury i iskusstv, 273 p.
- Byrd R. 2006. Russian Symbolism and the development of cinema aesthetics: the Legacy of Vyach. Ivanov, A. Bakshi and Adr. Piotrovsky. *UFO*, 5(81): 67–98 (in Russian).
- Bondareva E.L. 1975. *Vremya, ekran, kritika: Problemy sovremennogo belorusskogo kinoiskusstva i kinokritiki* [Time, screen, criticism: Problems of modern Belarusian cinematography and film criticism]. Minsk, Publ. BGU im. V. I. Lenina, 256 p.
- Bondareva E.L. 1983. *Ekran v raznykh izmereniyakh* [Screen in different dimensions]. Minsk, Publ. BGU im. V.I. Lenina, 270 p.
- Vartanova E.L. 2010. The Current Understanding of Media and Journalism. *Mediascope*, 1 (in Russian). Available at: <http://www.mediascope.ru/node/521> (accessed: April 6, 2022).
- Garanina E.Yu. 2013. Evaluation in the genre of film review. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2(54): 28–31 (in Russian).
- Ginzburg S.S. 2007. *Kinematografiya dorevolyutsionnoy Rossii* [Cinematography of pre-revolutionary Russia]. M., Publ. Agraf, 488 p.
- Govorukhina Yu.A. 2010. Literary-critical discourse as an open system. *Tomsk State University journal of philology*, 2(10): 58–67 (in Russian).
- Zorkaya N.M. 1976. *Na rubezhe stoletiy. U istokov massovogo iskusstva v Rossii 1900–1910 godov* [At the turn of the century. At the origins of mass art in Russia 1900–1910]. M., Publ. Nauka, 303 p.
- Ioskevich Ya.B. 1978. *Metodologiya analiza fil'ma (Stanovlenie sistemnogo podkhoda v kinovedenii)* [Methodology of film analysis (The rise of a systems approach in film studies)]. L., Publ. LGITMiK, 119 p.
- Levin E. 1977. *O khudozhestvennom edinstve fil'ma* [About the artistic unity of the film]. M., Publ. Iskusstvo, 120 p.
- Lotman Yu.M. 2005. *Ob iskusstve* [About art]. SPb., Publ. Iskusstvo, 704 p.
- Razlogov K.E. 1990. *Kinematograf i kul'tura* [Cinema and culture]. *Voprosy filosofii*, 3: 3–30.
- Saenkova L.P. 2013. *Kinokritika i kinozhurnalistika: tipologiya tvorcheskoy deyatel'nosti* [Film criticism and film journalism: a typology of creative activity]. *Vesnik BDU. Seryya 4: Filalogiya. Zhurnalistyka. Pedagogika*, 1: 71–74.
- Samsonova A. 2021. *Art-zhurnalistika. Rechevye tekhniki otsenivaniya proizvedeniya iskusstva* [Art journalism. Speech techniques for evaluating a work of art]. Ed. N.S. Tsvetova. S-Pb., Publ. Aleteyya, 118 p.
- Tyazhlov Ya.I. 2016. Topical forms of media texts about the movie: genre and language trends. *Media Linguistics*, 2(12): 71–80 (in Russian).
- Chelysheva I.V. 2012. Cultural studies approach to media culture and media reality. *Media. Information. Communication (MIC)*, 1: 16–18. (in Russian).
- Fedorov A.V. 2011. *Strukturnyy analiz mediateksta: stereotipy sovsetskogo kinematograficheskogo obraza voyny i fil'm V. Vinogradova «Vostochnyy koridor» (1966)* [Structural analysis of the media text: stereotypes of the Soviet cinematographic image of the war and V. Vinogradov's film "Eastern Corridor" (1966)]. *Voprosy kul'turologii*, 6: 110–116.
- Shemyakin A. 2004. *K problemam krizisa otechestvennoy kritiki, ego prichiny i sledstviya* [On the problems of the crisis of domestic criticism, its causes and consequences]. In: *Istoriya kino: sovremennyy vzglyad: kinovedenie i kritika* [History of Cinema: Modern View: Film Studies and Criticism]. Collection of articles based on the materials of the scientific-theoretical conference "Novaya i noveyshaya istoriya mirovogo kino: nauka, kontseptsii, kritika" ["New and recent history of world cinema: science, concepts, criticism"], Moscow, November, 2003. Comp. M. Zak; Ed. L. Budyak. M., Publ. Materik: 12–21.

- Bordwell D. 1989. *Making Meaning: Inference and Rhetoric in the Interpretation of Cinema*. Cambridge Massachusetts, London, Harvard University Press, 334 p.
- Brashinsky M., Horton A. 1994. *Russian critics on the cinema of glasnost*. Cambridge, Cambridge university press, 176 p.
- Cooper-Chen A. 2005. *Global Entertainment Media: Content, Audiences, Issues*. Mahwah, New York; Lawrence Erlbaum Associates, 267 p.
- Kauffmann S. 1980. *Before My Eyes: Film Criticism and Comment*. New York, Harper Collins, 464 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 26.08.2022.

Received August 26, 2022.

Поступила после рецензирования 14.11.2022.

Revised November 14, 2022.

Принята к публикации 10.12.2022.

Accepted December 10, 2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Саенкова-Мельницкая Людмила Петровна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой литературно-художественной критики факультета журналистики, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь.

Lyudmila P. Saenkova-Melnitskaya, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Literary and Artistic Criticism of the Faculty of Journalism, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus.

УДК 070
DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-4-662-669

Аудитория видеоблогов как криэйтор медиадискурса

Шестерина А.М.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д.1
E-mail: shesterina8@gmail.com

Аннотация. Интерактивная коммуникация, являющаяся одним из ключевых условий формирования дискурса новейших медиа, активно развивается в формате видеоблогинга. Мы предпринимаем попытку комплексного анализа процесса интерактивного взаимодействия блогера и аудитории в русскоязычном секторе видеохостинга YouTube. В ходе анализа контента наиболее популярных видеоблогов мы выявили средства и формы обратной связи, используемые как блогерами, так и аудиторией, а также установили доминирующие модели общения, обеспечивающие формирование медиадискурса. По результатам исследования выявлено, что к основными средствами формирования интерактивного общения в системе видеоблогинга сегодня можно отнести открытый текст, активное использование оптико-кинетической системы знаков, пара- и экстралингвистических систем, организацию пространства и времени коммуникации. Ключевыми параметрами современной интерактивной коммуникации являются социально-ориентированное общение, сокращение социальной дистанции.

Ключевые слова: социальные медиа, видеоблогинг, интерактивность, медиадискурс

Для цитирования: Шестерина А.М. 2022. Аудитория видеоблогов как криэйтор медиадискурса. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 41(4): 662–669. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-4-662-669

Videoblog Audience as Media Discourse Creator

Alla M. Shesterina

Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie gory, Moscow 119991, Russia
E-mail: shesterina8@gmail.com

Abstract. Interactive communication, which is one of the key conditions for the formation of the discourse of the latest media, is actively developing in the format of video blogging. In our study, we attempt a comprehensive analysis of the process of interactive interaction between a blogger and an audience in the Russian-language sector of YouTube video hosting. In the course of analyzing the content of the most popular video blogs, we identify the means and forms of feedback used by both bloggers and the audience, and also establish the dominant communication models that ensure the formation of media discourse. According to the results of the study, it was revealed that the main means of forming interactive communication in the video blogging system today include the development of the tradition of open text, the active use of the optical-kinetic system of signs, para- and extralinguistic systems, the organization of space and time of communication. The key parameters of modern interactive communication are socially oriented communication, reduction of social distance.

Keywords: social media, videoblogging, interactivity, media discourse

For citation: Shesterina A.M. 2022. Videoblog Audience as Media Discourse Creator. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 41(4): 662–669 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-4-662-669

Введение

Вектор развития современных медиа, безусловно, направлен на повышение интерактивного взаимодействия автора и аудитории, что отмечено многими исследователями [Амзин, 2016; Мультимедийная журналистика, 2017; Олешко, 2017; Вартанова, 2018; Особенности функционирования..., 2018]. Интерактивность как качество имманентно присуще сетевой среде, определяет такие ключевые характеристики интернет-произведений, как открытость и диалоговость, обеспечивает не только своеобразие модели коммуникации, но и особые условия формирования сетевого дискурса, являющегося результатом включения в процесс создания медиапроизведения большого количества авторов [Комилов, 2019; Литовская, 2019; Латипова, Гризлюк, 2021; Сааков, 2022]. Кроме того, интерактивное взаимодействие как формальный технический параметр гарантирует медиатекстам продвижение, основанное на действии рекомендательных алгоритмов самих платформ. Так, едва ли не все социальные сети и видеохостинги при ранжировании материалов в ленте новостей пользователя учитывают количество лайков и комментариев, сопровождающих конкретный медиатекст. Ряд платформ фиксирует этот параметр не только на количественном, но и на качественном уровне (насколько развернуты комментарии, формируются ли ветки дискуссий вокруг конкретного медиапроизведения, как долго сохраняется активность, рекомендуют ли медиапроизведение другим пользователям, как много пользователей перешло на произведение по входящим ссылкам и т.д.).

Таким образом, усиление интерактивности при прочих равных условиях является дополнительным и существенным качеством медиапроизведения, обеспечивающим возможность его выхода к широкой аудитории.

Это важный, но не единственный фактор роста интереса сетевых авторов к интерактивности. Другим, не менее значимым аспектом повышенного интереса к ее стимуляции является способность интерактивной коммуникации формировать своего рода комьюнити. Интерактивное взаимодействие, обмен информацией позволяет вывести случайную аудиторию на уровень постоянных подписчиков, что также является желательным для любого автора медиатекста, работающего сегодня в высококонкурентной среде.

Все эти значимые аспекты интерактивной коммуникации становятся особенно наглядными в производстве и распространении видеоконтента вообще и материалов видеоблогов в частности. В отличие от печатного текста процесс производства видео позволяет подключать аудиторию к созданию произведения непосредственно – например, в ситуации прямой трансляции. Потенциал интерактивного взаимодействия значительно увеличивается и позволяет авторам создавать текст такой степени открытости, когда его авторство становится сложноопределимым.

Несмотря на значимость этого аспекта функционирования сетевых медиа, степень изученности вопроса невелика. Существующие в области журналистики исследования интерактивности сфокусированы, как правило, на выявлении ее общих особенностей [Зуева, 2004; Алексеева, 2006; Зверева, 2019; Комилов, 2019; Третьяков, 2020] или характера влияния интерактивных технологий на различные сферы бытования социума [Алексеева, 2006; Панкова, 2013; Гасанов, 2017]. Ряд авторов фокусирует свои научные интересы на изучении языковых аспектов проявления интерактивности [Киселева, 2008]. Однако мы не встретили исследований, посвященных комплексному изучению вопроса функционирования интерактивного дискурса в аудиовизуальной сетевой среде. Редким исключением можно считать состоявшуюся в 2020 году в МГУ им. М.В. Ломоносова конференцию «Актуальные проблемы экранных и интерактивных медиа», участники которой отчасти анализировали текущее состояние интерактивных аудиовизуальных медиа [Актуальные проблемы..., 2020].

Мы в нашей работе предпринимаем попытку выявить потенциал интерактивной коммуникации в системе видеоблогинга и установить ключевые формы интерактивного

взаимодействия в русскоязычном секторе новейших аудиовизуальных медиа. Кроме того, в наши задачи входит конкретизация моделей общения, выявление форм обратной связи, а также основных форм интерактивности, используемых видеоблогерами для формирования медиадискурса. Хронологические рамки исследования – 2020-2022 гг.

Объекты и методы исследования

Материалом исследования являются популярные видеоблоги YouTube различной тематической, целевой и аудиторной направленности, использующие разнообразные формы интерактивного взаимодействия со зрителем. Мы провели дискурс-анализ 40 публикаций и комментариев к ним на каналах «Лапенко», «Чикен Карри», «Дима Гордей», «Осторожно: Собчак», «Дима Масленников», Wylsacom, LABELCOM, AcademeG, Rogov live. Мы анализировали формируемый видеороликами медиадискурс – «тематически сфокусированную, социокультурно обусловленную речемыслительную деятельность в массмедийном пространстве» [Кожемякин, 2016, с. 52]. В нашем анализе мы акцентировали внимание на средствах формирования интерактивной коммуникации, которые используют видеоблогеры, а также на демонстрируемых авторами параметрах интерактивного общения.

Результаты и их обсуждение

В ходе исследования было установлено, что видеоблогеры используют широкий набор *средств интерактивной коммуникации*. В числе наиболее популярных назовем следующие:

1. Формирование открытого текста – то есть такого текста, который стимулирует аудиторию к соразмышлению и сотворчеству (92 % анализируемого контента). Чаще всего для формирования открытого текста видеоблогеры используют вопросы, обращенные к аудитории, просьбы поделиться своим впечатлением или помочь разобраться в ситуации, рекомендации оставить в комментариях собственные варианты развития событий или интерпретации явлений. А иногда видеоблогеры размещают реакцию на комментарии в самом видеопроизведении: «Вы пишете стабильно классные комментарии и мед из экрана течет. Формат вам заходит и мне от этого очень приятно. Если вы новенький – объясняю...» («Wylsacom»).

2. Оптико-кинетическая система знаков (жесты, мимика, пантомимика) (100 % произведений). Важно отметить, что все эти параметры реализуются видеоблогерами более активно, чем авторами телевизионного контента. Думается, активизацию этих параметров можно оценить как особенность экранной коммуникативной личности видеоблогера. Еще одной особенностью можно считать частую обращенность жестов на зрителя (указание пальцем, щелчок по экрану и т.п.). Это неизбежно сокращает дистанцию и переводит общение с социального на межличностное. Также важно подчеркнуть, что в целом видеоблогеры чаще используют иллюстрацию, не поддерживающую жестикуляцию. То есть их жесты соотносятся с содержанием речи. Наконец, все эти особенности подкрепляются техническими возможностями монтажа. Так, при использовании иллюстрирующих жестов блогеры нередко прибегают к укрупнению плана – особенно в ситуации, когда реплика обращена к аудитории.

3. Пара- и экстралингвистические системы (интонация, паузы) (100 % выпусков). Как и в ситуации с мимикой и пластикой, в этой сфере блогеры также проявляют избыточную по сравнению с традиционными медиаактивность. К особенностям работы авторов сетевого видеоконтента можно отнести гораздо более богатое интонирование. Так, видеоблогеры могут переходить на шепот, имитировать звуки, пародировать другие голоса. Все это также направлено на поддержание контакта со зрителем.

4. Систему организации пространства и времени коммуникации (68 % выпусков). С целью формирования комьюнити и активизации интерактивного взаимодействия блогеры нередко экспериментируют со временем и пространством. Во временном аспекте они прибегают к различным технологиям ускорения и замедления видеоконтента (таймлапс, гиперлапс, слоумоушн и др.), использованию таймкодов и в целом ориентации на предпочтительный для аудитории хронометраж видео. Работа с пространством осуществляется в выборе близких аудитории локаций съемки, имитации спонтанности («гуляем по парку»), создании несуществующих локаций. Все это формирует у аудитории ощущение близости к автору и желание выйти на контакт.

Формированию медиадискурса способствует и использование блогерами *ключевых параметров интерактивного взаимодействия*:

1. Социально-ориентированное общение доминирует над личностно-ориентированным в более чем 80 % выпусков. Блогеры, безусловно, опираются на собственные интересы и потребности, однако наиболее успешные из них все же ориентируются на запросы аудитории. В выпусках нередко встречаются фразы: «По вашей просьбе...», «Как я и обещал вам...» и т.п. Конечно, самым ярким примером проявления этого параметра является призыв подписываться на канал и ставить лайки.

2. Ситуация общения затмевает фон общения. Блогеры ориентируются на известные им характеристики аудитории, но при этом стремятся скорректировать или изменить их. Например, на канале «Лапенко» под видео с новогодними поздравлениями от 31 января 2022 года читаем: «Большая просьба – не пишите в комментариях спойлеры, чтобы оставить удовольствие от просмотра тем, кто только присоединился. Спасибо вам большое! Пишите поздравления с Новым годом всем друзьям, родным и знакомым». Этот посыл набрал 320 откликов: «Спасибо за видео, Антош!», «С наступающим», «Спасибо за видео! Это шикарно!!!» и т.д.

3. Сокращение социальной дистанции в интерактивной коммуникации. Ярче всего этот параметр проявляется в таком жанре, как tag. Этот жанр основан на том, что видеоблогер отвечает на вопросы зрителей, размещенные под предыдущими видео и накопившиеся за определенный период времени. Как правило, такой видеоконтент провоцирует новые ответы и активизирует обсуждение.

Если говорить о *моделях интерактивной коммуникации*, распространенных на анализируемых каналах, то в числе доминирующих можно отметить заражение – то есть ориентацию блогеров на передачу определенного эмоционального состояния. В такой ситуации зритель не испытывает преднамеренного давления и неосознанно усваивает образцы поведения самого блогера и других пользователей. Модель заражения выстраивается на основе подражания или отстройки от доминирующей линии поведения. Так, на всех анализируемых каналах можно обнаружить своего рода «волны» позитивных и негативных реакций. За реакцией одобрения в комментариях следуют ей подобные. Например, под видео «Ауди S4. Первый пуск. Поставили на колёса. Passat готов» о сборке автомобилей на канале AcademeG мы находим волну одинаково позитивных комментариев: «Огромное уважение человеку, который сделал новые шильды», «Чел приславший шильдики, здоровья тебе и твоей семье», «Я, как и большая часть аудитории, думаю, получаю от этой серии роликов исключительно кайф», «Ещё ни на секунду не промотал ни один ролик (за исключением рекламы)», «Красавцы, ребята! Так держать!», «Очень интересный проект! Смотрю с удовольствием каждую серию. Костя, уважение тебе и твоей команде! Желаю удачи в проекте и здоровья близким людям!», «Боже, храни Константина и его канал. Божественный проект, милые котятка, ламповая гаражная атмосфера, спасибо», «Просто мурашки по коже, когда смотришь на такое!», «Это лучшее что есть на Ютубе!» и т. д. В течение трех месяцев этот выпуск собрал 3 659 позитивных комментариев.

Что касается «волн» негатива, то они чаще всего проявляются в рамках комментариев к прямым трансляциям или в реакциях на провокационный общественно-политический

контент. Так, в комментариях к выпуску «Конфискации: как у нас отнимали собственность. Большой разбор» на канале «Осторожно: Собчак» читаем: «Когда прочитал слова "как у нас отнимали собственность" уж было показалось, что Ксюша наконец расскажет о том, что происходило в 90-х. Ну помимо сказок о Ельцине, который принес демократию и свободу слова в Россию. Но увы. Ксюш, а может в следующий раз расскажешь о том как вы у нас собственность отнимали?», «Странный выпуск! Для тех, кто в школу не ходил?», «Тот случай, когда комментарии намного интереснее, чем ролик. Одно удовольствие читать, разносторонние люди и это хорошо» и т.д. Последний комментарий отчетливо свидетельствует о формировании медиадискурса, когда аудитории интересен не только основной контент канала, но и формирующиеся вокруг него дискуссии.

Если анализировать присутствие в аудиовизуальном контенте двух других моделей формирования интерактивной ситуации – внушения и подражания, то они встречаются в видеоблогинге гораздо реже. Подражание можно обнаружить преимущественно в игровых форматах, таких как скетч-шоу (канал «Лапенко», «Чикен Карри»), а внушение – в форматах, основанных на повторе одной и той же мысли и имеющих очевидную рекламную составляющую (Wylsacom).

Заключение

Таким образом, видеоблогеры используют самый широкий спектр интерактивных возможностей. Если рассматривать вторую сторону коммуникации – аудиторию, то и здесь мы обнаруживаем, что как случайные зрители, так и подписчики каналов используют богатую палитру форм обратной связи. По содержанию ответной реакции комментарии могут быть соглашательскими или полемическими, по полноте выражения – явными и порционными, по моментальности реагирования – спонтанными и отложенными, по форме выражения – вербальными и невербальными (смайлики).

Также аудитория популярных видеоблогов обращается к широкому арсеналу форм интерактивности. Чаще всего используются лайки, комментарии, вопросы к блогерам и обсуждение мнений других пользователей, благодарности авторам или пользователям.

Обобщая вышесказанное, подчеркнем, что в ходе проведенного исследования нам удалось установить, что наиболее популярные YouTube-каналы используют широкий диапазон средств стимулирования интерактивного взаимодействия, а аудитория охотно на них реагирует. В ходе подобного двустороннего взаимодействия формируется медиадискурс, нередко заметно отличающийся от посыла исходного произведения, формирующий постоянное комьюнити пользователей и стимулирующий продвижение исходного произведения в сетевой среде.

Список литературы

- Амзин А. 2016. Особенности медиапотребления. В кн.: Амзин А., Галустян А., Гатов В., Кастельс М., Кульчицкая Д., Лосева Н., Паркс М., Паранько С., Силангьева О., ван дер Хаак Б. Как новые медиа изменили журналистику. Под ред. С. Балмаевой, М. Лукиной. Москва, Екатеринбург, Кабинетный ученый, Гуманитарный университет: 86–100. URL: <https://www.klex.ru/1h7h> (дата обращения: 05.05.2022).
- Алексеева А.О. 2006. Новые интерактивные медиа в контексте теорий информационного общества. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 24 с.
- Вартанова Е.Л. 2018. Об основных понятиях «поля цифровых медиа» в российских исследованиях СМИ. Меди@льманах, 2(85): 8–16. DOI: 10.30547/mediaalmanah.2.2018.816.
- Гасанов Н.А. 2017. Интерактивные медиа в решении социально-политических проблем (институциональные и функциональные аспекты). Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Санкт-Петербург, 27 с.
- Зверева Е.А. 2019. Просьюмер как основной актер интерактивной коммуникации в новых городских медиа. В кн.: Медиачтения СКФУ. Материалы Третьей Международной научно-

- практической конференции, 23–25 мая 2019, Ставрополь. Под ред. О.И. Лепилкиной, А.М. Горбачевой, Н.Н. Борисенко, Д.А. Шевцовой. Ставрополь, Сервисшкола: 232–235.
- Зуева Е.А. 2004. Трансформация социального института прессы в условиях развития интерактивных масс-медиа. Автореф. дис. ... канд. социол. наук. Ростов-на-Дону, 26 с.
- Интернет и интерактивные электронные медиа: исследования. 2007. В 2-х частях. Под ред. И.И. Засурского, А.О. Алексеевой. М., МГУ, 263 с.
- Киселева Н.Ю. 2008. Языковые особенности интерактивных медиа. Вестник Московского университета. Серия: Журналистика, 4: 93–95.
- Кожемякин Е.А. 2016. Медиадискурс: элементы анализа. В кн.: Современный дискурс-анализ: повестка дня, проблематика, перспективы. Под ред. Е.А. Кожемякина, А.В. Полонского. Белгород, ИД «Белгород»: 52–59.
- Комилов К.И. 2019. Интерактивные особенности «новых медиа». Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук, 3(60): 125–128.
- Латипова Ю.А., Гризлюк Л.В. 2021. Анализ эффективных стратегий поведения СМИ в интерактивной среде как способ повышения популярности студенческих медиа. В кн.: Новые медиа для современной молодежи. Сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции, 5–9 апреля 2021, Санкт-Петербург. Под ред. Л. Е. Виноградовой, Е. Н. Туголуковой. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна: 148–152.
- Литовская И.В. 2019. Формирование конвенций в цифровых медиа: от кинематографа к интерактивному повествованию. В кн.: Актуальные вопросы развития индустрии кино и телевидения в современной России. Материалы II Национальной научно-практической конференции, 25 октября 2019, Санкт-Петербург. Под ред. А.Д. Евменова, Д.П. Барсукова. Санкт-Петербург, Издательство Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения: 182–184.
- Мультимедийная журналистика. 2017. Под ред. А.Г. Качкаевой, С.А. Шомовой. М., Издательский дом Высшей школы экономики, 413 с.
- Олешко В.Ф. 2017. Психология журналистики. М., Издательство Юрайт, 351 с.
- Особенности функционирования современных аудиовизуальных медиа 2018. Под ред. А.М. Шестериной. Воронеж, Кварта, 254 с.
- Панкова Г.К. 2013. Социально-значимая проблематика в интерактивных медиа: функциональное и дисфункциональное. Современные исследования социальных проблем, 1(13): 52–56. DOI: 10.12731/2077-1770-2013-1-52-56
- Сааков Д.П. 2022. Интернет-СМИ как интерактивное цифровое медиа. В кн.: Современные медиакommunikации в глобализирующемся мире. Материалы II Международной научно-практической конференции, 25 февраля 2022, Пятигорск. Казань, Научное объединение «Вертикаль знаний»: 6–9.
- Третьяков В.Т. 2020. Некоторые актуальные проблемы современных экранных и интерактивных медиа. В кн. Актуальные проблемы экранных и интерактивных медиа. Сборник материалов II научной конференции (Москва, 7 ноября 2019). Под ред. Н.Г. Кривуля. Москва, Каллиграф: 6–7.

References

- Amzin A. 2016. Osobennosti mediapotrebleniya [Features of media consumption]. In: Kak novye media izmenili zhurnalistiku. [How new media have changed journalism]. Eds. S. Balmaeva, M. Lukina. M., Ekaterinburg, Publ. Kabinetnyy uchenyy, Gumanitarnyy universitet: 86–100. Available at: <https://www.klex.ru/1h7h> (accessed: May 05, 2022).
- Alekseeva A.O. 2006. Novye interaktivnye media v kontekste teorii informatsionnogo obshchestva [New Interactive Media in the Context of Information Society Theories]. Abstract dis. ... cand. philol. Sciences. M., 24 p.

- Vartanova E.L. 2018. Concepts of the digital media field in Russian mass media research. *Medi@lmanakh*, 2(85): 8–16. DOI: 10.30547/mediamanah.2.2018.816.
- Gasanov N.A. 2017. Interaktivnye media v reshenii sotsial'no-politicheskikh problem (institutsional'nye i funktsional'nye aspekty) [Interactive media in solving socio-political problems (institutional and functional aspects)]. Abstract dis. ... cand. polit. Sciences. Sankt-Peterburg, 27 p.
- Zvereva E.A. 2019. Pros'yumer kak osnovnoy aktor interaktivnoy kommunikatsii v novykh gorodskikh media [Prosumer as the main actor of interactive communication in new urban media]. In: *Mediachteniya SKFU [Media Readings of NCFU]. Proceedings of the Third International Scientific and Practical Conference (Stavropol, May 23–25, 2019)*. Ed. O.I. Lepilkina, A.M. Gorbacheva, N.N. Borisenko, D.A. Shevtsova. Stavropol', Publ. Servishkola: 232–235.
- Zueva E.A. 2004. Transformatsiya sotsial'nogo instituta pressy v usloviyakh razvitiya interaktivnykh mass-media [Transformation of the social institution of the press in the context of the development of interactive mass media]. Abstract dis. ... cand. sociological Sciences. Rostov-na-Donu, 26 p.
- Internet i interaktivnye elektronnye media: issledovaniya [Internet and interactive electronic media: research]. 2007. In 2 parts. Eds. I.I. Zasursky, A.O. Alekseeva. M., Publ. MGU, 263 p.
- Kiseleva N.Yu. 2008. Yazykovye osobennosti interaktivnykh media [Linguistic features of interactive media]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya: Zhurnalistika*, 4: 93–95.
- Kozhemyakin E.A. 2016. Mediadiskurs: elementy analiza [Media Discourse: Elements of Analysis]. In: *Sovremennyy diskurs-analiz: povestka dnya, problematika, perspektivy [Modern Discourse Analysis: Agenda, Issues, Perspectives]*. Eds. E.A. Kozhemyakin, A.V. Polonsky. Belgorod, Publ. ID "Belgorod": 52–59.
- Komilov K.I. 2019. Interactive features of new media. *B. Gafurov Scientific notes of Khujand State University. Series of Humanities and Social Sciences*, 3(60): 125–128 (in Tajikistan).
- Latipova Yu.A., Grizlyuk L.V. 2021. Analysis of effective strategies of media behavior in the interactive environment as a way to increase the popularity of student media. In: *Novye media dlya sovremennoy molodezhi [New Media for Modern Youth]. Collection of scientific articles based on the materials of the International Scientific and Practical Conference, April 5–9, 2021, St. Petersburg*. Eds. L.E. Vinogradova, E.N. Tugolukova. Sankt-Peterburg, Publ. Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet promyshlennykh tekhnologiy i dizayna: 148–152.
- Litovskaya I.V. 2019. Formirovanie konventsii v tsifrovyykh media: ot kinematografa k interaktivnomu povestvovaniyu [Shaping Conventions in Digital Media: From Cinematography to Interactive Storytelling]. In: *Aktual'nye voprosy razvitiya industrii kino i televideniya v sovremennoy Rossii [Topical Issues in the Development of the Film and Television Industry in Modern Russia]. Materials of the II National Scientific and Practical Conference (St. Petersburg, October 25, 2019)*. Eds. A.D. Evmenov, D.P. Barsukov. Sankt-Peterburg, Publ. Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kino i televideniya: 182–184.
- Multimedijnaya zhurnalistika [Multimedia Journalism]. 2017. Eds. A.G. Kachkaeva, S.A. Shomova. M., Publ. Vysshey shkoly ekonomiki: 413 p.
- Oleshko V.F. 2017. Psikhologiya zhurnalistiki [Psychology of journalism]. M., Publ. Yurayt, 351 p.
- Osobennosti funktsionirovaniya sovremennykh audiovizual'nykh media [Features of the functioning of modern audiovisual media]. 2018. Ed. A.M. Shesterina. Voronezh, Publ. Kvarta, 254 p.
- Pankova G.K. 2013. Sotsial'no-znachimaya problematika v interaktivnykh media: funktsional'noe i disfunktsional'noe [Socially significant issues in interactive media: functional and dysfunctional]. *Modern Studies of Social Issues*, 1(13): 52–56. DOI: 10.12731/2077-1770-2013-1-52–56.
- Saakov D.P. 2022. Internet-SMI kak interaktivnoe cifrovoe media [Internet media as interactive digital media]. In: *Sovremennye mediakommunikatsii v globaliziruyushchemsya mire [Modern media communications in a globalizing world]. Materials of the II International Scientific and Practical Conference (Pjatigorsk, February 25, 2022)*. Kazan', Nauchnoe ob#edinenie "Vertikal' znanij": 6–9.
- Tret'yakov V.T. 2020. Nekotorye aktual'nye problemy sovremennykh ekrannykh i interaktivnykh media [Some actual problems of modern screen and interactive media]. In: *Aktual'nye problemy ekrannykh i interaktivnykh media [Actual problems of screen and interactive media]. Collection of materials of the scientific conference (Moscow, November 7, 2019)*. Ed. N.G. Krivulya. M., Publ. Kalligraf: 6–7.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 30.08.2022.

Поступила после рецензирования 14.11.2022.

Принята к публикации 10.12.2022.

Received August 30, 2022.

Revised November 14, 2022.

Accepted December 10, 2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Шестерина Алла Михайловна, профессор
Высшей школы (факультета) телевидения,
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия.

Alla M. Shesterina, professor of the Department of
Television, Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia.

ПЕДАГОГИКА PEDAGOGICS

УДК 378

DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-4-670-680

Уровень готовности будущих педагогов к преодолению рисков низких образовательных результатов

Исупова Е.В.

Глазовский государственный педагогический институт имени В.Г. Короленко,
Россия, 427621, Удмуртская Республика, г. Глазов, Первомайская улица, 25
E-mail: elenaisupova1989@gmail.com

Аннотация. Проблема готовности будущих педагогов к работе в общеобразовательных организациях (школах), демонстрирующих низкие образовательные результаты, требует пристального внимания. Низкие образовательные результаты обусловлены рядом общих для таких школ факторов. Целью данной работы является выявление пробелов в существующей системе подготовки будущих педагогов и определение уровня их готовности к будущей самостоятельной педагогической деятельности в условиях школ с низкими образовательными результатами. Проведен теоретический анализ условий и основ функционирования существующей системы подготовки будущих педагогов, подготовлены материалы, проведено анкетирование среди выпускников ФГБОУ ВО ГПИ им. В. Г. Короленко, представлен анализ полученных результатов. Обоснована необходимость внесения изменений в существующую систему подготовки будущих педагогов к преодолению факторов риска низких образовательных результатов, предложен возможный способ решения поставленной проблемы.

Ключевые слова: качество образования, подготовка будущих педагогов, школьная неуспешность, резильентные школы, школы с низкими образовательными результатами, ШНОР

Для цитирования: Исупова Е.В. 2022. Уровень готовности будущих педагогов к преодолению рисков низких образовательных результатов. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 41(4): 670–680. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-4-670-680

Level of Readiness of Future Teachers to Overcome the Risks of Low Educational Results

Elena V. Isupova

V.G. Korolenko Glazov State Pedagogical Institute
25 Pervomaiskaya St, Glazov, Udmurtia 427621, Russia
E-mail: elenaisupova1989@gmail.com

Abstract. The problem of the readiness of future teachers to work in schools that demonstrate low educational results requires close attention. The decline in educational results is due to a number of factors common to such schools. The purpose of this work is to identify the presence or absence of gaps in the existing system of training future teachers and to determine the level of their readiness for future independent pedagogical activity in schools with low educational results. A theoretical analysis of the conditions and fundamentals of the functioning of the existing system of training future teachers was carried out, materials were prepared, a questionnaire was conducted among graduates of the V.G. Korolenko State Pedagogical Institute, the results were analyzed, conclusions were presented. The necessity of making changes to the existing system of training future teachers to overcome the risk factors of low educational results is substantiated, a possible way to solve the problem is proposed.

Keywords: quality of education, training of future teachers, educational poverty, resilient schools, schools with low learning outcomes

For citation: Isupova E.V. 2022. Level of Readiness of Future Teachers to Overcome the Risks of Low Educational Results. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 41(4): 670–680 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-4-670-680

Введение

Глобальная цель национальной образовательной политики, сформулированная в Указе Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 и в тексте национального проекта «Образование» – обеспечение конкурентоспособности российского образования и вхождение РФ в 10 лучших стран по качеству общего образования [Паспорт национального... 2019].

Качество образования – это многоаспектное понятие, которое закреплено в ФЗ-273 «Об образовании в РФ», ст. 2 п. 29. Важной составляющей характеристики качества образования является «степень достижения планируемых результатов образовательной программы» [Федеральный закон... 2012]. Однако не все школы РФ демонстрируют одинаково высокий уровень образовательных результатов [Капуза и др., 2017; Косарецкий и др., 2019]. Реальностью Российского образования является существование школ с низкими образовательными результатами (ШНОР).

Анализ публикаций позволяет утверждать, что ШНОР чаще всего функционируют в сложных социальных условиях и имеют ряд схожих неблагоприятных факторов, влияющих на успешность их деятельности: «сложный социальный контекст; особый контингент детей; высокий уровень профессиональных деформаций среди педагогов; обесценивание образования и труда педагогов в школе» [Тихомирова, 2018, с. 28]. «У подобных школ обычно недостаточно ресурсов для обеспечения эффективного образовательного процесса: кадровых, финансовых, материально-технических. Между тем качество работы школы определяется именно как ее способность повышать жизненные шансы каждого ученика независимо от его индивидуальных стартовых возможностей» [Золотарева, 2020, с. 18].

Необходимость приведения всех школ РФ к общему высокому уровню образовательных результатов для достижения цели, сформулированной в Указе, не вызывает сомнений: «Создание сети массовых школ с единым уровнем образовательных возможностей интегрирует интересы экономики и социальной политики» [Хлобыстова и др., 2021]. Кроме того, «в России традиционно рассматривается проблема «школьной неуспеваемости» без акцента на социально-экономические условия, характеризующие семьи обучающихся. Несомненно, это ограничивало результаты работы по выравниванию образовательных возможностей школ» [Мирошниченко и др., 2021]. Однако существуют школы, которые, несмотря на сложные условия и неблагоприятные факторы, всё же показывают стабильно высокие образовательные результаты. Такие школы определяют как резильентные – «устойчивые по отношению к факторам неблагополучия, не контролируемым школой» [Пинская и др., 2018, с. 198]. Высокие показатели этих школ достигаются благодаря особым условиям, создаваемым в образовательной организации, специальным педагогическим методам, адресности, партнерству между семьей и школой [Зборовский, Пирогова, 2021]. Именно на основе опыта резильентных школ Федеральным институтом оценки качества образования (ФИОКО) был разработан и с 2020 года действует проект адресной методической помощи ШНОР. Его цель – повышение качества образования путем реализации для каждой из школ комплекса мер поддержки, разработанного с учетом результатов предварительной комплексной диагностики, которая направлена на выявление различных факторов, существенным образом влияющих на результаты обучения в каждой отдельно взятой школе [Методика оказания..., 2018–2022].

ФИОКО были определены 15 общих факторов риска снижения образовательных результатов. Среди них можно условно обозначить внешние, объективные факторы – влияние учредителя, контингент, социальные условия и т. д., и внутренние факторы, находящиеся в прямой зависимости от роли каждого участника образовательного процесса. Исследователи [Зборовский, Пирогова, 2021] сходятся во мнении, что для преодоления факторов риска снижения образовательных результатов требуется объединение усилий всех участников образовательных отношений: администраций школ, педагогов, учащихся и родителей, а также помощь со стороны государственных структур.

По мнению О.М. Горнаевой [2021], способностью к преодолению низкого качества образования обладает только резильентная школа, в которой при неизменности внешних факторов отличными являются именно факторы внутренние: профессиональное развитие, повышение квалификации и уровень образования педагогов, что делает педагогический коллектив ключевым фактором резильентности. В исследованиях, проводимых в рамках проекта «Мониторинг экономики образования», прямо говорится о первостепенном значении кадрового ресурса школ: «Педагогические кадры – ключевой фактор, определяющий качество школьного образования» [Заир-Бек и др., 2020, с. 1].

Исходя из этого, важную роль в решении проблемы преодоления рисков снижения образовательных результатов играют педагоги, готовые к работе в условиях ШНОР. Возникает вопрос, готовы ли к этому современные выпускники педагогических вузов? И если нет, то как обеспечить соответствующую подготовку будущих педагогов к преодолению рисков низких образовательных результатов и работе в условиях ШНОР?

Целью данного этапа исследования стало выявление наличия или отсутствия пробелов в существующей системе подготовки будущих педагогов к преодолению рисков низких образовательных результатов на примере студентов выпускных курсов ФГБОУ ВО ГППИ им. В.Г. Короленко и определение уровня их готовности к будущей самостоятельной педагогической деятельности в условиях ШНОР.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования является уровень готовности будущих педагогов к преодолению рисков низких образовательных результатов.

Первой задачей исследования было изучение условий и основ функционирования существующей системы подготовки будущих педагогов к преодолению рисков низких образовательных результатов. Для решения этой задачи был проведён анализ законодательных актов и нормативно-правовых документов: основных профессиональных образовательных программ и учебных планов вуза, трудовых функций педагога, сформулированных в тексте Профстандарта, ФГОС ВО; соотнесены преподаваемые в настоящее время дисциплины и формируемые в ходе их освоения компетенции (и индикаторы их достижения) с компетенциями, необходимыми будущему педагогу для преодоления каждого отдельно взятого фактора риска. Изучена научная литература по проблеме исследования.

Второй задачей стало проведение анкетирования среди будущих педагогов к преодолению рисков низких образовательных результатов. Для решения этой задачи были разработаны анкеты для проведения опроса, организован процесс прохождения анкетирования при помощи Google-форм в онлайн-режиме. Исследование проводилось на базе ФГБОУ ВО ГППИ имени В.Г. Короленко.

В качестве решения третьей задачи были проанализированы и систематизированы данные, полученные в результате проведённого опроса, предложен возможный способ решения проблемы подготовки будущих педагогов к преодолению рисков низких образовательных результатов и работе в условиях ШНОР.

Результаты и их обсуждение

Для определения наличия или отсутствия пробелов в существующей системе подготовки будущих педагогов к преодолению рисков низких образовательных результатов нами было проведено анкетирование среди выпускников ФГБОУ ВО ГГПИ им. В.Г. Короленко. В опросе приняли участие 88 человек. В результате анализа итогов анкетирования предполагалось выяснить, как сами студенты оценивают свою готовность работать в школах с низкими образовательными результатами по итогам обучения в вузе. Отметим, что оценка качества образования в форме самооценки обучающихся применяется редко, несмотря на то, что «самоконтроль и самооценка своей учебной деятельности становится для человека важнейшим качеством» в условиях современного образования [Новиков, 2009, с. 280].

Вопросы анкеты были составлены на основе 15 факторов риска низких образовательных результатов, сформулированных авторами ФИОКО в тексте «Методики адресной помощи ШНОР». При составлении вопроса учитывалось не только определение сущности фактора, но и его детальное описание, представленное там же [Методика оказания... 2018–2022]. Отметим, что факторы 11 и 12 потребовали дифференциации вследствие многоаспектности описания и были сформулированы в виде двух вопросов соответственно (см. таблицу) под номерами 11 и 11А, 12 и 12А.

Вопросы анкеты для определения готовности будущих педагогов к преодолению факторов рисков низких образовательных результатов
Questionnaire questions to determine the readiness of future teachers to overcome the risk factors of low educational results

Факторы риска, предложенные ФИОКО	Вопросы анкеты
1. Низкий уровень оснащения школы	1. Как Вы считаете, достаточно ли вашей подготовки, чтобы эффективно работать в школе с низким уровнем материально-технического оснащения?
2. Дефицит педагогических кадров	2. Готовы ли Вы работать в условиях дефицита педагогических кадров?
3. Недостаточная предметная и методическая компетентность педагогических работников	3. Готовы ли Вы постоянно совершенствовать собственную предметную и методическую компетентность?
4. Низкая мотивация руководства образовательной организации на улучшение образовательных результатов	4. Готовы ли Вы к тому, что можете столкнуться с низкой мотивацией руководства школы на улучшение образовательных результатов?
5. Отсутствие или недостаточная эффективность системы объективной оценки результатов обучения	5. Готовы ли Вы к объективному беспристрастному оцениванию результатов обучения ваших учащихся? Владеете ли соответствующими компетенциями?
6. Недостаточно развитое профессиональное взаимодействие в педагогическом коллективе	6. Готовы ли Вы к тому, что в педагогическом коллективе будет недостаточно развито профессиональное взаимодействие (отсутствуют или недостаточно развиты система наставничества, взаимопомощи; система мотивации педагогов; недостаточно результативно работают педсоветы и методические объединения)?

Окончание таблицы

Факторы риска, предложенные ФИОКО	Вопросы анкеты
7. Высокая доля обучающихся с рисками учебной неуспешности	7. Готовы ли Вы к системной работе с обучающимися с рисками учебной неуспешности («трудными подростками»: учащимися с низкой успеваемостью, из неблагополучных семей, состоящие на учёте в полиции и пр.)?
8. Высокая доля обучающихся с инклюзией	8. Готовы ли Вы к работе с обучающимися с инклюзией?
9. Низкое качество адаптации мигрантов, преодоления языковых и культурных барьеров	9. Готовы ли Вы к преодолению языковых и культурных барьеров при работе с мигрантами?
10. Низкое качество профориентационной работы	10. Готовы ли Вы вести качественную профориентационную работу для развития профессионального самоопределения учащихся и повышения их мотивации к обучению?
11. Пониженный уровень школьного благополучия	11. Владете ли Вы навыками педагогического взаимодействия с учащимися с низким социальным статусом и минимизации их влияния на ученический коллектив?
	11А. Готовы ли Вы принимать на себя ответственность за определённые решения при работе с учащимися с низким социальным статусом (при урегулировании конфликтов, взаимодействии с другими участниками образовательных отношений и т.д.)?
12. Низкая вовлеченность учителей в образовательный процесс	12. Готовы ли Вы к отсутствию эффективной коммуникации с руководством школы?
	12А. Готовы ли Вы к возможному профессиональному «выгоранию» и продолжению работы в таких условиях?
13. Низкая учебная мотивация школьников	13. Готовы ли Вы к тому, что столкнётесь с низкой учебной мотивацией школьников (владеете ли необходимыми компетенциями для её повышения)?
14. Низкий уровень дисциплины в классе	14. Готовы ли Вы к тому, что столкнётесь с низким уровнем дисциплины в классе (владеете ли необходимыми компетенциями для его повышения)?
15. Проблемы с вовлеченностью родителей	15. Готовы ли вы к проблемам с вовлеченностью родителей (владеете ли необходимыми навыками работы с родителями)?

Была проведена апробация анкеты с целью определения её надёжности и доступности. В апробации приняли участие 15 выпускников факультета Педагогического и художественного образования ГППИ. Для выявления и уточнения недостаточно ясных респондентам вопросов был предложен вариант ответа «Я не понимаю сути вопроса» в дополнение к основным вариантам ответов. При подведении итогов апробации был принят во внимание высокий темп прохождения опроса при помощи Google-форм в онлайн-

режиме и принято решение об утверждении такой формы анкетирования, были конкретизированы формулировки вопросов № 6, 7, уточнены цели и условия анкетирования в тексте вступительного слова к анкете.

При ответе на каждый вопрос анкеты респондентам было предложено выбрать один из вариантов ответа: «абсолютно готов», «скорее готов», «частично готов», «скорее не готов», «абсолютно не готов». Предлагаемые варианты ответа соотносились с пятибалльной шкалой оценивания, где «абсолютно готов» соответствует 5 баллам, а «абсолютно не готов» – 1 баллу. В результате по каждому вопросу был определён средний балл (см. рисунок) в соответствии с полученными ответами.

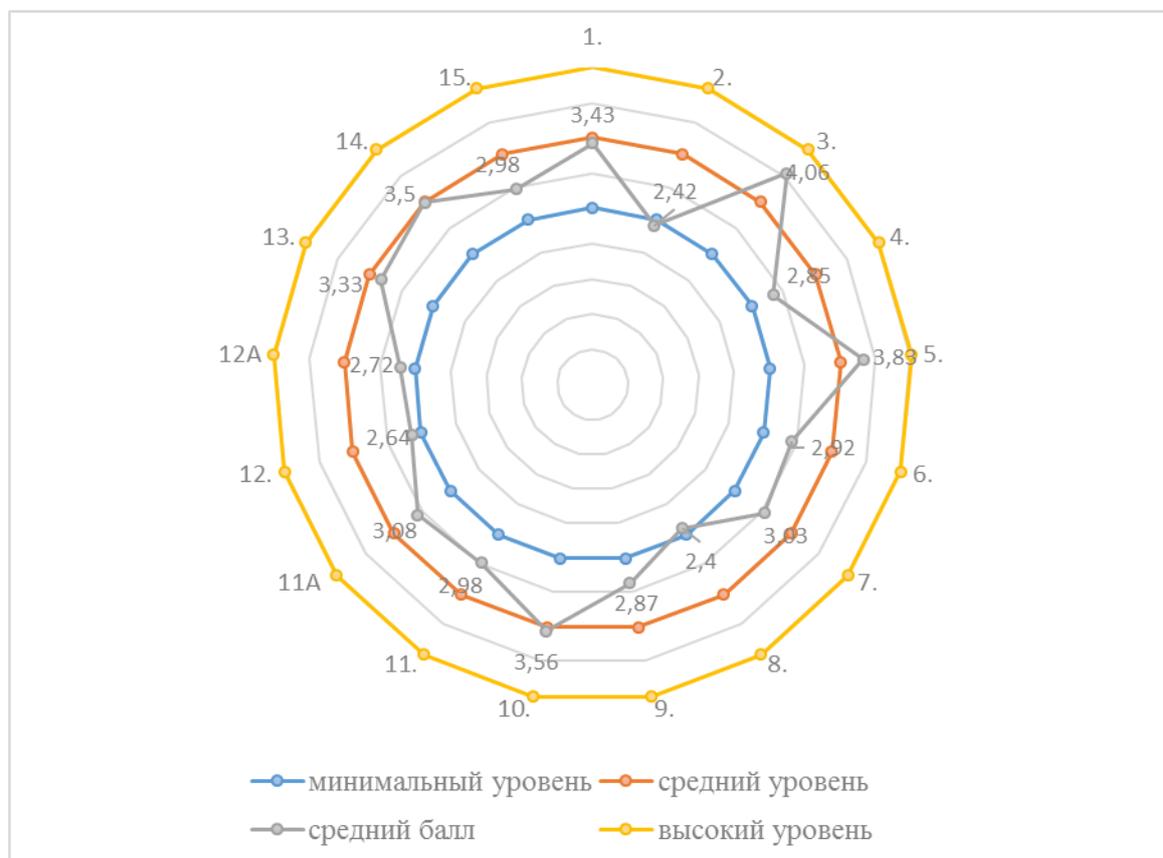
Таким образом, при определении уровня готовности будущих педагогов к преодолению рисков низких образовательных результатов были использованы общие принципы и критерии, применяемые при оценивании по пятибалльной шкале:

– 1–2 балла свидетельствуют о неудовлетворительной подготовке, минимальный проходной балл был установлен на уровне 2,51;

– 2,51–3,5 баллов соответствуют оценке «удовлетворительно» и свидетельствуют о низком уровне подготовки:

– 3,51–4,5 баллов соответствуют оценке «хорошо» и свидетельствуют о среднем уровне подготовки:

– 4,51–5,0 баллов соответствуют оценке «отлично» и свидетельствуют о высоком уровне подготовки (см. рисунок).

Итоги анкетирования выпускников факультета Педагогического и художественного образования ГГПИ
The results of the survey of graduates of the Faculty of Pedagogical and Art Education of GSPI

По результатам проведённого опроса было выявлено, что выпускники ГППИ оценивают свой уровень готовности к преодолению рисков низких образовательных результатов в большинстве случаев как низкий и лишь при ответе на вопросы № 3, 5 и 10 – как средний. Стоит отметить, что факторы риска, на основе которых строились перечисленные вопросы, связаны с предметно-методической подготовкой педагога, а именно: готовностью постоянно совершенствовать свою предметно-методическую компетентность, объективно оценивать деятельности обучающихся, вести профориентационную работу среди обучающихся и повышать их учебную мотивацию. В связи с этим можно сделать вывод о том, что выпускники ГППИ в достаточной степени готовы к работе в качестве учителей предметных циклов.

Высокого уровня не было выявлено при ответе ни на один вопрос, а в вопросах № 2 – готовность к работе в условиях дефицита кадров и № 8 – готовность к работе в условиях инклюзивного образования – не был набран даже минимальный проходной балл. При этом при преодолении фактора риска № 2 в большей степени требуются усилия со стороны административного аппарата школы, муниципалитета и внесение изменений в отношении кадровой политики в системе образования в целом, поскольку вариантов действий для педагога в такой ситуации видится всего два: педагог может либо постараться приспособиться к предлагаемым условиям, либо отказаться работать в условиях дефицита кадров, усугубив его таким образом.

Результаты, полученные при анализе ответов на вопрос № 8, соотносятся с данными исследований профессионального развития педагогов российских школ: «Среди собственных профессиональных дефицитов педагоги чаще всего называют отсутствие знаний и навыков работы с неблагополучными детьми (40 %), учащимися с ОВЗ (39,7 %) <...> за дополнительные занятия с неуспевающими и детьми с ОВЗ доплачивают только половине респондентов, в то время как за работу с одаренными учащимися – 60 %» [Бысик и др., 2018, с. 89].

Очевидно, что наряду с дефицитом предметно-методической готовности к работе с детьми с ОВЗ, имеет место несоответствие затрачиваемых сил и поощрения такой работы, в результате чего у педагогов отсутствует мотивация к её выполнению. Таким образом, собственная оценка будущих педагогов при ответе на данные вопросы свидетельствует об их неготовности работать в школах с низкими образовательными результатами по итогам обучения в вузе.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что в существующей системе высшего образования педагоги демонстрируют недостаточный уровень готовности к преодолению большинства рисков низких образовательных результатов. Такой результат обусловлен наличием пробела в существующей системе образования, а именно – отсутствием в основных профессиональных образовательных программах (ОПОП) ФГБОУ ВО ГППИ имени В.Г. Короленко подготовки будущих педагогов к преодолению рисков низких образовательных результатов как специальной задачи.

Одним из путей решения данной проблемы мы считаем введение такой задачи в ОПОП. Инструментом её решения будет служить специальный модульный курс, суть которого заключается во включении тем и модулей в содержание реализуемых дисциплин, а также внеклассной воспитательной деятельности в соответствии с компетенциями, необходимыми будущему педагогу для преодоления каждого конкретного фактора риска.

Формируемые компетенции сделают возможным «преодоление барьеров в обеспечении коммуникации педагогов с администрацией школы», «создание системы профилактики и реабилитации профессионального «выгорания» педагогов» и «увеличение роли

общественных объединений в обеспечении эффективной профессиональной деятельности и социальной поддержки педагогов» [Мирошниченко и др., 2022].

При формировании содержания курса будут применяться компетентностный и квалиметрический подходы как основа отбора содержания курса и деятельности педагога, что позволит «утвердиться в том, что качество образования должно достигаться на основе квалиметрически обоснованных действий» [Мирошниченко, 2021, с. 192].

Заключение

Проведённый среди будущих учителей – выпускников ГГПИ опрос позволил выявить и визуализировать пробелы в существующей системе подготовки педагогов в соответствии с их собственной оценкой готовности к работе в школах с низкими образовательными результатами по итогам обучения в вузе. По результатам опроса становится очевидно, что необходимо внести изменения в существующую систему подготовки педагогов для обеспечения их готовности к преодолению факторов риска низких образовательных результатов. Одним из вариантов решения названной проблемы может стать разработка и внедрение в основную профессиональную образовательную программу вуза специального модульного курса, содержание которого будет включать в себя предметную подготовку, систему воспитательных мероприятий, а также ряд задания для самостоятельного (в том числе дистанционного) освоения.

В качестве одной из ближайших перспектив исследования нам видится разработка и проведение массового онлайн-опроса среди студентов – будущих педагогов на основе детализированной модели факторов риска снижения образовательных результатов учащихся, выполненной коллективом авторов ФГБОУ ВО ГГПИ им. В.Г. Короленко в рамках исполнения государственного задания НИР Минпросвещения РФ [Александрова и др., 2021].

Опрос будет проводиться с целью установления в каждом факторе риска границ, в пределах которых будущий педагог имеет возможность его преодолевать, а также с целью более детального определения уязвимых сторон в существующей системе подготовки будущих педагогов, применимо к каждому отдельному фактору риска.

Список источников

- О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года. 2018. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. N 204. URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201805070038.pdf> (дата обращения: 10.07.2022).
- Методика оказания адресной методической помощи общеобразовательным организациям, имеющим низкие образовательные результаты обучающихся. 2018–2022. Москва, ФГБУ «Федеральный институт оценки качества образования», 51 с. URL: https://fioco.ru/Media/Default/Documents/500/Metodica_500.pdf (дата обращения: 13.06.2022).
- Паспорт национального проекта «Образование». 2019. Утвержден президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам протокол от 24 декабря 2018 года № 16. URL: <http://static.government.ru/media/files/UuG1ErcOWtjfOFCsqdLsLxC8oPFDkmBB.pdf> (дата обращения – 10.07.2022).
- Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" от 29.12.2012 N 273-ФЗ (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 11.07.2022).

Список литературы

- Александрова И.Н., Баженова В.В., Зотова С.С., Иванова Н.П., Ичетовкина Н.М., Колесников Е.А., Мальцева Е.В., Мирошниченко А.А., Скрыбина Д.Ю. 2021. Изучаем риски снижения образовательных результатов учащихся. Под ред. В.В. Баженовой. Глазов, Глазовский государственный педагогический институт имени В.Г. Короленко, 132 с.
- Бысик Н.В., Косарецкий С.Г., Пинская М.А. 2018. Проектирование модели профессионального развития педагогов школ, функционирующих в неблагоприятных социальных условиях, работающих с учащимися с риском образовательной неуспешности: эмпирическая основа и ключевые составляющие. Психологическая наука и образование, 23(5): 87–101. DOI: 10.17759/pse.2018230509.
- Горнаева О.М. 2021. Факторы риска школьной неуспешности обучающихся в школах малого города. Наука и школа, 3: 191–199. DOI: 10.31862/1819-463X-2021-3-191-199.
- Заир-Бек С.И., Мерцалова Т.А., Анчиков К.М. 2020. Кадры школьного образования: возможности и дефициты. Информационно-аналитические материалы Мониторинга экономики образования по результатам статистических и социологических обследований. Выпуск № 18. М., Высшая школа экономики, 17 с.
- Зборовский Г.Е., Пирогова М.С. 2021. Образовательно неуспешные учащиеся в неспешных школах: надежда на лучшее. Вестник Сургутского государственного педагогического университета, 5(74): 9–17. DOI: 10.26105/SSPU.2021.75.6.019.
- Золотарева А.В. 2020. Региональная концепция поддержки школ с низкими результатами обучения и школ, функционирующих в неблагоприятных социальных условиях. Ярославский педагогический вестник, 5(116): 17–29. DOI: 10.20323/1813-145X-2020-5-116-17-29.
- Капуза А.В., Керша Ю.Д., Захаров А.Б., Хавенсон Т.Е. 2017. Образовательные результаты и социальное неравенство в России. Вопросы образования, 4: 10–35. DOI: 10.17323/1814-9545-2017-4-10-35.
- Косарецкий С.Г., Баранников К.А., Беликов А.А., Бысик Н.В., Гетман А.В., Горбовский Р.В., Добрякова М.С., Заир-Бек С.И., Зиннохина Е.В., Капуза А.В., Керша Ю.Д., Княгинина Н.В., Ларина Г.С., Лебедева Н.В., Мерцалова Т.А., Новикова Е.Г., Пинская М.А., Реморенко И.М., Сергеева Т.В., Стрикун Н.Г., Хавенсон Т.Е., Чиркина Т.А., Янкевич С.В. 2019. Российская школа: начало XXI века. Под ред. С.Г. Косарецкого, И.Д. Фрумина. Москва, Изд. дом Высшей школы экономики, 429 с.
- Мирошниченко А.А. 2021. Квалиметрическая подготовка в педагогической магистратуре. В кн.: Качество продукции, технологий и образования. Материалы XVI Международной научно-практической конференции, Магнитогорск, 30 апреля 2021 года. Под ред. Н.Л. Медяник. Магнитогорск, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова: 189–192.
- Мирошниченко А.А., Иванова Н.П., Куртеева О.В. 2021. Анкета для изучения методик повышения уровня школ с низкими образовательными результатами. Вопросы педагогики, 11-1: 306–311.
- Мирошниченко А.А., Чиговская-Назарова Я.А., Хлобыстова И.Ю., Куртеева О.В. 2022. Взаимосвязь приоритетов управленческих решений руководства общеобразовательных школ и динамики изменений образовательных результатов. Перспективы науки и образования, 2(56): 686–707. DOI: 10.32744/pse.2022.2.41.
- Новиков Д.А. 2009. Теория управления образовательными системами. М., Народное образование, 416 с.
- Пинская М.А., Хавенсон Т.Е., Косарецкий С.Г., Звягинцев Р.С., Михайлова А.М., Чиркин Т.А. 2018. Поверх барьеров: исследуем резильентные школы. Вопросы образования, 2: 198–227. DOI: 10.17323/1814-9545-2018-2-198-227.
- Тихомирова О.В. 2018. Улучшение качества преподавания в школах с неблагоприятными социальными условиями средствами профессиональных обучающихся сообществ учителей. Ярославский педагогический вестник, 1: 28–34.

Хлобыстова И.Ю., Мирошниченко А.А., Рудин А.С. 2021. Имитационный тренажер директора школы: преодолеваем риск низких образовательных результатов. *Chronos*. Т. 6. № 12(62): 20–24.

References

- Aleksandrova I.N., Bazhenova V.V., Zotova S.S., Ivanova N.P., Ichetovkina N.M., Kolesnikov E.A., Mal'tseva E.V., Miroshnichenko A.A., Skryabina D.Yu. 2021. Izuchaem riski snizheniya obrazovatel'nykh rezul'tatov uchaschchikhsya [We study the risks of reducing the educational results of students]. Ed. V.V. Bazhenova. Glazov, Publ. Glazovskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy institut imeni V.G. Korolenko, 132 p.
- Bysik N.V., Kosaretskiy S.G., Pinskaya M.A. 2018. Designing a Model of Professional Development for Teachers Working in Unfavourable Social Conditions with Children at Risk of Educational Failure: Empirical Basis... *Psychological Science and Education*. 23(5): 87–101 (in Russian). DOI: 10.17759/pse.2018230509.
- Gornaeva O.M. 2021. Risk factors for school failure of students in small-town schools. *Science and School*, 3: 191–199 (in Russian). DOI: 10.31862/1819-463X-2021-3-191-199.
- Zair-Bek S.I., Mertsalova T.A., Anchikov K.M. 2020. Kadry shkol'nogo obrazovaniya: vozmozhnosti i defitsity [The school education workforce: Opportunities and gaps]. Informatsionno-analiticheskie materialy Monitoringa ekonomiki obrazovaniya po rezul'tatam statisticheskikh i sotsiologicheskikh obsledovaniy. Issue No. 18. M., Publ. Vysshaya shkola ekonomiki, 17 p.
- Zborovskiy G.E., Pirogova M.S. 2021. Educationally unsuccessful students in unsuccessful schools: hope for the best. *The Surgut State Pedagogical University Bulletin*, 5(74): 9–17 (in Russian). DOI: 10.26105/SSPU.2021.75.6.019.
- Zolotareva A.V. 2020. Regional concept of support for schools with low learning outcomes and schools operating in unfavorable social conditions. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 5(116): 17–29 (in Russian). DOI: 10.20323/1813-145X-2020-5-116-17-29.
- Kapuz A.V., Kersha Yu.D., Zakharov A.B., Khavenson T.E. 2017. Educational attainment and social inequality in Russia: dynamics and correlations with education policies. *Educational Studies Moscow*, 4: 10–35 (in Russian). DOI: 10.17323/1814-9545-2017-4-10-35.
- Kosaretskiy S.G., Barannikov K.A., Belikov A.A., Bysik N.V., Getman A.V., Gorbovskiy R.V., Dobryakova M.S., Zair-Bek S.I., Zinyukhina E.V., Kapuz A.V., Kersha Yu.D., Knyaginina N.V., Larina G.S., Lebedeva N.V., Mertsalova T.A., Novikova E.G., Pinskaya M.A., Remorenko I.M., Sergeeva T.V., Strikun N.G., Khavenson T.E., Chirkina T.A., Yankevich S.V. 2019. Rossiyskaya shkola: nachalo XXI veka [Russian school: the beginning of the XXI century]. Eds. S.G. Kosaretskiy, I.D. Frumin. Moscow, Publ. Vysshey shkoly ekonomiki, 429 p.
- Miroshnichenko A.A. 2021. Kvalimetriceskaya podgotovka v pedagogicheskoy magistrature [Qualimetric preparation in the pedagogical master's program]. In. Kachestvo produktsii, tekhnologii i obrazovaniya [Quality of products, technologies and education]. Quality of products, technologies and education. Ed. N.L. Medyanik. Magnitogorsk, Publ. Magnitogorskiy gosudarstvennyy tekhnicheskii universitet im. G.I. Nosova: 189–192.
- Miroshnichenko A.A., Ivanova N.P., Kurteeva O.V. 2021. Anketa dlya izucheniya metodik povysheniya urovnya shkol s nizkimi obrazovatel'nymi rezul'tatami [Questionnaire to study methods for improving the level of schools with low educational results]. *Voprosy pedagogiki*, 11-1: 306–311.
- Miroshnichenko A.A., Chigovskaya-Nazarova Ya.A., Khlobystova I.Yu., Kurteeva O.V. 2022. Relationship between priorities of secondary schools authorities' managerial decisions and change dynamics in educational outcomes. *Perspectives of Science & Education*, 2(56): 686–707. DOI: 10.32744/pse.2022.2.41.
- Novikov D.A. 2009. Teoriya upravleniya obrazovatel'nymi sistemami [Management theory of educational systems]. M., Publ. Narodnoe obrazovanie, 416 p.
- Pinskaya M., Khavenson T., Kosaretsky S., Zvyagintsev R., Mikhaylova A., Chirkina T. 2018. Above barriers: a survey of resilient schools. *Educational Studies Moscow*, 2: 198–227 (in Russian). DOI: 10.17323/1814-9545-2018-2-198-227.

Tikhomirova O.V. 2018. Improvement of teaching quality in schools with disadvantaged social conditions by means of teachers' professional studying communities. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 1: 28–34 (in Russian).

Khlobystova I.Yu., Miroshnichenko A.A., Rudin A.S. 2021. School director simulator: overcoming the risk of low educational results. *Chronos*, 6-12(62): 20–24 (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 10.10.2022.

Received October 10, 2022.

Поступила после рецензирования 19.11.2022.

Revised November 19, 2022.

Принята к публикации 12.12.2022.

Accepted December 12, 2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Исупова Елена Владимировна, аспирант, ассистент кафедры музыкального образования, Глазовский государственный педагогический институт имени В.Г. Короленко, г. Глазов, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena V. Isupova, post-graduate student, assistant of the Department of Music Education, V.G. Korolenko Glazov State Pedagogical Institute, Glazov, Russia.

УДК 80

DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-4-681-688

Значение социокультурного компонента в процессе формирования коммуникативной компетентности у студентов-филологов из КНР, изучающих русский язык как иностранный

Шупин Чжао

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1
E-mail: zsp570954605@gmail.com

Аннотация. Иностранный язык является существенным элементом культуры народа-носителя этого языка и средством передачи ее другим народам. На сегодняшний день в качестве основной цели развития способностей студентов ставится использование иностранного языка как инструмента в диалоге культур и цивилизаций современного мира. Эта цель предполагает взаимосвязанное коммуникативное и социокультурное развитие учащихся средствами иностранного языка для подготовки их к межкультурному общению в разнообразных сферах жизнедеятельности. Автором рассмотрено соотношение понятий «коммуникативная компетентность» и «коммуникативная компетенция». Раскрыта сущность социокультурного компонента коммуникативной компетентности через систему взаимосвязанных составляющих: страноведческой, лингвострановедческой, социолингвистической. Доказана значимость роли социокультурного компонента при речевой и культурной адаптации студентов из КНР к культурно-речевой среде Российской Федерации при их интеграции в социум, образование, культуру, быт россиян. Конечной целью усвоения лингвострановедческого аспекта является формирование у учащихся лингвострановедческой компетенции, то есть целостной системы представлений об основных национальных традициях, обычаях и реалиях страны, язык которой изучается, что позволяет учащимся ассоциировать с языковой единицей ту же самую информацию, что и носители этого языка, и достигать полноценной коммуникации.

Ключевые слова: социокультурный компонент, студенты-инфоны, коммуникативная компетентность, русский язык как иностранный, русскоязычная среда

Для цитирования: Шупин Ч. 2022. Значение социокультурного компонента в процессе формирования коммуникативной компетентности у студентов-филологов из КНР, изучающих русский язык как иностранный. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 41(4): 681–688. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-4-681-688

The Importance of the Socio-Cultural Component in the Process of Forming Communicative Competence Among Philology Students from China Studying Russian as a Foreign Language

Shuping Zhao

Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia
E-mail: zsp570954605@gmail.com

Abstract. A foreign language is an essential element of the culture of a native speaker of this language and a means of transmitting it to other peoples. To date, the main goal of developing students' abilities is the use of a foreign language as a tool in the dialogue of cultures and civilizations of the modern world. This goal involves

the interrelated communicative and socio-cultural development of students by means of a foreign language to prepare them for intercultural communication in various spheres of life. The author considers the correlation of the concepts of "communicative competence" and "communicative competence". The essence of the socio-cultural component of communicative competence is revealed through a system of interrelated components: regional, linguistic, sociolinguistic. The importance of the role of the socio-cultural component in the speech and cultural adaptation of students from China to the cultural and speech environment of the Russian Federation during their integration into society, education, culture, and everyday life of Russians is proved. Socio-cultural development covers such types of competencies as country studies and linguistics. The ultimate goal of mastering the linguistic and cultural aspect is the formation of students' linguistic and cultural competence, that is, an integral system of ideas about the main national traditions, customs and realities of the country whose language is being studied, which allows students to associate with the language unit the same information as native speakers of this language, and achieve full communication.

Keywords: socio-cultural component, students-foreigners, communicative competence, Russian as a foreign language, Russian-speaking environment

For citation: Shuping Z. 2022. The Importance of the Socio-Cultural Component in the Process of Forming Communicative Competence Among Philology Students from China Studying Russian as a Foreign Language. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 41(4): 681–688 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-4-681-688

Введение

Политика в сфере образования способствует национальному и международному признанию квалификаций, полученных в России. Это одна из весомых причин, по которой иностранные граждане, среди которых граждане КНР, едут в Россию, чтобы получить диплом, который гарантирует им в будущем профессиональный и карьерный рост в любой стране мира.

При получении высшего образования в Российской Федерации перед студентами из Китая встает вопрос коммуникации, приобретения коммуникативной компетентности и адаптации к языковой и культурной среде, национальным традициям, культурным, историческим ценностям, а также социализации в русскоязычной среде. Таким образом, на сегодняшний день особую актуальность приобретает вопрос социокультурного компонента при формировании коммуникативной компетентности в процессе изучения русского языка как иностранного студентами из Китая.

На основе анализа научных работ по проблеме исследования установлено, что уделено значительное внимание вопросу формирования коммуникативной компетентности, а также активно разрабатывается проблема коммуникации при овладении иностранными языками в учреждениях высшего образования Российской Федерации.

Тем не менее, несмотря на большое количество научных публикаций, остается недостаточно изученным влияние социокультурного компонента на формирование коммуникативной компетентности у студентов-филологов из КНР, изучающих русский язык как иностранный.

Цель работы – раскрыть особенности процесса формирования коммуникативной компетентности у студентов-филологов из КНР, изучающих русский язык как иностранный, определить значение социокультурного компонента в данном процессе.

Результаты и их обсуждение

Основная цель изучения русского языка как иностранного – это овладение коммуникативной компетентностью, которая достигается путем формирования у студентов-филологов из Китая необходимых языковых и речевых умений во всех видах речевой деятельности (чтение, аудирование, устная речь, письменная речь), обеспечивая им воз-

возможность общения в языковой среде (обучение, быт, культура) и получение специальности в Российской Федерации¹ [Шукин, 2018].

В современных научных исследованиях коммуникативная компетентность является предметом изучения многих ученых, но отсутствует однозначное мнение по поводу компонентов (составляющих) коммуникативной компетентности, а в некоторых исследованиях используется термин «коммуникативная компетенция» [Тишкина и др., 2013].

Относительно объяснения понятий «компетентность» и «компетенция» автор считает, что когда мы говорим о компетентности, то речь идет о человеке, который владеет соответствующей компетенцией для решения определенных вопросов. Компетентность служит качеством, характеристикой лица, которая позволяет ему (или даже дает право) решать определенные задачи, принимать решения, суждения в определенной области [Акишина, Каган, 2015]. Другими словами, компетенция является нормативной, идеальной целью образовательного процесса, моделирующим качеством будущего специалиста, а компетентность – результат, степень проявления, уровень овладения компетенцией [Вартанов, 2003]. Для решения поставленной проблемы компоненты коммуникативной компетентности или компетенции на этом этапе исследования не являются существенными, а потому автор не будет акцентировать внимание на их дефинициях [Kilpatrick, 1918].

Поскольку иноязычная коммуникативная компетенция является сложным, системным образованием, то в ее структуре есть такие компоненты:

- 1) языковой, который формируется в рамках академической и профессиональной среды (усовершенствование знаний лексики, грамматики, семантики, фонологии);
- 2) речевой как умение использовать речевой материал для достижения коммуникативных, информационных, когнитивных, суггестивных и других целей (совершенствование умений и навыков говорения, аудирования, письма, чтения) [Lado, 1971];
- 3) социокультурный, который способствует более осознанному овладению иностранным языком как средством общения, поскольку основными мотивами изучения иностранного языка являются стремление к расширению мировоззрения, интерес к культуре народа – носителя языка, страноведческим и лингвострановедческим реалиям страны, язык которой изучается;
- 4) интеркультурный, который связан с культурой разных народов, межкультурной коммуникацией [Сысоев, 2009].

Рассматривая вопрос реализации концепции русскоязычной подготовки иностранных граждан на подготовительных факультетах, следует выделить определенные смысловые линии, формирующие коммуникативную компетентность и способствующие формированию вторичной речевой личности студентов-филологов из КНР, изучающих русский язык как иностранный:

- 1) речевую, предполагающую усовершенствование умений в основных видах речевой деятельности (аудировании, чтении, говорении, письме);
- 2) языковую (лингвистическая), направленную на формирование языковой (лингвистической) компетентности, а именно знаний о системе русского языка, овладение ее грамматическими средствами [Lauffer, 1995];
- 3) социокультурную, предполагающую формирование социокультурной компетентности путем создания и развития интереса к России, русскому народу, его истории, обычаям, традициям, ознакомление с духовными сокровищами и выдающимися фигурами, с общечеловеческими моральными нормами;

¹ Азимов Э.Г., Шукин А.Н. 2018. Современный словарь методических терминов и понятий. Теория и практика обучения языкам. М., Русский язык. Курсы, 495 с.

4) деятельностную (стратегическую), предполагающую осознание собственной познавательной деятельности (имеет исключительно процессуальный характер) [Аракелян, 2001].

Коммуникативная речевая компетенция состоит из трех компонентов, в состав каждого из которых входят знания, умения и навыки:

1) лингвистический компонент включает лексические, фонологические, синтаксические знания и умения и другие параметры языка как системы независимо от социолингвистического значения их вариантов и от прагматических функций их реализации [Верещагин, Костомаров, 1983];

2) социолингвистический касается социокультурных условий пользования языком (правил вежливости, норм, регулирующих отношения между поколениями, полами, классами и социальными группами, лингвистических кодификаций некоторых основных ритуалов в жизни общества) [Виддоусон, 1979];

3) прагматический, что связан с функциональным употреблением лингвистических средств: продуцированием речевых функций, актов речи и т.п. [Сафонова, 2013]

В современной педагогической науке нет единого подхода к определению составляющих коммуникативной компетентности, однако анализ научной литературы показал значимость социокультурного компонента, поскольку он присутствует в каждой из проанализированных структур (моделей, содержательных линий) коммуникативной компетентности/компетенции при изучении иностранного языка, а для студентов-филологов из КНР, изучающих русский язык как иностранный, – русского языка [Вербицкий, Ларионова, 2017].

Итак, социокультурный компонент является важным структурным элементом коммуникативной компетентности и необходимым условием для успешного осуществления коммуникативного акта на межкультурном уровне в контексте диалога культур [Аракелян, 2001].

Социокультурный компонент коммуникативной компетентности рассматривается как система взаимосвязанных составляющих:

1) страноведческой (знание о народе-носителе языка, его истории, традициях, национальном характере, быте, государственном устройстве, достижениях в отрасли образования, науки, культуры);

2) лингвострановедческой (способность воспринимать язык как лингвокультуру с национально-культурными особенностями);

3) социолингвистической (умение общаться в социуме, придерживаясь речевого этикета, применяя невербальные средства общения, учитывая национальное своеобразие общества тому подобное) [Балыхина, 2007].

Социокультурная компетенция – это интегративное образование, которое включает страноведческие, лингвострановедческие, социолингвистические знания, умения и навыки соотносить языковые средства с целью и условиями общения; умение организовать речевое общение в соответствии с социальными нормами поведения, принятыми у носителей языка; умение использовать языковые средства в соответствии с национально обусловленными особенностями их употребления [Сафонова, 2012].

Значимая роль социокультурного компонента при формировании коммуникативной компетентности проявляется в период адаптации студентов из Китая и других стран к русскоязычной среде [Бердичевский и др., 2015]. Основные разновидности социокультурных сведений, которые получает студент-инофон в процессе погружения в русскоязычную социокультурную среду:

1) решение повседневных дел по вопросу быта, питания, здоровья, гигиены, то есть реализация ежедневных бытовых процессов;

2) общение между студентами, преподавателями в заведении высшего образования, а также с друзьями, знакомыми в повседневной жизни, в неформальной обстановке [Lustig, Koester, 2013];

3) ознакомление с национальными достижениями россиян: искусством, культурными, историческими и религиозными памятниками [Vielau, 2017];

4) познание национальных духовно-культурных ценностей, традиций, верований, социальных символов и других языково-ментальных единиц;

5) овладение речевыми формулами и клише, понимание проявлений языковой игры и пр. [Починок, 2007].

Социокультурные сведения являются реалиями жизни, внешними объективными факторами, которые формируют у студентов-филологов из КНР социокультурные знания, умения, навыки речевой деятельности в повседневной жизни и в социально-культурной сфере. Русский язык является средством адаптации в чужой для иностранного студента языково-культурной среде [Бим, 2001].

Разговорно-культурная адаптация иностранных студентов в русскоязычную культурно-речевую среду будет эффективной, если усилить лингвострановедческий аспект в курсе обучения русскому языку как иностранному, обеспечить погружение студентов-филологов из КНР в активную аналитико-поисковую деятельность [Буланова-Топоркова и др., 2016].

Чтобы овладеть социокультурным компетентном в курсе русского языка как иностранного, мы должны сформировать у иностранных студентов коммуникативную компетентность как результат владения умениями и навыками речевой деятельности в социально-культурной сфере, а для этого в программе дисциплины должна быть предусмотрена такая тематика:

1. Город обучения студента.
 - 1.1. Родной город студента.
2. Заведение высшего образования, где обучается студент.
 - 2.1. Будущая профессия студента.
3. Россия (государственное и экономическое устройство).
 - 3.1. Китай (государственное и экономическое устройство).
4. Система образования в России.
 - 4.1. Система образования в Китае.
5. История России.
 - 5.1. История Китая.
6. Москва – столица Российской Федерации.
 - 6.1. Пекин – столица Китайской Народной Республики.

При изучении этих тем важным является использование как общедидактических принципов (научности, проблемности, информационной достаточности, индивидуализации, доступности, систематичности, последовательности, гуманизма, коллективности и др.), так и специфических принципов, особенно актуальных при преподавании русского языка как иностранного (поликультурной толерантности, взаимоуважения, межкультурного взаимодействия, диалога культур) [Пассов, 1989].

Социокультурный компонент при формировании коммуникативной компетентности раскрывается многогранно через систему принципов [White, 1959]. Для примера автор выделяет принцип диалога культур, который реализуется у студентов-филологов из КНР через общие представления о межкультурной коммуникации, основанные на сравнении взаимовлияния различных культур и цивилизаций, интерпретации явлений и событий, так и ценностных смыслов родной и иностранной культур. Социокультурный компонент в целом влияет на формирование личности специалиста, его духовного мира и повышает общекультурный уровень [Васильева, 2011].

Заключение

Таким образом, социокультурный компонент при формировании коммуникативной компетентности у студентов из Китая в курсе русского языка как иностранного играет значительную роль в овладении социокультурными знаниями, навыками, в приобретении практических умений межкультурного взаимодействия, коммуникации и способствует формированию поликультурной толерантности, позитивного отношения к общечеловеческим ценностям, духовным достижениям не только своего народа, но и других наций, народностей. Значимость роли социокультурного компонента проявляется в процессе языковой и культурной адаптации студентов-филологов из Китая к русской культурно-речевой среде; интеграции в социум, образование, культуру, быт. Получение высшего образования в Российской Федерации студентами из Китая предполагает формирование образованной, культурной личности. Воспитание у студентов-инофонов общечеловеческих гуманистических ценностей, уважения к культуре разных народов, в частности культуре России, возможно при усилении роли социокультурного компонента в процессе изучения русского как иностранного. Социокультурный компонент играет значительную роль при формировании у студентов-филологов из Китая социокультурных знаний, навыков, приобретении практических умений в социально-культурной, учебно-профессиональной и учебно-научной сферах с целью формирования коммуникативной компетентности, которая способствует профессиональному, культурному, творческому развитию и становлению речевой личности студента-инофона.

Список литературы

- Акишина А.А., Каган О.Е. 2015. Учимся учить. М., Русский язык. Курсы, 256 с.
- Аракелян О.В. 2001. Поликультурное образование: сущность и содержание. М., Грааль, 82 с.
- Балыхина Т.М. 2007. Методика преподавания русского языка как неродного, нового. М., РУДН, 185 с.
- Бердичевский А.Л., Никитенко З.Н., Хамраева Е.А. 2015. Как преподавать русский язык двуязычным детям. М., Фонд «Русский мир», 239 с.
- Бим И.Л. 2001. Некоторые актуальные проблемы современного обучения иностранным языкам. Иностранные языки в школе, 4: 5-9.
- Буланова-Топоркова М.В., Духавнева А.В., Кукушин В.С., Сучков Г.В. 2016. Педагогические технологии. Под ред. В.С. Кукушина. М., Ростов н/Д, MapT, 333 с.
- Васильева А.А. 2011. Формирование толерантной личности студента средствами иностранного языка. Пермь, Меркурий, 189 с.
- Вартанов А.В. 2003. От обучения иностранным языкам к преподаванию иностранных языков и культур. Иностранные языки в школе, 2: 21–26.
- Вербицкий А.А., Ларионова О.Г. 2017. Личностный и компетентностный подходы в образовании. проблемы интеграции. М., Логос, 235 с.
- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. 1983. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., Рус. яз., 269 с.
- Виддоусон Х. 1979. Коммуникативный подход и его применение. Оксфорд, Изд-во Оксфордского ун-та, 286 с. (Widdowson H. The Communicative Approach to Language Teaching. Oxford, Oxford University Press.)
- Мироллобов А.А. 2004. Коммуникативная компетенция как основа формирования общеобразовательного стандарта по иностранным языкам. Стандарты и мониторинг в образовании, 2: 17–18.
- Пассов Е.И. 1989. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. М., Русский язык, 276 с.
- Починок Т.В. 2007. Формирование социокультурной компетенции как основы межкультурного общения. Иностранные языки в школе, 7: 2–6.
- Сафонова В.В. 2012. Социокультурные аспекты экспертного анализа качества иноязычной учебной литературы. Евразийский форум, 1(4): 199–215.
- Сафонова В.В. 2013. Учебник иностранного языка как отражение методических воззрений и заблуждений автора. В кн.: Лингвистика. Лингводидактика и межкультурная коммуникация. Материалы VI Всероссийской заочной конференции студентов, магистрантов и аспирантов, Таганрог, 2013 г. Таганрог, ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет»: 23–34.

- Сысоев П.В. 2009. Языковое поликультурное образование в 21 веке. *Язык и культура*, 2(9): 96–110.
- Тишкина Д.А., Зарипова С.З., Галеева М.В. 2013. Коммуникативная деятельность как компонент учебно-воспитательного процесса. В кн.: *Духовный мир личности студентов и роль иностранного языка в его становлении. Тезисы докладов международной научно-методической конференции*, Казань, 2013 г. Казань: 40–42.
- Хаймс Д. 1979. О коммуникативной компетенции. Пер. с англ. Вашингтон, Округ Колумбия, Центр прикладной лингвистики, 218 с. (Hymes D. 1972. On Communicative Competence. In: *Sociolinguistics. Selected Readings*. Eds. J.B. Pride and J. Holmes. Harmondsworth, Penguin.)
- Kilpatrick W.H. 1918. The Project Method: The Use of the Purposeful Act in the Education Process. *Teachers College Record*, 19(4): 319–335.
- Lado R. 1971. *Testen im Sprachunterricht*. Muenchen, Max Hueber Verlag, 454 s. (in Germany).
- Lauffer J. 1995. Kommunikative Kompetenz als Verbandsziel: Der Medienutzer im Mittelpunkt Zehn Jahre medienpädagogische Verbandsarbeit. In: *Kommunikative Kompetenz in einer sich verändernden Medienwelt*. Eds. J. Lauffer, I. Volkmer. Schriftenreihe der Gesellschaft für Medien und Kommunikationskultur in der Bundesrepublik e.V., vol 9. VS Verlag für Sozialwissenschaften, Wiesbaden: 287-294 (in Germany). DOI: 10.1007/978-3-663-01404-1_23
- Lustig M.W., Koester J. 2013. *Intercultural Competence: Interpersonal communication across cultures*. Boston, Pearson Education.
- Vielau A. 1997. *Methodik des kommunikativen Fremdsprachenunterrichts*. Berlin, Cornelsen Verlag, 352 s.
- White R.W. 1959. Motivation reconsidered: the concept of competence. *Psychological review*, 66: 297–333. DOI: 10.1037/h0040934

References

- Akshina A.A., Kagan O.E. 2015. *Uchimsya uchi'* [Learning to teach]. M., Publ. Russkiy yazyk. Kursy, 256 p.
- Arakelyan O.V. 2001. *Polikul'turnoe obrazovanie: sushchnost' i sodержanie* [Multicultural education: essence and content]. M., Publ. Graal', 82 p.
- Balykhina T.M. 2007. *Metodika prepodavaniya russkogo yazyka kak nerodnogo, novogo* [Methods of teaching Russian as a non-native, new language]. M., Publ. Izdatel'stvo Rossiyskogo universiteta druzhby narodov, 185 p.
- Berdichevskiy A.L., Nikitenko Z.N., Khamraeva E.A. 2015. *Kak prepodavat' russkiy yazyk dvuyazychnym detyam* [How to teach Russian to bilingual children]. M., Publ. Fond Russkiy mir, 239 p.
- Bim I.L. 2001. *Nekotorye aktual'nye problemy sovremennogo obucheniya inostrannym yazykam* [Some actual problems of modern teaching of foreign languages]. *Inostrannyye yazyki v shkole*, 4: 5–9.
- Bulanova-Toporkova M.V., Dukhavneva A.V., Kukushin V.S., Suchkov G.V. 2016. *Pedagogicheskie tekhnologii* [Pedagogical technologies]. Ed. V.S. Kukushin. M., Rostov n/D, Publ. MarT, 333 p.
- Vasil'eva A.A. 2011. *Formirovanie tolerantnoy lichnosti studenta sredstvami inostrannogo yazyka* [Formation of a student's tolerant personality by means of a foreign language]. Perm', Publ. Merkurii, 189 p.
- Vartanov A.V. 2003. *Ot obucheniya inostrannym yazykam k prepodavaniyu inostrannykh yazykov i kultur* [From Teaching Foreign Languages to Teaching Foreign Languages and Cultures]. *Inostrannyye yazyki v shkole*, 2: 21–26.
- Verbitskiy A.A., Larionova O.G. 2017. *Lichnostnyy i kompetentnostnyy podkhody v obrazovanii. problemy integratsii* [Personal and competency-based approaches in education. integration problems]. M., Publ. Logos, 235 p.
- Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. 1983. *Yazyk i kultura. Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo* [Language and culture. Linguistic and regional studies in teaching Russian as a foreign language]. M., Publ. Rus. yaz., 269 p.
- Viddouson Kh. 1979. *Kommunikativnyy podkhod i ego primenenie* [Communicative approach and its application]. Oksford, Publ. Oksfordskogo un-ta, 286 p. (Widdowson H. *The Communicative Approach to Language Teaching*. Oxford, Oxford University Press.)
- Mirol'yubov A.A. 2004. *Kommunikativnaya kompetentsiya kak osnova formirovaniya obshcheobrazovatel'nogo standarta po inostrannym yazykam* [Communicative competence as the basis for the formation of a general educational standard in foreign languages]. *Standards and monitoring in education*, 2: 17–18.
- Passov E.I. 1989. *Osnovy kommunikativnoy metodiki obucheniya inoyazychnomu obshcheniyu* [Fundamentals of the communicative method of teaching foreign language communication]. M., Publ. Russkiy yazyk, 276 p.

- Pochinok T.V. 2007. Formirovaniye sotsiokul'turnoy kompetentsii kak osnovy mezhekul'turnogo obshcheniya [Formation of sociocultural competence as the basis of intercultural communication]. *Inostrannyye yazyki v shkole*, 7: 2–6.
- Safonova V.V. 2012. Sotsiokul'turnyye aspekty ekspertnogo analiza kachestva inoyazychnoy uchebnoy literatury [Sociocultural aspects of expert analysis of the quality of foreign language educational literature]. *Evrasiyskiy forum*, 1(4): 199–215.
- Safonova V.V. 2013. Uchebnik inostrannogo yazyka kak otrazheniye metodicheskikh vozzreniy i zabluzhdeniy avtora [A foreign language textbook as a reflection of the author's methodological views and misconceptions]. In: *Lingvistika. Lingvodidaktika i mezhekul'turnaya kommunikatsiya* [Linguistics. Linguodidactics and intercultural communication]. Materials of the VI All-Russian Correspondence Conference of Students, Undergraduates and Postgraduates, Taganrog, 2013. Taganrog, Publ. Yuzhnyy federal'nyy universitet: 23–34.
- Sysoev P.V. 2009. Foreign language multicultural education in the XXI century. *Language and Culture*, 2(9): 96–110 (in Russia).
- Tishkina D.A., Zariyova S.Z., Galeeva M.V. 2013. Kommunikativnaya deyatel'nost' kak komponent uchebno–vospitatel'nogo protsessa [Communicative activity as a component of the educational process]. In: *Dukhovnyy mir lichnosti studentov i rol' inostrannogo yazyka v ego stanovlenii* [The spiritual world of students' personality and the role of a foreign language in its formatio]. Abstracts of the reports of the international scientific and methodological conference, Kazan, 2013. Ed. Kazan': 40–42.
- Khayms D. 1979. O kommunikativnoy kompetentsii [On Communicative Competence]. Per. from English. Vashington, Okrug Kolumbiya, Publ. Tsentri prikladnoy lingvistiki, 218 p. (Hymes D. 1972. On Communicative Competence. In: *Sociolinguistics. Selected Readings*. Eds. J.B. Pride and J. Holmes. Harmondsworth, Penguin.)
- Kilpatrick W.H. 1918. The Project Method: The Use of the Purposeful Act in the Education Process. *Teachers College Record*, 19(4): 319–335.
- Lado R. 1971. Testen im Sprachunterricht [Testing in language lessons]. Muenchen, Publ. Max Hueber Verlag, 454 p. (in Germany).
- Lauffer J. 1995. Kommunikative Kompetenz als Verbandsziel: Der Medienutzer im Mittelpunkt Zehn Jahre medienpädagogische Verbandsarbeit [Communicative competence as a goal of the association: the focus is on the media user. Ten years of association work in media education]. In: *Kommunikative Kompetenz in einer sich verändernden Medienwelt* [Communicative competence in a changing media world]. Eds. J. Lauffer, I. Volkmer. Schriftenreihe der Gesellschaft für Medien und Kommunikationskultur in der Bundesrepublik e.V., vol 9. Publ. VS Verlag für Sozialwissenschaften, Wiesbaden: 287–294 (in Germany). DOI: 10.1007/978-3-663-01404-1_23.
- Lustig M.W., Koester J. 2013. *Intercultural Competence: Interpersonal communication across cultures*. Boston, Pearson Education.
- Vielau A. 1997. Methodik des kommunikativen Fremdsprachenunterrichts [Methodology of communicative foreign language teaching]. Berlin, Publ. Cornelsen Verlag, 352 p. (in Germany).
- White R.W. 1959. Motivation reconsidered: the concept of competence. *Psychological review*, 66: 297–333. DOI: 10.1037/h0040934.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 26.08.2022.

Поступила после рецензирования 02.10.2022.

Принята к публикации 10.11.2022.

Received August 26, 2022.

Revised October 02, 2022.

Accepted November 10, 2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шупин Чжао, аспирант, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zhao Shuping, Postgraduate student of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ LINGUISTICS

УДК 821.161.1

DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-4-689-699

А. Платонов: аспекты изучения творчества

Бугакова Н.Б.

Воронежский государственный технический университет,
394006 Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84
E-mail: ya_witch@mail.ru

Аннотация. Важную роль при изучении творчества писателя играет анализ уже существующих исследований, направленных на выявление особенностей текстов автора. Несмотря на обилие работ, посвященных творчеству А. Платонова, среди них отсутствует подробный анализ аспектов его изучения. Целью исследования является рассмотрение сфер интересов ученых к творчеству писателя А. Платонова. Перечислены и проанализированы работы, наиболее тщательно исследующие творчество писателя под различными углами. Выявлено, что наиболее популярным является исследование творчества писателя с точки зрения литературоведения, есть работы, которые рассматривают тексты писателя через призму философских идей. В платоноведении присутствуют работы, посвященные рассмотрению особенностей языка писателя. В результате проведенного исследования автором статьи выявлено отсутствие системного анализа мифопоэтической картины мира писателя.

Ключевые слова: А. Платонов, творчество, аспекты изучения, лингвистика, литературоведение, ономастика, мифопоэтическая картина мира

Для цитирования: Бугакова Н.Б. 2022. А. Платонов: аспекты изучения творчества. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 41(4): 689–699. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-4-689-699

Platonov A.: Aspects of Studying Creativity

Nadezhda B. Bugakova

Voronezh State Technical University
84 20th anniversary of October St, Voronezh 394006, Russia
E-mail: ya_witch@mail.ru

Abstract. The proposed article is an attempt to consider the aspects in which the work of the famous Russian writer A. Platonov was analyzed. In the light of the analysis, it should be noted the following: the writer's work was examined from different points of view. The main part of linguistic research is devoted to the writer's peculiar language and attempts to substantiate this peculiarity. If we talk about literary works, these studies are mainly engaged in analyzing the stylistic features of the writer's texts, they sometimes note excessive naturalism of works. Some researchers devote their works to identifying the justifications of Platonov's texts from the point of view of philosophy, consider the influence of the works of philosophers on the writer's work. The mythopoetic subtext of the writer's work, of course, attracts the attention of scientists, but a holistic analysis of the mythopoetic picture of the world from linguistic positions is not currently presented, and therefore this direction of future research of literary texts by A. Platonov is thought of by us as one of the most promising, since a person, including a writer, is already immersed from birth in the mythological picture of the world, acting as a kind of universal vision of the

modern world, assimilates its concepts and structure, and then translates his myth, recreated on the basis of ancient ideas and recreated on the basis of modern worldview attitudes, by means of an artistic word.

Keywords: A. Platonov, creativity, aspects of study, linguistics, literary criticism, onomastics, mythopoetic picture of the world

For citation: Bugakova N.B. 2022. Platonov A.: Aspects of Studying Creativity. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 41(4): 689–699 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-4-689-699

Введение

Важно отметить, что в современной науке, несмотря на достаточное количество трудов, посвященных исследованию творчества А. Платонова с разных сторон, отсутствуют работы, содержащие подробный анализ аспектов изучения творчества писателя. Предлагаемое исследование призвано восполнить образовавшийся пробел и выявить аспекты, с точки зрения которых исследовано творчество писателя. Актуальность данного исследования обусловлена отсутствием в современной науке работ подобного плана. Цель предлагаемой статьи – рассмотрение, анализ и обобщение результатов работы ученых (лингвистов, литераторов, философов, краеведов) по изучению творчества А. Платонова.

Творчество А. Платонова: лингвистический аспект

А. Платонов – известный писатель 20 века, которого по праву считают писателем, рожденным революцией. Все его творчество ориентировано на жизнь и ею пропитано. Этим обусловлено стремление писателя к тому, чтобы обеспечить водой максимально большое количество территорий, с этим связана работа, проводимая им по гидрофикации Воронежской и Тамбовской губерний.

С воронежской землей связана жизнь А. Платонова, здесь он родился, отсюда начал свой творческий путь. Ямская слобода – район Воронежа, где родился писатель; место, давшее старт его профессиональной и творческой жизни. Судьба А. Платонова – сложная, драматическая, совсем нелитературная. Ему пришлось пережить и арест, и смерть сына, и фронт, с которого он вернулся больным туберкулезом. Однако все пережитое не смогло остановить тот мощный дар слова, благодаря которому мы имеем возможность ознакомиться с прозой, драматургией, публицистикой, литературной критикой, произведениями эпистолярного жанра.

Интерес ученых к творчеству А. Платонова активно начинает развиваться в 1960-е гг. Именно в этот период появляются исследования, авторы которых пытаются приблизиться к пониманию творчества А. Платонова. Многие работы [Чалмаев, 1978; Васильев, 1982] посвящены тому, чтобы воссоздать творческую биографию автора. А. Варламов [2013] является автором книги «А. Платонов», входящей в состав серии «Жизнь замечательных людей». В этом исследовании, посвященном анализу всех аспектов жизни Платонова, он характеризуется как самый свободный писатель России. Большое внимание проблеме воссоздания его биографии и творческого пути уделяет, пожалуй, один из самых известных исследователей творчества А. Платонова – Н.В. Корниенко [2019], которая занимается составлением, в частности, архива писателя и, помимо этого, тщательно анализирует эпистолярное наследие автора. Издание писем и записных книжек писателя – один из ключевых моментов в воссоздании и биографии А. Платонова, и его творческого пути. Работы Н.В. Корниенко, созданные автором с учетом необходимости подхода к платоновскому наследию как к целостному явлению, проливают свет на жизнь и творчество А. Платонова и существенно помогают в проводимой работе всем платонововедам. Помимо освещения темных мест жизни писателя, в работах Н.В. Корниенко, а также Н.В. Малыгиной [2005], Е. Толстой-Сегал [1994], внесших неоценимый вклад в исследование творчества А. Платонова, анализируются его художественный метод, философская и этическая позиции.

Монументальный труд М. Геллера «Андрей Платонов в поисках счастья» [1982] известен, безусловно, всем платонововедам. В этой книге М. Геллер отмечает, что судьба писателя парадоксальна: «Вдруг оказалось, что он писал "то" и "так"» [Геллер, 1982, с. 34]. Автор исследования неоднократно сетует на то, что архивы Платонова засекречены, многие тексты существуют только в рукописном виде, не переиздаются, а те, что изданы, подверглись жесточайшему цензурированию, или, по словам Геллера, ампутации, которая не дает исследователям серьезно говорить о творчестве писателя и лишает возможности тщательно изучить язык А. Платонова, «неразрывно... связанный с мировоззрением писателя» [Геллер, 1982, с. 65]. В 1937 году сам Платонов отмечал, что его «литературное туловище» было «критически препарировано» [Варламов, 2013, с. 439].

М. Геллер [1982], как и другие исследователи, говорит о том, что в основе творчества Платонова лежат его размышления о жизни. Помимо этого, автор подчеркивает стремление А. Платонова соответствовать эпохе: как все пролетарские поэты, Платонов воспекает машину, очеловечивает ее. Писателю мало Земли, поэтому многие его произведения содержат эпизоды освоения космоса (напр., «Лунная бомба») [Платонов, 1984].

Существуют труды, направленные на поиск и систематизацию новых и известных фактов литературной жизни писателя [Лангерак, 1995; Ласунский, 2007].

Наиболее интересными, очевидно, являются исследования, рассматривающие необычный язык А. Платонова. Так, С.Г. Бочаров опубликовал первую работу о Платонове в 1968 г., когда, например, «Котлован» еще не был издан в России. В работе «Вещество существования. Филологические этюды» [Бочаров, 2014] ученый анализирует особенности языка писателя, обращая внимание на гротескность речи, которая, по мнению исследователя, более яркое проявление получает именно в «Котловане». Помимо речевого гротеска, С.Г. Бочаровым отмечается метафоричность как особенность языка А. Платонова, возникающая в связи с потребностью автора придать новый, дополнительный смысл фразе.

Помимо С.Г. Бочарова, об особенностях языка Платонова, связанных непосредственно с содержанием его произведений, говорила Е. Толстая, сообщающая о том, что характерной чертой текстов А. Платонова является «обилие всевозможных отклонений от языковых норм» [Толстая, 2002, с. 228]. В качестве основных грамматических аномалий платоновского текста исследователь отмечает тенденцию нарушать традиционную лексическую сочетаемость, создавать смысловую избыточность фразы, формировать неологизмы по тем моделям, которые существуют в языке, изменять глагольное управление и т.д. [Толстая, 2002]. Подобное обращение с языком, считает Е. Толстая, способствует проявлению особой литературной и философской позиции Платонова. Закономерным итогом таких отклонений от норм литературного языка в тексте А. Платонова становится «мерцание многих смыслов, не отменяющих друг друга» [Толстая, 2002, с. 229].

Работа М.Ю. Михеева «В мир Платонова через его язык. Предположения, факты, истолкования, догадки» [2003] также посвящена анализу смыслов текстов писателя. По мнению ученого [Михеев, 2003], понять платоновский текст нельзя, если не попытаться уяснить особенности языка, который намеренно усложнен писателем наперекор литературной норме. Исследователь считает, что язык Платонова является «сделанным... на котором автор постоянно силится сказать нам что-то главное» [Михеев, 2003, с. 126] и, полагаем, такой язык требует усилий в работе, связанной с его истолкованием. Отмечает некоторые особенности языка Платонова и С.А. Никольский [Размышляя..., 2019], который говорит о трудности восприятия языка А. Платонова, о несоотнесенности его с реальностью, но, несмотря на это, ученый считает, что только с опорой на язык писателя возможно реконструировать мировоззрение Платонова.

В 1999 году вышла работа М.А. Дмитровской, в которой она анализирует особенности картины мира Платонова и рассматривает функционирование концептов души, тела, сознания и пр. в творчестве писателя, отмечая в числе прочего необычность языка Платонова. В ходе исследования М.А. Дмитровская [1999] приходит к выводу, что язык Плато-

нова служит не только целям повествования, но и является средством выражения мировоззренческих, философских смыслов.

Т. Радбиль в работе «Мифология языка Андрея Платонова» предпринимает попытку разгадать загадку языка А. Платонова и приходит к заключению, что эта загадка «видимо, обречена быть неразгаданной» [Радбиль, 2017, с. 15]. Исследователь говорит о цельности и эстетическом эффекте, который производят произведения Платонова, несмотря на то, что язык писателя аномален, доходит «порою до косноязычия» [Радбиль, 2017, с. 45]. По мнению ученого [Радбиль, 2017], это возникающее противоречие основано не на языке писателя, а на его взгляде на мир, реализующемся в текстах Платонова, языковая картина мира которого предстает в познавательных, ценностных и мотивационно-прагматических аспектах.

Необходимо помнить, что долгое время были неизвестны достоверно подробности биографии писателя; некоторые тексты его произведений до сих пор существуют не в том виде, в котором их хотел бы видеть автор (это обусловлено влиянием цензуры советского времени). Огромный вклад в исследование творчества А. Платонова внесли Н.В. Корниенко, Т. Лангерак и ряд других исследователей, проводящих работу по подготовке и изданию/переизданию текстов писателя. Так, например, И.И. Матвеева в книге «Резцом эпох и молотом времен...» [2019] предпринимает попытку проследить взаимосвязь жизненных событий писателя с его творчеством, анализирует самые известные тексты Платонова, в том числе его стихи, которые часто выпадают из поля зрения исследователей.

Нужно отметить, что обращение к творчеству А. Платонова традиционно для воронежских лингвистов, литературоведов и краеведов.

Так, например, Г.Ф. Ковалев, известный воронежский ученый-ономастолог, в одном из своих исследований анализирует название самого, пожалуй, загадочного произведения А. Платонова – романа «Чевенгур». Ученый считает, что заглавие романа до сих пор вызывает многочисленные дискуссии среди исследователей разного уровня. Такое внимание к лексеме «чевенгур», выступающей в качестве названия романа, обусловлено ее крайней необычностью. Г.Ф. Ковалев [2014] считает, что заглавие произведения и последующая его интерпретация способны повлиять на восприятие и понимание произведения читателем. Необходимо отметить, что «Чевенгур» привлекал и продолжает привлекать внимание исследователей, которых волнует проблема прочтения и интерпретации романа. В разное время исследованием «Чевенгура» занимались В. Васильев [1982], М. Геллер [1982], Г. Гюнтер, Т. Лангерак [1995], В. Свительский, Е. Толстая-Сегал [1994], В. Чалмаев [1978] и др. Однако, несмотря на обилие работ, посвященных «Чевенгuru», все они носят приблизительный и иногда даже противоречивый характер. Попытку провести целостный анализ романа предпринимает В.Ю. Выюгин в диссертационном исследовании «Чевенгур» Андрея Платонова (к творческой истории романа)» [Выюгин, 1992]. Эта работа посвящена восстановлению общей канвы романа «Чевенгур», что явилось существенным вкладом в исследование наследия писателя, но отнюдь не ликвидировало пробелы в анализе как «Чевенгура», так и творчества Платонова в целом.

Ономастические особенности произведений А. Платонова рассмотрены в работе Чыонг Тхи Фыонг Тхань [2019] (анализу подвергнуты ранние и автобиографические произведения писателя). Автор исследования отмечает в работе специфичность ономастикона А. Платонова, обращая внимание на то, что писатель практически не называет своих героев полными формами имен. По мнению Чыонг Тхи Фыонг Тхань [2019], для именования героев своих произведений писатель использует или фамилию, или имя, или отчество; употребляются различные, зачастую разговорные формы именования. Также исследователь подчеркивает, что ономастикон Платонова должен отражать писательский замысел, «создавая зримую хронотопическую систему» [Чыонг Тхи Фыонг Тхань, 2019, с. 115], которая, в свою очередь, призвана отражать место и время действия произведений.

Творчество А. Платонова с точки зрения литературоведения, краеведения, философии

Помимо лингвистов-ономатологов, творчество А. Платонова исследуют ученые других направлений. Так, например, О.Ю. Алейников, рассматривая творчество писателя, посвящает анализу произведений А. Платонова монографию «Андрей Платонов и его роман «Чевенгур» [2013], статью «Семантика имен персонажей в повести А. Платонова «Джан» [2015]. Работы исследователя, посвященные творчеству А. Платонова, известны не только в нашей стране, но и за ее пределами. О.Ю. Алейников – знаток архивных фондов и первооткрыватель платоновских текстов [Акаткин, 2014].

При упоминании имени А. Платонова приходят на ум труды О.Г. Ласунского [2007], известного воронежского краеведа, который исследовал жизнь и творчество А. Платонова, обнаружил новые тексты писателя и неопределимо важные материалы его биографии, которые позволили взглянуть иначе на известные прежде факты. Именно О. Ласунский [2007] находит свидетельства, позволившие точно установить дату рождения писателя, которая до этого момента не была достоверно известна.

В 2019 году в Воронеже (на базе Воронежского государственного университета) вышел сборник научных трудов по материалам VIII Международных Платоновских чтений «Андрей Платонов и художественные искания XX века: проблемы рецепции», посвященных 120-летию писателя. В издании предприняты попытки объединить усилия разных исследователей вокруг изучения творчества А. Платонова [Никонова, 2019].

Платонововедам знакомы работы доктора филологических наук К. Баршга, посвященные анализу наследия писателя. В первую очередь, это неоднократно изданная и пользующаяся популярностью книга «Поэтика прозы Андрея Платонова» [Баршт, 2005]. Исследователь рассматривает творчество А. Платонова, выдающегося мыслителя XX века, создавшего уникальную концепцию человека в его отношении к Вселенной. К. Баршт в этой работе особое внимание уделяет языку писателя, его необычности, символичности, которые всегда обращают на себя внимание всех, кто начинает знакомство с творчеством А. Платонова, так как подобный язык художественного текста не имеет ничего общего с канонами социалистического реализма. Исследователь В. Вьюгин [1992] справедливо, как нам кажется, отмечает особенность платоновской прозы, заключающуюся в том, что в своих произведениях писатель пытается искать ответ на бытийные проблемы; об этом говорят и другие исследователи творчества Платонова.

Помимо обозначенной работы, у К. Баршга есть еще исследования, посвященные изучению философских концепций А. Платонова. Так, например, в статье «Антропософия А. Платонова: штайнеровский слой в романе «Котлован» К. Баршт [2000] говорит о связи идеологии творчества Платонова с увлечением писателя идеями Н.Ф. Федорова («Философия общего дела»), О. Шпенглера «Закат Европы», О. Вейнингера «Пол и характер», другими такого рода текстами». Также ученый обращает внимание на сходство некоторых постулатов Штайнера и смысловых акцентов романа А. Платонова «Котлован» [Платонов, 1984]. Это наталкивает на необходимость говорить о связи произведений А. Платонова с антропософскими текстами [Баршт, 2000]. Штайнер считает, что стремление к истине «Чувствовать себя членом всеобщей жизни» является «важным условием антропософского ученичества» [Штайнер, 1993, с. 22]. Нельзя не согласиться с К. Баршгом в этом вопросе, поскольку для всех, знакомых с текстами А. Платонова, очевидно влияние антропософских идей на творчество писателя, который постоянно обращает внимание читателя на то, что грань между живым и мертвым относительна, а то и вовсе отсутствует (см., например, «Чевенгур», эпизод о рыбаке, отце Саша Дванова, который хотел умереть, чтобы посмотреть, как там в другом мире [Платонов, 1984]). С точки зрения А. Платонова, человек должен воплотить «высший смысл бытия» [Платонов, 1984]. Герои текстов Платонова на уровне интуиции ощущают тесную связь, родство с землей: «Я предчувствую

свои корни в середине целой земли и потому вижу свое право иметь весь мир как свое тело» («Котлован», [Платонов, 1984]). Именно поэтому для А. Платонова земля – это «вещество жизни», в котором скрыты «бесконечные возможности превращений и метаморфоз» [Баршг, 2000, с. 345]. В основе всех поступков человека у Платонова лежат различного рода действия, которые способны организовать пространство, и в то же время существование человека обеспечивает именно земля, химический состав которой повторяется в теле человека.

Анализом философских основ творчества А. Платонова занимался не только К. Баршг. Так, в 2012 году в Нижневартовске вышла монография Н.В. Пенкиной [2012], посвященная анализу историко-философских исканий А. Платонова. Н.В. Пенкина пишет о том, что человек в произведениях писателя находится в процессе переустройства и таким предстает и перед лицом природы, и перед миром человеческим. Исследователь считает человека и его существование основополагающей проблемой всего творчества Платонова, изображающего человека в большей степени не как «природное существо», а как «духовный опыт личности» [Пенкина, 2012, с. 54]. Рассуждая в своих текстах о связи и взаимодействии жизни, смерти и бессмертия, писатель воспринимает их «как непосредственный опыт человеческого бытия, а не как некое общее знание о человеке в завершенном виде» [Пенкина, 2012, с. 55]. Помимо этого, Н.В. Пенкина обращает внимание на влияние трудов Г. Гегеля, Ф. Шеллинга, К. Ясперса, Э. Кассирера, Э. Фромма на творчество А. Платонова. По мнению исследователя [Пенкина, 2012], введенный обозначенными философами мотив отчуждения (социальное перерождение человека, потеря им родовой сущности) пронизывает все творчество Платонова. Нельзя не согласиться с подобным утверждением, поскольку в текстах Платонова достаточно частотны ситуации, в которых герой теряет связь с самим собой, поскольку находится под властью своих поступков. Отчуждение от природы для писателя родни физическому недостатку. В таких случаях в тексте произведения возникает неполноценный физически герой: «Отражением внутреннего отчуждения является внешний образ героев, среди которых большое количество физических калек» [Пенкина, 2012, с. 36].

А. Платонов: особенности мировоззрения

В современной науке существуют исследования [Проскурина, 2016], посвященные выявлению влияния на творчество писателя христианских духовных традиций. Наличие такого влияния очевидно, поскольку известно, что стартом образования Платонова являлось его обучение в церковно-приходской школе, где «обязательными предметами были Закон Божий и церковное пение» [Платонов, 2000]. По словам писателя, «звук колокола Чугунной церкви в Ямской слободе» он «умилительно слушал вместе со старухами и нищими». Невозможно отрицать влияние православия на творчество писателя еще и потому, что о принадлежности Платонова [Андрей Платонов, 2013] к православию свидетельствует информация, содержащаяся в его личных документах. Естественно, это не могло не отразиться в текстах произведений А. Платонова, и, например, в романе «Чевенгур» [Платонов, 1984] присутствует сцена с поминальной книжкой, формально соответствующая всем православным канонам. Также одному из рассказов писатель присваивает название, совпадающее с названием иконы – «Взыскание погибших», эпитафией к этому рассказу писатель берет отрывок из одного из покаянных псалмов, которые читаются в православной церкви, да и в целом текст рассказа пронизан аллюзиями к православным традициям.

Однако необходимо отметить, что с точки зрения влияния религии творчество Платонова практически никто не рассматривал. Полагаем, подобное невнимание к этому аспекту творчества писателя обусловлено следующими моментами: во-первых, Платонов воспринимается как советский писатель, для картины мира которого нехарактерны отсылки к религии. Хотя это утверждение небесспорно, и С.А. Никольский, например, пишет, что А. Платонов негативно относился к Советской власти, и «в стране не было более глу-

бокого ее критика, чем он» [Размышляя..., 2019, с. 171]. Во-вторых, более очевидными в его текстах выступают другие темы, например, необходимость борьбы с засухой на разных территориях России, потребность в гидрофикации.

Вода как необходимый для жизни компонент фигурирует во многих текстах писателя, и это не могло не привлечь внимание исследователей. Существуют работы [Бугакова, 2021], посвященные рассмотрению функционирования гидронимов в текстах А. Платонова, помимо этого, большое внимание воде уделяет А.А. Дырдин [2016б], который анализирует, например, хронотоп воды в текстах Платонова; также Дырдиным [2016б] написана монография, посвященная рассмотрению малоизученного периода творчества Платонова – это так называемые постчевенгурские годы, период поездок писателя по Среднему Поволжью.

Помимо этого, ученый рассматривает и особенности мировоззрения Платонова. Этому посвящены работы «Потаенный мыслитель. Творческое сознание Андрея Платонова в свете русской духовности и культуры» [Дырдин, 2000], «Обратная перспектива в мировоззрении А.П. Платонова: сфера души, эфирное пространство и юродство в текстах писателя» [Дырдин, Куранов, 2011]. Анализируя под таким углом творчество А. Платонова, исследователь приходит к выводу, что уже в ранних произведениях возникает «сюжетно-образный императив, неразрывно связанный с мотивами жизни и смерти (живая и мертвая вода в фольклоре, вода крещения – погружения в воду – в христианском контексте)» [Дырдин, 2016б, с. 63]. По мнению ученого, водоем – это своеобразный первообраз целостности, который собирает «вокруг себя множество значений» [Дырдин, 2016б, с. 63].

Помимо сказанного, А.А. Дырдин сообщает о необходимости исследовать мифопоэтическую картину мира писателя и ее особенности, а также обозначает тенденции анализа функционирования бинарных оппозиций в творчестве Платонова. Обусловлены эти тенденции, по мнению ученого, тем, что «философско-поэтический образ «сырой планетной материи земли» [Дырдин, 2016б, с. 63] выступает в качестве средства, помогающего преодолеть разрыв «между верхним и нижним окоемами жизни, пространством для встречи природного мира и бесконечного бытия» [Дырдин, 2016б, с. 65].

Рассмотрением мифопоэтики произведений Платонова занималась также Н.Ю. Абузова [2001], проанализировавшая в своем исследовании особенности модели мира А. Платонова в повести «Котлован». По мнению Н.Ю. Абузовой [2001], мифопоэтическая модель мира ориентируется на тождество природы и человека. Значимым для нас является тот момент, что исследователь обращает внимание на наличие в «Котловане» мотива пустоты и говорит о том, что пустота лежит в основе образа-символа пустыни, являющегося важным параметром мира. По мнению Н.Ю. Абузовой, пустыня издревле является прибежищем «инфернальных, хаотических, деструктивных сил» [Абузова, 2001, с. 75]. Известно, что образ пустыни неоднократно возникает в текстах Платонова (напр. «Джан», «Такыр»), символизируя собой пустоту, в которой страдают и герои, и их мир. По мнению Н.Ю. Абузовой, «в повести А. Платонова этот смысл замещен иным, десакрализованным: пустыня – отсутствие осмысленности во внешнем мире» [Абузова, 2001, с. 79].

О пустоте в «Котловане» размышляет и Ж.А. Колесникова в работе «Модель мира и человека в повести А. П. Платонова «Котлован» [Колесникова, 2021]. По мнению исследователя [Колесникова, 2021], индивидуально-авторская картина мира А. Платонова создает понимание человека как бессистемного механизма, содержание которого двупланово.

Л.В. Карасев («Онтологическая поэтика (краткий очерк)») в исследовании, посвященном сопоставительному анализу творчества Ф.М. Достоевского и А. Платонова, обращает внимание на схожесть писателей, не забывая отметить основное, главное отличие, которое, по мнению ученого, сводится к тому, что Достоевский – писатель «головой», а Платонов – писатель «живота» [Карасев, 2005, с. 93]. Этой особенностью в мировосприятии обусловлены полярные позиции, занимаемые писателями. Подобная точка зрения имеет место: при рассмотрении текстов обоих писателей считаем важным отметить, что

в произведениях Достоевского так или иначе задействована голова (напр., Раскольников в «Преступлении и наказании», бьющий старушку топором в голову, эпилептический припадок в романе «Идиот»); тексты же Платонова содержат описание страданий героев и даже их гибели от живота (персонаж «Чевенгура» умирает, мучаясь животом; старушка Федератовна в «Ювенильном море» десять дней страдает от живота и пр.). Эти примеры позволяют сделать вывод, что для Платонова важна утроба, об этом пишет сам автор: «Жизнь суть туловище» [Платонов, 2000, с.56].

Говоря об аспектах изучения творчества Платонова, нельзя не отметить диссертационное исследование Р.А. Поддубцева на тему «Творчество Андрея Платонова в оценках советской критики 1920-х – 1940-х гг.» [Поддубцев, 2013]. В диссертации рассматриваются критические материалы, посвященные творчеству Андрея Платонова, и впервые предпринимается попытка проанализировать весь корпус журналистских текстов, запечатлевших оценки, которые давались сочинениям Платонова.

Заключение

Таким образом, завершая анализ аспектов изучения творчества А. Платонова, необходимо отметить следующее: творчество писателя подвергалось рассмотрению с разных точек зрения. Основная часть лингвистических исследований посвящена своеобразному языку писателя и попыткам обосновать это своеобразие. Если говорить о литературоведческих работах, то эти исследования в основном занимаются анализом стилистических особенностей текстов писателя, в них отмечается иногда чрезмерный натурализм произведений. Некоторые исследователи посвящают свои работы выявлению обоснований текстов Платонова с точки зрения философии, рассматривают влияние работ философов на творчество писателя. Мифопоэтический подтекст творчества писателя, безусловно, обращает на себя внимание ученых, но целостный анализ мифопоэтической картины мира с лингвистических позиций в настоящее время не представлен, в связи с чем данное направление будущих исследований художественных текстов А. Платонова мыслится нами как одно из наиболее перспективных, поскольку человек, в том числе и писатель, уже с рождения погружается в мифологическую картину мира, выступающую в качестве своеобразного универсального видения современного мира, усваивает ее понятия и структуру, а затем транслирует свой миф, воссоздаваемый на основе древних представлений и пересоздаваемый на основе современных мировоззренческих установок, посредством художественного слова.

Список источников

- Варламов А.Н. 2013. Андрей Платонов. Под ред. Л.С. Калужной. М., Молодая гвардия, 560 с.
Корниенко Н.В. 1999. Невозвращение Платонова. К столетию со дня рождения писателя. Литературная газета, 1999 год, № 35 (5755). С. 11.
Платонов А. 1984. Рассказы; Повести. 1921-1934. Т.1. В Собрание сочинений: В 3 т. М., Советская Россия, 463 с.
Платонов А.П. 2000. Записные книжки: материалы к биографии. Публикация М.А. Платоновой. Под ред. Н.В. Корниенко. М., Наследие, 424 с.

Список литературы

- Андрей Платонов. Личное дело. 2013. Сост. О.Ю. Алейников, М.В. Бычков. Под ред. Н.В. Корниенко. Воронеж, Дирекция Международного Платоновского фестиваля, 304 с.
Андрей Платонов и художественные искания XX века: проблемы рецепции. 2019. Сборник научных трудов по материалам VIII международных Платоновских чтений, Воронеж, 26–28 сентября 2019 г. Под ред. Т.А. Никоновой. Воронеж, Наука-Юнипресс, 301 с.
Абузова Н.Ю. 2001. Мифопоэтика повести А.П. Платонова «Котлован». Культура и текст, 4: 74–85.
Акаткин В.М. 2014. Алейников О.Ю. Андрей Платонов и его роман «Чевенгур». Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2013. 222 с. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика, 2: 124–125.
Алейников О.Ю. 2013. Андрей Платонов и его роман «Чевенгур». Воронеж, НАУКА-ЮНИПРЕСС, 222 с.

- Алейников О.Ю. 2015. Семантика имен персонажей в повести А. Платонова «Джан». Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика, 2: 5–8.
- Баршт К.А. 2000. Антропософия А. Платонова. Штайнеровский слой в романе «Котлован». В кн.: Начало века: Из истории международных связей русской литературы. Под ред. М.Ю. Кореновой. СПб., Наука: 154–190.
- Баршт К. 2005. Поэтика прозы Андрея Платонова. СПб., Филологический факультет СПбГУ, 480 с.
- Бочаров С.Г. 2014. Вещество существования. Филологические этюды. Москва, Русский мир, Жизнь и мысль, 467 с.
- Бугакова Н.Б. 2021. Вода как лингвокультурная константа творчества А. Платонова: ономастический аспект (на материале повести «Епифанские шлюзы»). Неофилология, 28: 611–617. DOI: 10.20310/2587-6953-2021-7-28-611-617
- Васильев В.В. 1982. Андрей Платонов. Очерк жизни и творчества. М., Современник, 230 с.
- Вьюгин В.Ю. 1992. «Чевенгур» Андрея Платонова (к творческой истории романа). Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 223 с.
- Геллер М. 1982. Андрей Платонов в поисках счастья. Париж, Умса-Press, 404 с.
- Дмитровская М.А. 1999. Язык и мирозерцание А. Платонова. Дис. ... докт. филол. наук. М., 292 с.
- Дырдин А.А. 2000. Потаенный мыслитель. Творческое сознание Андрея Платонова в свете русской духовности и культуры. Ульяновск, Ульяновский государственный технический университет, 172 с.
- Дырдин А.А. 2016а. Спрятанная Атлантида. Средняя Волга в творчестве Андрея Платонова. Ульяновск, АО «Областная типография “Печатный двор”», 102 с.
- Дырдин А.А. 2016б. Хронотоп воды / реки в раннем творчестве А. Платонова. Филологический класс, 4(46): 62–68. DOI: 10.26710/fk16-04-09
- Дырдин А.А., Куранов А.О. 2011. Обратная перспектива в мировоззрении А.П. Платонова: сфера души, эфирное пространство и юродство в текстах писателя. Филологический класс, 26: 10–14.
- Карасев Л.В. 2005. Онтологическая поэтика (краткий очерк). В кн.: Эстетика: Вчера. Сегодня. Всегда. Под ред. В.В. Бычкова, Н.Б. Маньковской. М., Институт Философии РАН: 91–114.
- Ковалев Г.Ф. 2014. Избранное. Лиг. ономастика. Воронеж, ООО Издательство «Научная книга», 448 с.
- Колесникова Ж.А. 2021. Модель мира и человека в повести А.П. Платонова «Котлован». Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание, 2(6): 94–100.
- Лангерак Т. 1995. Андрей Платонов: материалы для биографии, 1899-1929 гг. Пер. с англ. Амстердам, Pegasus, 274 с. (Langerak T. 1995. Andrei Platonov: materials for a biography, 1899-1929. Amsterdam, Pegasus Publishing House, 274 p.)
- Ласунский О.Г. 2007. Житель родного города: Воронежские годы Андрея Платонова. 1899-1926. Воронеж, Центр духовного возрождения Черноземного края, 280 с.
- Матвеева И.И. 2019. «Резцом эпох и молотом времен...». Судьба и творчество Андрея Платонова. М., Директ-Медиа, 182 с.
- Михеев М.Ю. 2003. В мир Платонова через его язык. Предположения, факты, истолкования, догадки. М., Изд-во МГУ, 406 с.
- Пенкина Н.В. 2012. Философские идеи прозы Андрея Платонова: проблема человека. Нижневартовск, Изд-во НГУ, 104 с.
- Поддубцев Р.А. 2013. Творчество Андрея Платонова в оценках советской критики 1920-х – 1940-х гг. Дис. ... канд. филол. наук. М., 188 с.
- Проскурина Е.Н. 2016. Духовная традиция в наследии А. Платонова: между притяжением и отталкиванием. Культура и текст, 1(24): 75–92.
- Радбиль Т.Б. 2017. Мифология языка Андрея Платонова. М., Флинта, Наука, 116 с.
- Размышляя о Платонове. 2019. Проблемы российского самосознания: "народ жить может, но ему нельзя". К 120-летию рождения Андрея Платонова. Материалы XVI конференции Института философии РАН. Москва, 24 сентября 2019 г. Под ред. С.А. Никольского. М., Голос, 276 с.
- Толстая Е.Д. 2002. О связи низших уровней текста с высшими. В кн.: Толстая Е. Мир после конца: работы по русской литературе XX века. Под ред. М. Побережнюк. М., РГГУ: 227–271.
- Толстая-Сегал Е. 1994. Идеологические контексты Платонова. В кн.: Андрей Платонов. Мир творчества. Сост. Н.В. Корниенко, Е.Д. Шубиной. М., Современный писатель: 47–83.
- Чалмаев В.А. 1978. Андрей Платонов. М., Советская Россия, 176 с.
- Штайнер Р. 1993. Тайноведение. Пер. с нем. Т.Г. Трапезникова. М., ТОО «Агентство "ДЕСОТ"», 128 с. (Steiner R. Die Geheimwissenschaft im Umriss. 1910).

References

- Andrey Platonov. Lichnoe delo [Andrey Platonov. Private bussiness]. 2013. Comp. O.Yu. Aleynikov, M.V. Bychkov. Ed. N.V. Kornienko. Voronezh, Publ. Direktsiya Mezhdunarodnogo Platonovskogo festivalya, 304 p.
- Andrey Platonov i khudozhestvennye iskaniya KhKh veka: problemy retseptsii [Andrey Platonov and Artistic Searches of the 20th Century: Problems of Reception]. 2019. Collection of scientific papers based on the materials of the VIII International Platonov Readings, Voronezh, September 26–28, 2019. Ed. T.A. Nikonova. Voronezh, Publ. Nauka-Yunipress, 301 p.
- Abuzova N.Yu. 2001. Mifopoetika povesti A.P. Platonova «Kotlovan» [The mythopoetics of A.P. Platonov "The Pit"]. *Kul'tura i tekst*, 4: 74–85.
- Akatkin V.M. 2014. Aleynikov O. Andrei Platonov and his novel "Chevengur". *RUDN journal of studies in literature and journalism*, 2: 124–125 (in Russia).
- Aleynikov O.Yu. 2013. Andrey Platonov i ego roman «Chevengur» [Andrey Platonov and his novel "Chevengur"]. Voronezh, Publ. NAUKA-YuNIPRESS, 222 p.
- Aleynikov O.Yu. 2015. Semantics of the character's names in andrei platonov's story "Dzhan". Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism, 2: 5–8 (in Russia).
- Barsht K.A. 2000. Antroposofiya A. Platonova. Shtaynerovskiy sloj v romane «Kotlovan» [nthroposophy A. Platonov. The Steiner layer in the novel The Pit]. In: Nachalo veka: Iz istorii mezhdunarodnykh svyazey russkoy literatury [The Beginning of the Century: From the History of International Relations of Russian Literature]. Ed. M.Yu. Koreneva. SPb., Publ. Nauka: 154–190.
- Barsht K. 2005. Poetika prozy Andrey Platonova [Poetics of Andrei Platonov's prose]. SPb., Publ. Filologicheskiiy fakul'tet SPbGU, 480 p.
- Bocharov S.G. 2014. Veshchestvo sushchestvovaniya. Filologicheskie etyudy [The Substance of Existence. Philological studies]. Moskva, Publ. Russkiy mir, Zhizn' i mysl', 467 p.
- Bugakova N.B. 2021. Water as a linguocultural constant of a. Platonov's creativity: an onomastic aspect (based on the story "The sluices of epifany"). *Neophilology*, 28: 611–617 (in Russia). DOI: 10.20310/2587-6953-2021-7-28-611-617
- Vasil'ev V.V. 1982. Andrey Platonov. Ocherk zhizni i tvorchestva [Andrey Platonov. Essay on life and creativity]. M., Publ. Sovremennik, 230 p.
- V'yugin V.Yu. 1992. "Chevengur" Andrey Platonova (k tvorcheskoy istorii romana) [Chevengur" by Andrei Platonov (to the creative history of the novel)]. Dis. ... cand. philol. Sciences. SPb., 223 p.
- Geller M. 1982. Andrey Platonov v poiskakh schast'ya [Andrey Platonov in search of happiness]. Parizh, Publ. Ymca-Press, 404 p.
- Dmitrovskaya M.A. 1999. Yazyk i mirosozertsanie A. Platonova [Language and outlook of A. Platonov]. Dis. ... doc. philol. Sciences. M., 292 p.
- Dyrdin A.A. 2000. Potaenny mysliel'. Tvorcheskoe soznanie Andrey Platonova v svete russkoy dukhovnosti i kul'tury [Hidden thinker. Creative consciousness of Andrei Platonov in the light of Russian spirituality and culture]. Ulyanovsk, Publ. Ulyanovskiy gosudarstvennyy tekhnicheskiiy universitet, 172 p.
- Dyrdin A.A. 2016a. Spryatavshayasya Atlantida. Srednyaya Volga v tvorchestve Andrey Platonova [Hidden Atlantis. The Middle Volga in the work of Andrey Platonov]. Ulyanovsk, Publ. Oblastnaya tipografiya "Pechatnyy dvor", 102 p.
- Dyrdin A.A. 2016b. Water/river chronotope in early works of A. Platonov. *Philological class*, 4(46): 62–68 (in Russia). DOI: 10.26710/fk16-04-09
- Dyrdin A.A., Kuranov A.O. 2011. A.P. Platonov's philosophy on inverse perspective. Soul sphere, aether and god's foolishness in his text. *Philological class*, 26: 10–14 (in Russia).
- Karasev L.V. 2005. Ontologicheskaya poetika (kratkiy ocherk) [Ontological Poetics (short essay)]. In: Estetika: Vchera. Segodnya. Vsegda [Aesthetics: Yesterday. Today. Is always]. Ed. V.V. Bychkov, N.B. Man'kovskaya. M., Publ. Institut Filosofii RAN: 91–114.
- Kovalev G.F. 2014. Izbrannoe. Literaturnaya onomastika [Favorites. Literary onomastics]. Voronezh, Publ. Nauchnaya kniga, 448 p.
- Kolesnikova Zh.A. 2021. Model of the world and individualin the novel "the foundation pit" by A. Platonov. *Tula scientific Bulletin. History. Linguistics*, 2(6): 94–100 (in Russia).
- Langerak T. 1995. Andrey Platonov: materialy dlya biografii, 1899–1929 gg. [Andrei Platonov: materials for a biography, 1899–1929]. Per. from English. Amsterdam, Publ. Pegasus, 274 p. (Langerak T. 1995. Andrei Platonov: materials for a biography, 1899–1929. Amsterdam, Pegasus Publishing House, 274 p.)
- Lasunskiy O.G. 2007. Zhitel' rodnogo goroda: Voronezhskie gody Andrey Platonova. 1899–1926

- [Inhabitant of the native city: Andrey Platonov's Voronezh years. 1899-1926]. Voronezh, Publ. Tsentr dukhovnogo vrozozhdeniya Chernozemnogo kraja, 280 p.
- Matveeva I.I. 2019. Reztсом epoch i molotom vremen.... Sud'ba i tvorchestvo Andreyа Platonova ["The chisel of epochs and the hammer of times...". The fate and work of Andrei Platonov]. M., Publ. Direkt-Media, 182 p.
- Mikheev M.Yu. 2003. V mir Platonova cherez ego yazyk. Predpolozheniya, fakty, istolkovaniya, dogadki [Into the world of Platonov through his language. Assumptions, facts, interpretations, conjectures]. M., Publ. MGU, 406 p.
- Penkina N.V. 2012. Filozofskie idei prozy Andreyа Platonova: problema cheloveka [Philosophical ideas of Andrei Platonov's prose: the problem of man]. Nizhnevartovsk, Publ. NGU, 104 p.
- Podubtsev R.A. 2013. Tvorchestvo Andreyа Platonova v otsenkakh sovetskoy kritiki 1920-kh – 1940-kh gg. [Creativity of Andrei Platonov in the assessments of Soviet criticism of the 1920s – 1940s]. Dis. ... cand. philol. Sciences. M., 188 p.
- Proskurina E.N. 2016. Spiritual tradition in Andrei Platonov's heritage: between attraction and repulsion. *Kul'tura i tekst*, 1(24):75–92.
- Radbil' T.B. 2017. Mifologiya yazyka Andreyа Platonova [Andrey Platonov's mythology of language]. M., Publ. Flinta, Nauka, 116 p.
- Razmyshlyaya o Platonove [Thinking about Plato]. 2019. Problemy rossiyskogo samosoznaniya: "narod zhit' mozhet, no emu nel'zya". K 120-letiyu rozhdeniya Andreyа Platonova [Problems of Russian identity: "the people can live, but they can't". To the 120th anniversary of the birth of Andrey Platonov]. Proceedings of the XVI Conference of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences with the regions of Russia with the participation of the Research University "Higher School of Economics" and the Institute of World Literature. M. Gorky RAS, Moscow, September 24, 2019. Ed. S.A. Nikol'sky. M., Publ. Golos, 276 p.
- Tolstaya E.D. 2002. O svyazi nizshikh urovney teksta s vysshimi [On the connection between the lower levels of the text and the higher one]. In: Tolstaya E. Mir posle kontsa: raboty po russkoy literature XX veka [World after the end: works on Russian literature of the XX century]. Ed. M. Poberezhnyuk. M., Publ. RGGU: 227–271.
- Tolstaya-Segal E. 1994. Ideologicheskie konteksty Platonova [Platonov's Ideological Contexts]. In: Andrey Platonov. Mir tvorchestva [Andrey Platonov. The world of creativity]. Comp. N.V. Kornienko, E.D. Shubina. M., Publ. Sovremennyy pisatel': 47–83.
- Chalmaev V.A. 1978. Andrey Platonov [Andrey Platonov]. M., Publ. Sovetskaya Rossiya, 176 p.
- Shtayner R. 1993. Taynovedenie [Occult Science]. Transl. with him. T.G. Trapeznikova. M., Publ. Agentstvo "DESOT", 128 p. (Steiner R. Die Geheimwissenschaft im Umriss. 1910).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 05.09.2022.
Поступила после рецензирования 7.11.2022.
Принята к публикации 05.12.2022.

Received September 5, 2022.
Revised November 7, 2022.
Accepted December 5, 2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бугакова Надежда Борисовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, Воронежский государственный технический университет, г. Воронеж, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nadezhda B. Bugakova, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, Voronezh State Technical University, Voronezh, Russia.

УДК 81-139
DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-4-700-706

Проблема исследования памяти в лингвистике: междисциплинарный подход

¹Вишнякова О.Д., ¹Липгарт А.А., ²Мартюшова Н.О.

¹Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1

²Высшая школа экономики,
Россия, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20

E-mail: ol-vish@mail.ru; a_lipgart@mail.ru; nmartyushova@hse.ru

Аннотация. Описано становление memory studies как области знаний, изучающей коллективные представления о прошлом, а также современный этап ее развития. Представлен обзор различных направлений в рамках лингвистики, изучающих феномен «память», рассмотрена возможность применения методов когнитивной лингвистики и дискурсивного анализа в изучении коллективных представлений о прошлом. Лингвистический подход к данной проблематике фокусируется на способности человека с помощью языка формировать и передавать знания о прошлом последующим поколениям, а также на характере взаимосвязей мыслительных образов прошлого с особенностями их вербальной репрезентации на разных этапах развития общества и языка.

Ключевые слова: память, лингвистика, memory studies, междисциплинарный подход

Для цитирования: Вишнякова О.Д., Липгарт А.А., Мартюшова Н.О. 2022. Проблема исследования памяти в лингвистике: междисциплинарный подход. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 41(4): 700–706. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-4-700-706

The Study of Memory in Linguistics: An Interdisciplinary Approach

¹Olga D. Vishnyakova, ¹Andrew A. Lipgart, ²Natalia O. Martyushova

¹ Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie gory, Moscow 119991, Russian;

²Higher School of Economics
20 Myasnitskaya St, Moscow 101000, Russia

E-mail: ol-vish@mail.ru; a_lipgart@mail.ru; nmartyushova@hse.ru

Abstract. The paper examines the major issues concerning the studies of memory in linguistics and their role in the transdisciplinary field named “memory studies”. The study outlines the stages, which shaped memory studies as a new discipline, concentrating on collective memories about the past, as well as discusses a number of approaches to the analysis of the phenomenon in question in linguistics. The research deals with the possibility of the methods of cognitive linguistics and discourse analysis application to explore collective representations of the past, along with other approaches. The linguistic approach to this problem focuses on the human’s ability to form and transmit knowledge about the past to further generations, as well as on the nature of the relationship between mental images of the past with their verbal representation peculiarities at different stages of the society and language development.

Key words: memory, linguistics, memory studies, interdisciplinary approach

For citation: Vishnyakova O.D., Lipgart A.A., Martyushova N.O. 2022. The Study of Memory in Linguistics: An Interdisciplinary Approach. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 41(4): 700–706 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-4-700-706

Введение

Память как способ конструирования прошлого становится ключевым объектом изучения, начиная с 80-х гг. XX века, объединяя ученых различных гуманитарных и социальных дисциплин. Однако, если мы обратимся к исследованиям памяти в лингвистике, то обнаружим, что они не охватывают круг проблем, связанных с коллективными представлениями о прошлом и способами их конструирования, а сосредотачиваются на изучении речевосприятия, речепроизводства, индивидуальной памяти и ее вербальной репрезентации. В данном исследовании мы определим основные проблемы, связанные с изучением памяти в лингвистике, а также место, которое занимают лингвистические исследования феномена «память» в *memory studies*.

Немецкий египтолог Ян Ассман [2004, с. 11] в книге «Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в культурах древности» писал: «По всем признакам похоже, что вокруг понятия воспоминание складывается новая парадигма наук о культуре, благодаря которой разнообразнейшие феномены и области культуры – искусство и литература, политика и общество, религия и право – предстают в новом контексте». А знаменитый французский историк Пьер Нора [2005, с. 391] говорит о том, что «мы живем в эпоху всемирного торжества памяти». Мемориальный бум, начавшийся в 1980-х гг., обозначил новое направление исследований – *memory studies*, объединившее ученых – историков, социологов, искусствоведов, философов, психологов, филологов и др., изучающих память, коллективные представления о прошлом и способы конструирования прошлого.

К причинам мемориального бума сегодня относят:

– *социальные причины*, в частности, по мнению Я. Османа [2004, с. 11–12], уход поколения, являвшегося свидетелем трагических событий истории, и необходимость создания обществом «культурных форм памяти прошлым», так как «живое воспоминание» может исчезнуть; П. Нора [2005] относит к социальным причинам всплеска интереса к проблемам памяти – «ускорение истории» (процесс доминирования памяти над историей) и «деколонизацию» (появление необходимости создания собственной идентичности через обращение к прошлому);

– *влияние технической революции* (развитие электронных медиа, массмедиа, социальных сетей и их влияние на коллективные представления о прошлом).

Институционализация целого направления *memory studies*, объединяющего подходы и методы различных гуманитарных и социальных дисциплин для изучения понятия «память», создание специализированных журналов и курсов вызвали волну критики среди ученых [Zelizer, 1995; Confino, 1997; Kansteiner, 2002], пессимистично относившихся к будущему *memory studies* как отдельной научной дисциплины. Ученые указывали на междисциплинарность исследований памяти и поэтому говорили о неопределенности основных терминов, например, «коллективной памяти», разнообразии интерпретаций, объектов и предметов исследований, отсутствии собственной выработанной методологии и терминологического аппарата. Дж. Олик [Olick, 2009] в статье «Между хаосом и разнообразием: являются ли исследования памяти полем?» говорит о том, что за разнообразием подходов, взглядов и методов трудно увидеть, что же такое направление *memory studies* и где находятся его границы. Междисциплинарность данного направления лишь сделала его более неопределенным, фрагментарным и ставила под сомнение его существование как отдельного устойчивого исследовательского поля.

Таким образом, несмотря на кризис *memory studies*, начавшийся в середине 1990-х гг. и выразившийся в критике данного направления различными учеными, процесс институционализации продолжается, и появление журналов (*Memory Studies*, 2008 г.), учреждение ассоциаций исследователей (*The Memory Studies Association* с 2016 г.) ускоряет процесс становления *memory studies* как отдельного направления гуманитарного знания.

Исследования памяти в лингвистике

Способность человека с помощью языка формировать и передавать знания о прошлом и воспоминания о нем интересовала прежде всего ученых лингвистов, которые в своих исследованиях рассматривали то, каким образом связаны мысленные образы прошлого с их вербальной репрезентацией: «Процесс воспоминания есть собственно процесс мыслительный: образы прошлого были бы хаотичны и бессмысленны, если бы их не соединял воедино разум. Это находит свое отражение в языке» [Дмитровская, 1991, с. 83]. Знания и представления общества отражены в языке и передаются с помощью языковых знаков [Прохорова и др., 2012]. Одно и то же событие может быть по-разному вербализовано, что впоследствии влияет и на то, как событие запоминают и затем припоминают. Так, например, одно и то же событие можно описать как «попытку самозащиты» или же как «нападение на незащищенных граждан» [Hart, 2014, с. 171–172]. Таким образом, речевое воплощение будет влиять на то, как мы будем вспоминать и оценивать произошедшее. Язык как продукт культуры является и ее важнейшей составляющей, и инструментом ее формирования. Влияние языка на память также отражает и культурное измерение памяти. Языковой знак, в свою очередь, несет «в своей содержательной структуре целый ряд актуальных и потенциально значимых в культурном отношении характеристик, способных к актуализации в соответствии с возникающими потребностями данного языкового коллектива» [Вишнякова, 2015, с. 64].

Понятие «память» имеет множество определений, например, когнитивные психологи понимают его как «способность живой системы фиксировать факт взаимодействия со средой (внешней или внутренней), сохранять результат этого взаимодействия в форме опыта и использовать его в поведении» [Когнитивная психология, 2002, с.79]. Разнообразие и неопределенность толкования феномена «память» с точки зрения различных дисциплин и областей исследований привело к тому, что исследователями по-разному выделяются и различные типы памяти.

Исследования, посвященные связи языка и памяти, можно разделить на две группы [Echterhoff, 2008, с. 264]: в первую группу входят работы, в которых рассматривается возможность языка влиять на формирование представлений о прошлом, памяти. В рамках данного подхода центральное место занимает понятие «память» и то, каким образом она выражается и формируется с помощью языковых единиц. Второй подход предлагает рассматривать то, как память (или представления о прошлом) может повлиять на язык. В данном случае фокус исследования смещается с понятия «память» на язык. Необходимо также принимать во внимание, что память представляет собой когнитивную способность человека, что роднит ее с языком, и для того, чтобы изучить процессы мышления и памяти, следует обратиться к исследованию языка.

К первому подходу относятся, в частности, исследования вербального затенения (*verbal overshadowing*), которые связаны с тем, как на формирование представлений о прошлом (память) влияет речевое описание события, или понятия, которые трудно вербализовать языковыми средствами [Schooler et al., 1997].

Язык в рамках первого подхода выступает инструментом формирования представлений о прошлом. Разные способы вербализации способствуют появлению разных интерпретаций прошлого. Так, например, использование более абстрактных и обобщенных формулировок по отношению к событию, не вызывающему одобрения (*Person X is aggressive*), приводит к тому, что данное событие активнее осуждается и критикуется сообществом и воспринимается только как негативное, в то время как использование более конкретных языковых единиц, точно описывающих событие или действие (*Person X shouted at Y*), не имеет такого выраженного эффекта неодобрения или возмущения [Semin, Fiedler, 1992].

Использование некоторых лексических единиц может повлиять на восприятие сообщения его получателем. Как показал эксперимент, если свидетелям какого-либо события заранее задать определенные установки, выраженные некоторыми лексическими единицами, они могут повлиять на их воспоминания о событии или даже изменить их.

Использование определенного или неопределенного артикля для обозначения существования или присутствия описываемого объекта в рамках события может послужить характерным примером: “Did you see the motorcycle?” или “Did you see a motorcycle?”. Те свидетели, кому был задан первый вопрос, по ошибке считали, что видели этот предмет во время развития события [Echterhoff, 2008, с. 270].

Можно также выделить следующие основные направления, которые существуют в рамках изучения феномена «память»: психолингвистический и дискурсивный. Психолингвистический подход долгое время являлся ведущим в лингвистических исследованиях памяти, однако с конца 1990-х гг. начинается поворот в сторону дискурсивного подхода к исследованию памяти, который сосредоточен на анализе нарративов и дискурса. Данные подходы имеют междисциплинарный характер и чаще всего концентрируются на исследованиях индивидуальной памяти человека, психических процессов обработки информации, кодирования и ее воспроизведения.

В основе данных психолингвистических исследований лежит экспериментальный метод, который проводится с информантами в условиях, смоделированных самим исследователем, исходя из цели и проблематики своей работы, а память рассматривается в качестве одной из когнитивных функций человека.

Основной интерес для психолингвистов представляет изучение процессов, связанных с работой механизма памяти: процесс понимания и порождения речи, обработки языковых данных и усвоение языковых единиц.

Ряд исследований психолингвистов был посвящен изучению различных видов памяти: кратковременной и долговременной, и их функционированию при дословном запоминании и воспроизведении в дальнейшем языкового материала. Было выявлено, что высокая интерактивность способствует дословному воспроизведению языкового материала, а знаменательные части речи запоминаются лучше, чем служебные [Nilsson, 2000].

Таким образом, психолингвистический подход к исследованию феномена «память» позволил выявить и проанализировать основные механизмы, участвующие в производстве языковых единиц и в процессе обработки информации, а также разработать стратегии и тактики запоминания языкового материала и его последующего воспроизведения. В рамках данного подхода издается периодическое издание *Journal of Memory and Language*, которое сосредоточено на изучении связи языка и психических процессов, памяти и мышления.

В рамках дискурсивного подхода к исследованию памяти термин «память» определяется лингвистами как когнитивно-ментальная деятельность человека, осуществляющая обработку и интерпретацию индивидуального опыта человека, результат которой представлен в вербальной форме. Дискурс, порожденный вследствие такого рода деятельности, представляет собой форму языковой репрезентации личного опыта и событий прошлого, а термин «нарратив» определяется как способ вербализации личного опыта и рассматривается учеными как единица дискурса, в то время как память рассматривается как категория, лежащая в основе многообразия нарративов, объединенных мемориальной тематикой.

Обычно исследования в рамках дискурсивного подхода ориентированы на память индивидуальную, автобиографическую и посвящены проблемам вербализации автобиографической памяти и культурной идентичности. Изучая феномен памяти в терминах дискурсивного подхода, ученые приходят к выводу, что в зависимости от внешних факторов форма и содержание личных воспоминаний могут трансформироваться. Так, например, К. Нельсон [Nelson, 2003] заключает, что языковое выражение воспоминаний определяется коммуникативной ситуацией и подвергается изменениям в зависимости от ситуации нарративного акта. Персональная, автобиографическая память функционально и структурно связана с использованием культурных мифов и культурных нарративов сообщества. Именно они будут задавать направление персональному нарративу, определять его функции и форму. К факторам, влияющим на структуру и содержание личных воспоминаний, относят факторы экстралингвистические (культура, социальные роли и др.). Схожие

выводы можно найти в работе Ш. Линд [Linde, 1993], которая в результате изучения индивидуальных/персональных нарративов, обнаруживает, что персональный нарратив в большей степени конструктивный социальный, нежели индивидуальный, и регулируется, задается жесткими рамками самого общества и культурными требованиями, прежде всего. В дальнейшей перспективе исследования в рамках дискурсивного подхода, по мнению ученых, будут сосредоточены не только на социальных факторах, влияющих на личные воспоминания, но также и на личностных, когнитивных и др.

В дискурсивном подходе также рассматриваются и коллективные представления о прошлом, представляющие языковое выражение воспоминаний множественных субъектов. Для этой цели исследуются различные дискурсивные практики и основные способы конструирования дискурса в рамках критического дискурс анализа. К примеру, М. Рейзигль [Reisigl, 2009] рассматривает функционирование различных риторических фигур, тропов и определяет их как основные единицы, необходимые при создании и закреплении группового нарратива. Таким образом, исследования в рамках критического дискурс анализа сосредотачиваются на изучении проблематики групповой, коллективной идентичности, а также коллективных представлений о прошлом, их конструирования и вербализации. Целью данного направления является анализ концептуальных эффектов, которые обусловлены выбором определенных языковых средств, что позволяет наиболее полно рассмотреть, как воспринимают и идентифицируют себя большие сообщества.

Заключение

Рассмотренные исследования феномена «память» в области лингвистики не охватывают круг проблем, связанных с коллективными представлениями о прошлом и способами их конструирования. Представленные работы ученых в рамках как психолингвистического, так и дискурсивного подходов сосредотачивают свое внимание на памяти индивидуальной и автобиографической, что, на наш взгляд, значительно сужает исследуемую проблематику. Исследования памяти в лингвистике фрагментарны, чаще всего они затрагивают какую-либо определенную область (речевосприятие, речеобразование, индивидуальную память и ее вербальную репрезентацию) и не предлагают широкого охвата феномена памяти.

Если принять во внимание тот факт, что между лингвистической и социальной структурами есть связь, а в языке отражаются представления о мире и опыт человека, то изучение дискурсивных практик, фиксирующих представления о коллективном прошлом, представляется нам перспективным направлением, которое поможет понять, как происходит процесс конструирования и навязывания представлений о прошлом. Применение данного подхода к исследованию феномена памяти в рамках когнитивных исследований в лингвистике, а также дальнейшее развитие анализа в терминах функционального направления, позволят охватить не только специфику языкового воплощения коллективных представлений о прошлом, но также социальное и культурное измерения, что даст возможность наиболее полно изучить процессы восприятия прошлого человеческих сообществ и понимания ими настоящего.

Список литературы

- Ассман Я. 2004. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. Перевод с немецкого. М.М. Сокольской. М., Языки славянской культуры, 368 с. (Assman J. 1992. *Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen*. Beck, München, 344 s.)
- Вишнякова О.Д. 2015. Языковой знак в референциальном поле культурной памяти социума. Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 4: 50–66.
- Дмитровская М.А. 1991. Философия памяти. В кн.: Логический анализ языка. Культурные концепты. Под ред. Н.Д. Арутюновой. М., Наука: 78–85.
- Когнитивная психология. 2002. Под ред. В.Н. Дружинина, Д.В. Ушакова. М., ПЕР СЭ, 480 с.

- Нора П. 2005. Всемирное торжество памяти. Перевод с французского. В кн.: Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. Под ред. М. Габовича. М., Новое литературное обозрение: 391–402. (Nora P. 2002. L'avènement mondial de la mémoire, Transit, 22 p.)
- Прохорова О.Н., Чекулай И.В., Багана Ж., Куприева И.А., Сапронова Е.А. 2012. Отражение процесса познания в языке: в поисках концептуальных оснований. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки, 24(143)-16: 104–110.
- Confino A. 1997. Collective memory and cultural history: Problems of method. *American Historical Review*, 102(5): 1386–1403. DOI: 10.2307/2171069
- Echterhoff G. 2008. Language and Memory: Social and Cognitive Processes. In: *Cultural Memory Studies. An International and Interdisciplinary Handbook*. Eds. A. Erll, A. Nünning. Berlin, N.Y., De Gruyter: 263–274.
- Hart C. 2014. Construal operations in online press reports of political protests. In: *Contemporary critical discourse studies*. Eds. C. Hart, P. Cap. London, N.Y., Bloomsbury: 167–188.
- Kansteiner W. 2002. Finding meaning in memory: A methodological critique of collective memory studies. *History and theory*, 41(2): 179–197. DOI: 10.1111/0018-2656.00198
- Linde Ch. 1993. *Life Stories: The Creation of Coherence*. Oxford, N.Y., Oxford University Press, 256 p.
- Nelson K. 2003. Self and social functions: Individual autobiographical memory and collective narrative. *Memory*, 11(2), 125–136. DOI: 10.1080/741938203
- Nilsson L.-G. 2000. Remembering Actions and Words. In: *The Oxford Handbook of Memory*. Eds. E. Tulving, F.I.M. Craik. Oxford, Oxford University Press: 137–148.
- Olick J. K. 2009. Between chaos and diversity: Is social memory studies a field? *International journal of politics, culture and society*, 22(2): 249–252. DOI: 10.1007/s10767-009-9059-7
- Reisigl M. 2009. Spoken Silence – Bridging Breaks. The Discursive Construction of Historical Continuities and Turning Points in Austrian Commemorative Speeches by Rhetorical Tropes. In: *Justice and Memory. Confronting traumatic pasts. An international comparison*. Eds. R. Vodak, G. Auer Boreo. Vienna, Passagen Verlag: 213–240.
- Schooler J.W., Fiore S.M., Brandimonte M. A. 1997. At a loss from words: Verbal overshadowing of perceptual memories. In: *The psychology of learning and motivation*. Vol. 37. Ed. D.L. Medin. London, Academic Press: 291–340.
- Semin G.R., Fiedler K. 1992. The inferential properties of interpersonal verbs. In: *Language, interaction and social cognition*. Eds. G.R. Semin, K. Fiedler. London, Sage Publications: 58–78.
- Zelizer B. 1995. Reading the past against the grain: The shape of memory studies. Ed. L. Steiner. *Critical Studies in Mass Communication*. Vol. 12, 2: 213–239. DOI: 10.1080/15295039509366932

References

- Assman Ya. 2004. Kul'turnaya pamyat': pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti [Cultural Memory: Writing, Memory of the Past, and Political Identity in the High Cultures of Antiquity]. Translation from German. M.M. Sokol'skaya. M., Publ. Yazyki slavyanskoy kul'tury, 368 p. (Assman J. 1992. Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. Beck, München, 344 s.)
- Vishnyakova O.D. 2015. The language sign in the referential field of the cultural memory of society. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, 4: 50–66 (in Russia).
- Dmitrovskaya M.A. 1991. Filosofiya pamyati [Philosophy of memory]. In: *Logicheskiy analiz yazyka. Kul'turnye kontsepty* [Logical Analysis of Language. cultural concepts]. Ed. N.D. Arutyunova. M., Publ. Nauka: 78–85.
- Kognitivnaya psikhologiya [Cognitive psychology]. 2002. Ed. V.N. Druzhinin, D.V. Ushakov. M., Publ. PER SE, 480 p.
- Nora P. 2005. Vsemirnoe torzhestvo pamyati [World Commemoration]. Translation from French. In: *Pamyat' o voyne 60 let spustya: Rossiya, Germaniya, Evropa*. Ed. M. Gabovich. M., Publ. Novoe literaturnoe obozrenie: 391–402. (Nora P. 2002. L'avènement mondial de la mémoire, Transit, 22 p.)
- Prokhorova O.N., Chekulay I.V., Bagana Zh., Kuprieva I.A., Sapronova E.A. 2012. Otrazhenie protsessa poznaniya v yazyke: v poiskakh kontseptual'nykh osnovaniy [Reflection of the process of cognition in language: in search of conceptual foundations]. *Scientific bulletin of Belgorod State University. Humanities Sciences*, 24(143), Issue. 16: 104–110.

- Confino A. 1997. Collective memory and cultural history: Problems of method. *American Historical Review*, 102(5): 1386–1403. DOI: 10.2307/2171069
- Echterhoff G. 2008. Language and Memory: Social and Cognitive Processes. In: *Cultural Memory Studies. An International and Interdisciplinary Handbook*. Eds. A. Erll, A. Nünning. Berlin, N.Y., De Gruyter: 263–274.
- Hart C. 2014. Construal operations in online press reports of political protests. In: *Contemporary critical discourse studies*. Eds. C. Hart, P. Cap. London, N.Y., Bloomsbury: 167–188.
- Kansteiner W. 2002. Finding meaning in memory: A methodological critique of collective memory studies. *History and theory*, 41(2): 179–197. DOI: 10.1111/0018-2656.00198
- Linde Ch. 1993. *Life Stories: The Creation of Coherence*. Oxford, N.Y., Oxford University Press, 256 p.
- Nelson K. 2003. Self and social functions: Individual autobiographical memory and collective narrative. *Memory*, 11(2), 125–136. DOI: 10.1080/741938203
- Nilsson L.-G. 2000. Remembering Actions and Words. In: *The Oxford Handbook of Memory*. Eds. E. Tulving, F.I.M. Craik. Oxford, Oxford University Press: 137–148.
- Olick J. K. 2009. Between chaos and diversity: Is social memory studies a field? *International journal of politics, culture and society*, 22(2): 249–252. DOI: 10.1007/s10767-009-9059-7
- Reisigl M. 2009. Spoken Silence – Bridging Breaks. The Discursive Construction of Historical Continuities and Turning Points in Austrian Commemorative Speeches by Rhetorical Tropes. In: *Justice and Memory. Confronting traumatic pasts. An international comparison*. Eds. R. Vodak, G. Auer Boreo. Vienna, Passagen Verlag: 213–240.
- Schooler J.W., Fiore S.M., Brandimonte M. A. 1997. At a loss from words: Verbal overshadowing of perceptual memories. In: *The psychology of learning and motivation*. Vol. 37. Ed. D.L. Medin. London, Academic Press: 291–340.
- Semin G.R., Fiedler K. 1992. The inferential properties of interpersonal verbs. In: *Language, interaction and social cognition*. Eds. G.R. Semin, K. Fiedler. London, Sage Publications: 58–78.
- Zelizer B. 1995. Reading the past against the grain: The shape of memory studies. Ed. L. Steiner. *Critical Studies in Mass Communication*. Vol. 12, 2: 213–239. DOI: 10.1080/15295039509366932

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 19.10.2022.

Received October 19, 2022.

Поступила после рецензирования 20.11.2022.

Revised November 20, 2022.

Принята к публикации 05.12.2022.

Accepted December 5, 2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Вишнякова Ольга Дмитриевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языкознания филологического факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Olga D. Vishnyakova, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Linguistics, Faculty of Philology, M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Липгарт Андрей Александрович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языкознания филологического факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Andrey A. Lipgart, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Linguistics, Faculty of Philology, M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Мартюшова Нагалья Олеговна, аспирант Школы по филологическим наукам, преподаватель, Высшая школа экономики, г. Москва, Россия

Natalya O. Martyushova, post-graduate student of the School of Philological Sciences, lecturer, Higher School of Economics, Moscow, Russia

УДК 81'282.8

DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-4-707-714

Гастрономический код как отражение лингвокультурной картины мира (на примере африканской лингвокультуры)

Волошина Т.Г., Глебова Я.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: tatianavoloshina@rambler.ru

Аннотация. Вопросы, связанные с изучением специфики реализации культурного кода в процессе формирования и развития национальной лингвокультуры, входят в ранг актуальных проблематик современных лингвистических исследований. Цель работы – изучение особенностей репрезентации африканской гастрономической лингвокультуры посредством анализа вариантов употребления слов, обозначающих бобовые культуры. В работе анализу подвергается лингвокультурная специфика лексемы Cassava (маниока), функционирующая в автохтонных языках в ходе адаптационного процесса к требованиям многочисленных местных культур и языков. В процессе исследования выявлены наиболее продуктивные лексемы (применяемые образованными африканцами в ежедневном общении), означающие продукт маниока, к которым относятся manioka, tapioca, cassava, которые в ходе коммуникации часто вытесняются лексическими аналогами автохтонных языков, таких как googòò в языке хауса, tbaу в языке фула; этническая группа Йоруба использует лексему ege, в то время как в автохтонных языках мандэ принято употреблять лексему banakun. Сделан вывод о том, что гастрономический код нигерийской культуры представляет собой отражение лингвокультурной картины мира, сформированной в ходе контактного взаимодействия британского английского языка и автохтонных языков и культур Нигерии. Выявленные в процессе исследования лексические варианты лексемы manioka, одновременно функционирующие в современных автохтонных языках, формируют основу гастрономической карты лингвокультуры Нигерии.

Ключевые слова: культурный код, гастрономический код, лингвокультурная картина мира, африканская лингвокультура, маниока, автохтонные языки

Для цитирования: Волошина Т.Г., Глебова Я.А. 2022. Гастрономический код как отражение лингвокультурной картины мира (на примере африканской лингвокультуры). Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 41(4): 707–714. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-4-707-714

Gastronomic Code as the Mean Linguistic and Cultural Environment Reflection (Based on the Example of African Languages and Cultures)

Tatiana G. Voloshina, Yana A. Glebova

Belgorod National Research University
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russia
E-mail: tatianavoloshina@rambler.ru

Abstract. The article deals with the analysis of specific features of the cultural code implementation in the process of formation and development of national linguistic culture processes which are among the topical issues of modern linguistic research. The research work is aimed at analyzing the peculiarities of the African gastronomic language and culture representation procedure revealed by investigation of local lexical variants lexemes denoting legumes functioning in Nigerian English. The research work analyzes the linguistic and cultural specificity of the cassava lexeme functioning in autochthonous languages dur-

ing the adaptation process to the requirements of numerous local cultures and languages. The work identifies the most productive lexemes (used by educated Africans in daily communication), meaning the cassava product which include manioka, tapioca, cassava, and they are in the course of communication often replaced by lexical analogues of autochthonous languages such as roogòò in the Hausa language, mbay in the Fula language; while the Yoruba ethnic group uses the lexeme $\epsilon\epsilon\epsilon$, and for the autochthonous Mandaic languages the banakun lexeme is more preferable. To conclude, the gastronomic code of Nigerian culture is the reflection of the linguistic and cultural picture of the world formulated during the contact interaction of the British English language and the autochthonous languages and cultures of Nigeria. The lexical variants of the manioka lexeme identified in the course of the research work, simultaneously functioning in modern autochthonous languages, make the ground of the gastronomic map of the Nigerian languages and cultures.

Keywords: cultural code, gastronomic code, linguocultural picture of the world, African linguoculture, cassava, autochthonous languages

For citation: Voloshina T.G., Glebova Ya.A. 2022. Gastronomic Code as the Mean Linguistic and Cultural Environment Reflection (Based on the Example of African Languages and Cultures). Issues in Journalism, Education, Linguistics, 41(4): 707–714 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-4-707-714

Введение

Вопросы изучения специфических особенностей гастрономического дискурса, репрезентации гастрономического кода на примере различных культур входят в ранг актуальных исследований в русле таких направлений, как лингвокультурология, этнолингвистика, лингвострановедение, лингвосомиотика.

Анализ репрезентации гастрономического кода невозможен без исследования специфики той или иной культуры, в рамках которой формируется лингвокультурная картина мира. В ходе анализа специфики теории кода в рамках гуманитарного спектра дисциплин принято исследовать культуру как знаковую систему, которая представляет собой некое связующее звено между человеком и окружающим миром. При таком анализе ведущая роль принадлежит изучению содержательной стороны, при которой необходимо четкое понимание «текста культуры».

Под кодом культуры мы понимаем систему знаков, ставших носителями культурных ценностей того или иного народа или этнической группы. Код культуры исследует характеристики ценностного мира, код культуры представляет собой определенную иерархию ценностно-значимых идей и понятий для лингвокультурного сообщества. Для символической системы кодирования идей через призму культурных образов и символов характерны такие особенности, как устойчивость и системная повторяемость в рамках анализируемой культуры. Культурные коды представляют собой средство выражения знаний человека о специфике явлений окружающего мира, они представляют собой нормативно-ценностную систему, способную определить способ мышления, особенности этнокультурного сознания народа. Культурный код регулирует человеческое мышление и определяет модель социального и индивидуального поведения (обязательные/необязательны, желательные/нежелательные, запрещенные/разрешенные действия).

Исходя из рассмотренных свойств культурных кодов, можно сделать вывод, что код культуры представляет собой исторически обусловленную, нормативно-ценностную символическую систему вторичной номинации. Необходимо отметить, что такая система обладает информацией о культурной сформированности и значимости мира и социума в ней; такое образование характеризуется организованным этнокультурным сознанием и проявляется в процессах категоризации мира.

На современном этапе развития лингвокультурологии существует ограниченный спектр работ зарубежных авторов, посвятивших свои исследования изучению специфики гастрономической культуры нигерийского кулинарного искусства. Так, в работах ниге-

рийских авторов отмечается, что нигерийская кухня, с одной стороны, отражает особенности африканской кулинарной культуры в целом [Aki, 2018], а с другой стороны, подвержена влиянию со стороны многочисленных автохтонных гастрономических культур [Donatus, 2022]. Вопросы формирования и развития национальной нигерийской кухни были освещены в трудах нигерийского исследователя Д. Чиадика, который изучил особенности гастрономической культуры этнических групп Йоруба, Хауса и Игбо и описал процессы приготовления традиционных нигерийских деликатесов [Chiadika, 2019]. Исследователь В. Дрейк, иммигрировавший из Нигерии в США, в своих работах отразил особенности нигерийской гастрономической культуры, адаптированной под нормы американской кулинарии [Drake, 2018].

Следует отметить, что в отечественной лингвистической литературе отсутствуют работы, посвященные системному изучению специфики нигерийской национальной кухни, отражающей лингвокультурную картину мира нигерийцев, чем и обусловлена актуальность исследования.

Целью исследования является проведение анализа гастрономического кода, формирующего лингвокультурную картину мира на примере нигерийской лингвокультуры

Объекты и методы исследования

Объектом исследования является культурный код африканской лингвокультуры, реализуемый посредством гастрономической лингвокультуры. Фактический материал исследования – лингвистические словари африканских ученых, послужившие базой для выявления наиболее продуктивных лексем, употребляемых в речи африканцев для описания процесса окультуривания сельскохозяйственных растений, применения в пищу тех или иных продуктов питания. Подборка практической части исследования осуществлялась при помощи метода целенаправленной выборки из словарей. В работе также применялись описательно-аналитический метод, сравнительный метод, метод контекстуального и количественного анализа.

Результаты и их обсуждение

Пищевой или гастрономический код культуры рассматривается исследователями как совокупность обусловленных культурой стереотипных представлений о свойствах, характеристиках продуктов питания, которые выступают как источник осмысления человеком мира и несут в дополнение к своим природным свойствам функционально значимые для культуры смыслы.

В ходе анализа практического материала мы пришли к выводу, что наиболее существенное влияние на процесс становления и развития гастрономического кода для африканской лингвокультуры оказывает *маниока*, которая представляет собой тропическое клубнеплодное растение. Плоды маниоки широко применяются в процессе приготовления пищи на всей территории Африки.

Экскурс в историю одомашнивания маниоки

Древесный кустарник *маниока* был одомашнен в Центральной Америке около 9000 лет назад. Португальцы перенесли маниоку из Бразилии в Африку в конце XVI века в качестве самого дешевого продукта питания для рабов. Есть все основания полагать, что маниока в период XVI–XVII вв. стала одним из наиболее популярных продуктов питания на всей территории Африки. Лексема португальского языка *mandioka* под влиянием автохтонных языков Африки трансформировалась в *manioka*. Изначально маниока была выращена африканскими фермерами вблизи побережья, клубни маниоки обладали горьким вкусом. Период XVIII–XIX вв. характеризуется как активная стадия распространения растения по всей территории континента. Африканские лингвокультурологи утверждают, что некоторые африканские народности, такие как Хауса и Бамбара, сыграли важную роль в ходе перекупки и распространении растения [Blench, 2014].

Продовольственные растения и другие культуры, завезенные из Нового Света в Тропическую Африку, оказали огромное влияние как на образ жизни, так и на специфику сельскохозяйственной культуры на всем африканском континенте. Многие основные американские культурные растения в настоящее время прочно укоренились в сельском хозяйстве Африки, например:

- корнеплоды, привезенные из США в Африку: *непальский кокоям (new cocoyam)*, *маниока (cassava)*, *батат (sweet potato)*, *ирландский картофель (Irish potato)*;
- бобовые: *арахис (groundnut)*, *лимская фасоль (lima bean)*;
- овощи, привезенные из США в Африку: *стручковый перец (capsicum)*, *перец чили (chili pepper)*, *помидоры (tomato)* и *помидоры черри (cherry tomato)*;
- фрукты, привезенные из США в Африку: *папайя (papaw)*, *ананас (pineapple)*, *гаува (guava)*, *авокадо (avocado)*;
- злаки, привезенные из США в Африку: *кукуруза (maize)* [Verhaar, 2012].
- в отдельную группу-привезенных из США товаров в Африку входят *тыквенные культуры (cucurbits)*, *тобак (tobacco)*, *какао (cocoa)*.

Вопросы распространения, развития и специфики одомашнивания культурных растений на территории Африки изучались в работах африканских лингвокультурологов. Например, в трудах Д. Гейда анализировалась специфика маршрута распространения растений. Автор исследования полагает, что такие культуры, как *хлебные злаки (sorghum)*, *лук (onion)*, *чеснок (garlic)*, *огурец (cucumber)*, *дыня (sweet melon)* были завезены на территорию Западной Африки, а в дальнейшем распространились во многих частях африканского континента [Gade, 2002]. В работах Р. Бленча систематизируется перечень терминологического ряда местных культурных растений, выдвигаются гипотезы о специфике адаптации культур [Blench, 2014]. Сложность процесса анализа распространения маниоки в Нигерии обуславливается отсутствием точных зафиксированных источников о месте и времени одомашнивания культурных растений, привезенных из США в Африку [Voloshina et al., 2019].

Лингвокультурная адаптации лексемы Cassava – маниока в процессе формирования гастрономического кода

В нашем исследовании анализу подвергается лингвокультурная специфика лексемы *Cassava – маниока*, функционирующая в автохтонных языках в ходе адаптации к нормам многочисленных местных культур и языков. Методика работы включает системный анализ названий рассматриваемой лексемы в автохтонных языках, в процессе которого отслеживаются закономерности применения в языках форм американского варианта британского английского языка.

Есть все основания полагать, что внедрение американских культур в сельское хозяйство Африки являлось настолько высокоэффективной практикой, что на современном этапе развития агрокультуры многие африканские исследователи предпочитают не вспоминать о так называемом иностранном происхождении многих окультуренных растений [Baghana et al., 2019].

Анализ терминологического ряда названий местных культур дает возможность выяснить специфику маршрутов, по которым доставлялись в Африку те или иные культуры. Особенно четко эта тенденция прослеживается там, где названия культур либо были заимствованы непосредственно из другого языка, либо из культуры, названной в честь определенного народа (например, в таких формулировках, как *batat x*).

В нашей работе мы уделяем внимание аспекту лексической адаптации лексемы *cassava – маниока* с позиции лингвокультурологии. Современный африканский языковед Д. Гэйд [Gade, 2002], анализируя особенности функционирования рассматриваемой лексемы на примере серии автохтонных языков, заявляет, что на современном этапе развития лингвистики не существует единой лексической единицы, соответствующей понятию *маниока*. Так, в зависимости от области функционирования лексемы, существует ряд синонимичных единиц: *маниока (cassava)*, *тапиока (tapioka)* и *юкка (yukka)* [Gade, 2002, с. 59].

Автор исследования настаивает на том, что корректным вариантом является использование лексической единицы *маниока* (*cassava*).

Африканские исследователи анализировали лингвистические особенности употребления лексемы «маниока» в разных частях Африки. Интересно, что часто лексема *cassava* не применялась в речи различными народностями, растение *маниока* называлось аналогом из автохтонных языков. Так, например, в автохтонном языке *хауса* применяется лексическая единица *roogòd*; в языке *фула* используют лексему *tбай*; этническая группа *йоруба* использует в речи лексему *ege*; в языках *мандэ* применяется лексема *banakun*; для языка *тви* характерно использование лексической единицы *bede*; в языке *суахили* применяется *muhogo* [Blench, 2014].

Лексема *mandioka*, обозначающая «растение маниока», является заимствованной единицей из португальского языка. К наиболее продуктивным аналогам рассматриваемой лексемы среди автохтонных языков относятся лексемы *imidaka* и *jooka*. Лексема, применяемая в дельте реки Нигер, *imidaka* происходит непосредственно из диалекта *mjj*. Жители южных Игбо также заимствовали форму *imidaka*, передвигаясь в дальнейшем на север. Далее, мигрируя на запад, например, португальская лексема *mandioka* трансформировалась в *таа-диока* (приставка множественного числа *таа* плюс основа *диока*). *Ду* сократилось до *у* (*yóòka*), а затем единица была изменена до *yekə* [Drake, 2018].

В автохтонном языке *хауса* для обозначения растения маниока употребляется лексема *rògòd*, распространение которой характерно для территории северной части Нигерии и восточной части Камеруна. Слово *róògòd* применяется в языке *хауса* и буквально означает «клубни, собранные на кусте». Такой же лексемой обозначается растение маниока и для Фулфулде, встречающихся в пограничной зоне Камеруна.

Лингвокультурный тезаурус тематической группы «cassava – маниока» на примере лингвокультуры Нигерии

Следует отметить, что для Нигерии производство такого продукта питания, как маниока играет существенную роль в развитии экономики страны: из 36 нигерийских штатов маниоку выращивают в 24. В большей степени аграрный сектор по выращиванию, переработке, разведению маниоки сконцентрирован в южной части Нигерии (штаты Анамбра, Дельта, Эдо, Имо, Ойо). В современной аграрной культуре существует свыше 40 типов маниоки, для каждого при этом характерны определенные особенности выращивания и применения.

Английский язык на территории Нигерии обладает официальным статусом. В нашем исследовании мы определяем английский язык, функционирующий на территории Нигерии, как территориальный вариант английского языка Нигерии (в дальнейшем именуемый как ТВАЯН). Английский язык, используемый нигерийцами в ежедневной коммуникации, подвергается явлению креолизации, под которым мы понимаем процесс адаптации британского английского языка к нормам нигерийских лингвокультур. Вследствие креолизации британского английского языка, функционирующего в Нигерии, в его подсистемах (фонетической, грамматической и лексической) наблюдаются трансформационные процессы, вызванные интерференционными процессами со стороны автохтонных языков, ключевыми из которых являются *хауса*, *йоруба* и *игбо*.

В ходе нашего исследования мы рассматриваем специфику трансформационных процессов лексического строя ТВАЯН. Лингвокультурный анализ позволил выявить высокочастотные лингвокультуремы, функционирующие в речи нигерийцев во время выращивания, обработки и приготовления пищи из маниоки, например:

1. Alanine – Linamarin – *цианогенный гликозид* или *линомарин* [Barnes, 1989, с. 98].
2. Alcohol – Ethanol – *этиловый спирт*:

To cook the drink you need not alcohol, no! It can be poisoning! We not use alcohol cooking tapioca too. – *Для приготовления этого напитка ни в коем случае не требуется такой компонент, как этиловый спирт! Это может стать причиной отравления! Этиловый спирт не применяется в процессе приготовления маниоки также* [Bilkisu Isah, 2022, p. 2].

Значение лексемы Alcohol в ТВАЯН подвергается изменению, а именно расширению, и употребляется в значении «этиловый спирт» в противовес значению британского английского языка «алкоголь».

3. Aleurodidae – Whiteflies – вредное насекомое белокрылка:

We have little harvest of mandioka because of aleurodidae this year – В этом году у нас плохой урожай маниоки из-за белокрылки [Langlo, 2017, с.14].

В приведенном примере употребляется лексема *mandioka* для обозначения такого растения, как маниока, что обусловлено влиянием автохтонных языков, функционирующих на территории реки Нигер.

4. Alfalfa – Feed constituents – ингредиенты корма:

Animal cassava has a lot of alfalfas – корм для животных (дословно «маниока для домашних животных») включает множество компонентов [Wright, 2021, с.141].

5. Alkalinity – USE pH – уровень PH:

Alkalinity is too high, so we can not use it while cassava waste products. – Из-за высокого уровня PH мы не можем применять этот компонент в процессе переработки вторичных отходов маниоки [Klein, 2017, с. 109].

6. Alocasia – starch crops – посев зерновых:

Alocasia is the first step in cassava making process. – Процесс выращивания маниоки начинается с посева зерновых растений [Fada, 2020, с. 16].

7. Aluminium – Minerals – удобрения:

This manioka is small because we add little aluminium in it. – Урожай маниоки у нас не удался, возможно из-за того, что мы сэкономили на удобрениях.

8. Ampas – use wastes – использование отходов:

Nigeria faces Green problems today as well as all countries in the world! One of the way out is to think about Ampas' system and develop this industrial sector while cassava processing. – Как и другие страны мирового сообщества, Нигерия столкнулась сегодня с очень важной экологической проблемой – что делать с переработанными отходами от маниоки и как поддержать развитие этой области промышленности в нашей стране [Butler, 2020, с. 107].

9. Anaemia – Use only in relation to cassava and means malnutrition – применяется только относительно маниоки в значении «недоедание», «голод»:

For many poor Nigerians still one of the most actual problem is Anaemia. – На сегодняшний день одной из наиболее значимых проблем для бедного населения Нигерии является голод [Box, Doorman, 1982, с. 79].

10. Antibodies – Toxicity – токсичность:

Cassava cookig can cause high Antibodies. – Процесс приготовления маниоки может быть опасным, так как это растение является высокотоксичным.

11. Aracacha – Use Arracacia – использовать сахарный корень:

You can aracacha while cooking cassava pudding. – Вы можете использовать сахарный корень маниоки во время приготовления пудинга [Barnes, 1989, с. 76].

В приведенном примере наблюдается влияние креолизации на фонетическом и грамматическом уровнях, что обусловлено влиянием автохтонных языков и продиктовано желанием нигерийцев следовать нормам родной культуры.

12. Atieke or Bami – Cassava pastes – паста из маниоки:

Atieke is a must-have in Nigerian cuisine, you can cook everything with it from soup to main dish. – Паста из маниоки – обязательный компонент нигерийской национальной кухни, из нее можно приготовить все от супа до основного блюда [Box, Doorman, 1982, с. 77].

13. Bread – cassava bread – хлеб из маниоки:

Bread is a must while having breakfast, it gives you energy for the day. – На завтрак необходимо съест кусочек хлеба из маниоки, так он точно придаст вам сил на весь день [Ekhaguere, 2021, с. 87].

14. Breads – bakery products from cassava of all shapes – хлебобулочные изделия из маниоки любой формы:

This market sell all breads oval-shaped bread, baguette, buns, bagels. – *На этом рынке продаются все виды хлеба из маниоки: хлеб овальной формы, багет, булочки, рогалики* [Fada, 2020, с. 9].

Гастрономический тезаурус ТВАЯН включает серию названий продуктов питания и напитков с лексемой *cassava*, например:

15. *Cassava beer* – beverages – *слабоалкогольные напитки*,

16. *Cassava bread* – cassava flour – *мука из маниоки*,

17. *Cassava cheese* – cheese made on cassava milk – *специальный вид сыра, который готовят на основе особого вида молока – молока маниоки*,

18. *Cassava macaroni* – macaroni cooked from cassava bread – *особый вид макаронных изделий, приготовленных на муке из маниоки*,

19. *Cassava leaves* – special lettuces from cassava – *вид салатных листьев из особого вида маниоки*,

20. *Cassava rice* – special rice dish served on cassava leaves – *рис, который принято подавать на листьях для салата* [Ekhaguere, 2021, с. 45].

Заключение

Таким образом, гастрономический код представляет собой отражение лингвокультурной картины мира, созданной под влиянием исторического, экономического, географического, культурного, языкового факторов развития страны. Теория кода в русле лингвокультурологического подхода реализуется в нашем исследовании посредством реализации пищевого или гастрономического кода на примере африканской лингвокультуры, а именно нигерийской, сформированной в ходе контактного взаимодействия британского английского языка и автохтонных языков и культур. Подвергаясь влиянию креолизации, британский английский язык, функционируя на территории Нигерии, адаптировался к нормам местных лингвокультур, что способствовало появлению в языке трансформационных процессов на всех уровнях: фонетическом, грамматическом и лексическом. В ходе исследования было выявлено, что лексические трансформации превалируют над фонетическими и грамматическими, что обусловлено влиянием автохтонных языков и желанием следовать нормам родной культуры.

Сформированный в процессе работы гастрономический тезаурус на материале пищевого кода нигерийской культуры позволил выявить наиболее продуктивные лингвокультуремы ТВАЯН, употребляемые нигерийцами для описания процесса исторического развития, адаптации к местным условиям, выращивания, производства и применения в пищу такого растения, как маниока, представляющего собой ключевую сельскохозяйственную культуру современной гастрономической культуры Нигерии.

Список источников

- Barnes R.H. 1989. The diffusion of the manioc plant from South America to Africa: an essay in ethnobotanical culture history. Mich, University Microfilms, 135 p.
- Bilkisu Isah A. 2022. Nigerian traditional dishes: Tuwo miyan kuka. Aminu Bilkisu Isah. 4 p.
- Box L., Doorman F. 1982. Man and Manihot: Case studies on Cassava cultivators. Mededelingen van de vakgroepen sociologie van de landbouwhogeschool, 3. Colombia, Wageningen, 186 p.
- Butler E. 2020. Vegan Soul Food: Cookbook with NEW 100 delicious recipes Plant-Based. Melbourne, EPUB, 242 p.
- Ekhaguere E. 2021. Dis Nigerian Pidgin Sef: A Guide To The Nigerian Pidgin English. Lagos, TRYSPECT SOLUTIONS, 133 p.

- Fada W. 2020. *Yogieggee Culture Cookbook*. Los Angeles, Culture & Tradition Brand LLC, 45 p.
Langlo, T. 2017. *Dictionary of Nigerian English*. CA, CreateSpace Independent Publishing Platform, 42 p.
Wright C. 2021. *Soup Club: 80 Cozy Recipes for Creative Plant-Based Soups and Stews to Share*. Kansas, Andrews McMeel Publishing, 311 p.

References

- Aki E. 2018. *Flavors of Africa: Discover Authentic Family Recipes from All Over the Continent*. San Francisco, Page Street Publishing, 248 p.
Baghana J., Voloshina T. G. 2019. The problem of lexical and semantic peculiarities of the Nigerian English. *Revista Dilemas Contemporáneos: Educación, Política y Valores*, VI. Número: Edición Especial. Período: Junio: 106. Available at: <https://dilemascontemporaneoseduccionpoliticayvalores.com/index.php/dilemas/article/view/1392/1753> (accessed: 20 April, 2022).
Blench R. 2014. *The diffusion of cassava in Africa: lexical and other evidence*. Cambridge, Cambridge University Press, 45 p.
Chiadika J. 2019. *Nigerian Cuisines: A Historical Compilation of Mouthwatering Traditional Delicacies from Hausa, Yoruba and Igbo Ethnicities*. Bloomington, iUniverse, 84 p.
Donatus T. 2022. *Key points on The Nigerian people and Cultures*. Cambridge, Cambridge University Press, 21 p.
Drake W. 2018. *Understanding Nigerian Culture Through American Eyes (Understanding World Cultures Through American Eyes Book 2)*. Hofstede, Cultural Dimensions Press, 72 p.
Gade D. 2002. Names for *Manihot esculenta*: Geographical Variations and Lexical Clarification. *Journal of Latin American Geography*, 1(1): 43–57.
Klein C. 2017. *Handbook on Cassava: Production, Potential Uses, and Recent Advances*. Series: Plant Science Research and Practices. New York, Nova Science Publishers, 428 p.
Verhaar J.W.M. 2012. *Asas-Asas Linguistik Umum*. Yogyakarta, Gadjah Mada University Press, 412 p.
Voloshina T.G., Koch K.I., Rodina L.I., Ostapova LY., Bocharova E.A. 2019. Peculiarities de interferencia en el periodo de la globalización. *Revista Dilemas Contemporáneos: Educación, Política y Valores*, VI. Número: Edición Especial. Período: Junio: 148. Available at: <https://dilemascontemporaneoseduccionpoliticayvalores.com/index.php/dilemas/article/view/1455/1794> (accessed: 12 April, 2022).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 15.08.2022

Поступила после рецензирования 19.10.2022

Принята к публикации 30.10.2022

Received 15 August 15, 2022

Revised October 19, 2022

Accepted October 30, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Волошина Татьяна Геннадьевна, доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры второго иностранного языка института межкультурной коммуникации и международных отношений, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Глебова Яна Андреевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры второго иностранного языка института межкультурной коммуникации и международных отношений, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tatyana G. Voloshina, Doctor of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of the Second Foreign Language of the Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Yana A. Glebova, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of the Second Foreign Language of the Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

УДК 811.161.1

DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-4-715-724

Существительные с суффиксоидами -ман, -фил, -люб и -фоб в современном русском языке (на материале Национального корпуса русского языка)

Демичева Ю.В.

Кубанский государственный технологический университет,
Россия, 350072, г. Краснодар, ул. Московская, 2А
E-mail: yulchen77@mail.ru

Аннотация. При изучении семантического единства «любовь – равнодушие – ненависть» в русском языке выявлено наличие существительных, обозначающих людей, проявляющих соответствующее чувство к чему-либо – любителей, ненавистников и равнодушных. Эти существительные образованы при помощи суффиксоидов *-ман*, *-фил*, *-люб* и *-фоб*. Автором произведен анализ существительных с данными суффиксоидами из Национального корпуса русского языка за последние 30 лет. Подтверждена высокая продуктивность всех данных суффиксоидов, однако лексемы с суффиксоидами *-люб* и *-фоб* менее склонны закрепляться в узусе. Для каждой из четырех групп суффиксоидов выявлены наиболее частотные значения и наиболее частотные объекты любви или ненависти. Проанализирована распространенность и частотность соответствующих феминитивов с суффиксом *-к(а)* и их асимметрия в распределении по группам. Выявлена специфика суффиксоидов *-ман*, *-фил*, *-люб* и *-фоб* в их соотносительности с семантическими вариантами любви и ненависти.

Ключевые слова: суффиксоиды, любовь, ненависть, Национальный корпус русского языка, семантическое единство, окказионализмы, имена лиц

Для цитирования: Демичева Ю.В. 2022. Существительные с суффиксоидами -ман, -фил, -люб и -фоб в современном русском языке (на материале Национального корпуса русского языка). Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 41(4): 715–724. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-4-715-724

Nouns with Suffixoids *-man*, *-fil*, *-lyub* and *-fob* in the Contemporary Russian language (On the Basis of Russian National Corpus)

Yuliya V. Demicheva

Kuban State Technological University
2A Moskovskaya St, Krasnodar 350072, Russia
E-mail: yulchen77@mail.ru

Abstract. In studying of the semantic unity ‘love-indifference-hate’ in the Russian language, there was shown the presence of nouns denoting people showing a corresponding feeling for something – lovers, haters and the indifferent ones, including those formed with the help of suffixoids *-man*, *-fil*, *-lyub* and *-fob*. The article analyzes nouns with these suffixoids in Russian National Corpus over the past 30 years. High productivity of all these suffixoids is confirmed. It is noticed that the lexemes with suffixoids *-lyub* and *-fob* are less inclined to enter the usage. For each of the four groups of the suffixoids, the most frequent meanings and the most frequent objects of love or hate are identified. The prevalence and frequency of the corresponding femininitives with the suffix *-k(a)* and their asymmetry in the distribution by groups are analyzed. The femininitives’ representation in the corpus is rather weak comparing to

masculinitives (the only exception being *nimfomanka*). The specificity of the suffixoids *-man*, *-fil*, *-lyub* and *-fob* in their correlation with the semantic variants of love and hate is revealed.

Key words: suffixoids, love, hate, Russian National Corpus, semantic unity, occasionalisms, nomina agentis

For citation: Demicheva Y.V. 2022. Nouns with Suffixoids *-man*, *-fil*, *-lyub* and *-fob* in the Contemporary Russian language (On the Basis of Russian National Corpus). Issues in Journalism, Education, Linguistics, 41(4): 715–724 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-4-715-724

Введение

В контексте взаимосвязей языка и культуры одной из центральных единиц исследования признается лингвокультурный концепт – многоуровневое ментальное образование, лежащее в сознании, языке и культуре [Воркачев, 2014]. В ходе развития отечественной лингвоконцептологии как ответвления лингвокультурологии закономерно произошло выделение укрупненных, гиперонимических единиц, в границах которых изучаются как сами концепты, так и их семантические противочлены – «антиконцепты». Так в круг объектов исследования вошли «концептуальная оппозиция», «концептуальная диада», «градиент-концепт» и т.п. [Воркачев, 2010]. Можно утверждать, что все эти новообразования являются более узкими вариациями одного и того же понятия – семантического единства [Сабадашова, 2012; Сиротина, 2020].

В случае бинарного способа организации семантическое единство (СЕ) состоит из пары «концепт – антиконцепт». При включении в состав СЕ третьей, «нейтральной» точки его структура усложнится: семантический бинер становится семантической триадой [Воркачев, 2022].

Изучение лексем, при помощи которых в русском языке выражается СЕ «любовь – равнодушие – ненависть», в частности демонстрирует присутствие существительных, обозначающих людей, которые проявляют к чему-либо соответствующее чувство – любителей, ненавистников и равнодушных. Они образованы по разным моделям; в их числе встречаются и лексемы с суффиксоидами *-ман*, *-фил*, *-люб* и *-фоб*, семантика которых отсылает именно к любви и ненависти в их различных семантических вариантах. У нейтрального полюса СЕ – равнодушия – суффиксоидов с подобной семантикой не обнаружено [Демичева, 2021б].

Суффиксоиды являются подвидом аффиксоидов – морфем, занимающих промежуточное положение между корневыми и аффиксальными морфемами (впрочем, это определение является дискуссионным [Жданова, 2019, 2020]). Аффиксоиды сохраняют свои смысловые связи с однокоренными словами; при этом существует возможность их замены синонимичным суффиксом [Волкова, Драчева, 2020]. Способность присоединяться к свободным корням и прозрачность семантики аффиксоидов позволяет легко членить сложные слова и способствует появлению новообразований [Мельникова, Гапонова, 2020]. Отмечается, что вышеназванные четыре суффиксоида активно применяются при образовании неологизмов [Щеникова, 2017; Плотникова, 2017; Ярошенко, 2021]. При этом в современном русском языке суффиксоиды *-люб* и *-ман* относят к высокопродуктивным аффиксоидам, а *-фил* и *-фоб* – к малопродуктивным [Минеева, 2017]. Данные суффиксоиды активно используются и в неологизмах последнего времени, связанных с коронавирусной инфекцией [Буцева, Зеленин, 2021; Лановая, 2021; Минеева, 2021], причем в данных композитах происходит семантическое сближение антонимических суффиксоидов [Дягилева, 2021].

В вышеупомянутом исследовании лексических средств выражения СЕ «любовь – равнодушие – ненависть» нами не использовались словари новой лексики и другие источники неологизмов. В данной статье мы исследуем обозначающие имена лиц существи-

тельные с данными суффиксоидами, включая феминитивы, образованные при помощи суффикса *-к(а)*, в современном русском языке за последние 30 лет (с 1991 по 2021 гг.) на материале Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Результаты и обсуждение

Первыми мы рассмотрим существительные, связанные с любовью как составляющей семантической триады, с суффиксоидами *-ман*, *-фил* и *-люб*.

Объединив все формы (маскулинитивы, феминитивы и формы мн. ч.) на основании корня и отсортировав по убыванию числа примеров, для суффиксоида *-ман* получим следующие результаты: *наркоман* (1718 примеров), *графоман* (288), *меломан* (207), *киноман* (69), *растаман* (59), *нимфоман* (47), *эротоман* (39), *токсикоман* (28), *балетоман* (26), *англоман* (25), *клептоман* (24), *кофеман* (23), *битломан* (20), *игроман* (17), *мономан* и *пироман* (по 10), *лудоман* (7), *библиоман*, *мореман*, *мариман* и *галломан* (по 6), *опиоман* (5), *фотоман*, *видеоман*, *шпиономан* и *сексоман* (по 4), *кигоман*, *пивоман* и *поттероман* (по 3), *алисоман*, *гигантоман*, *матэман*, *мегаломан*, *франкоман*, *эфироман*, *полинаркоман* и *телеман* (по 2), *альголихеноман*, *аудиокиноман*, *звукман*, *ковроман*, *коктейлеман*, *лже-наркоман*, *твиттероман*, *чаеман*, *французоман*, *элвисоман*, *буниноман*, *кэнономан* и *снейпоман* (по 1).

Всего результаты включают 2 700 примеров, среди которых насчитывается 48 уникальных корней. Отметим, что два феминитива – *наркоманка* и *нимфоманка* – резко опережают все прочие феминитивы по количеству. Только в форме феминитивов встречаются лексемы *буниноманка*, *кэнономанка* и *снейпоманка* (все только по одному разу). Все прочие феминитивы имеют соответствующие маскулинитивы; почти все из них значительно уступают своим мужским коррелятам по частоте. Исключением является лексема *нимфоманка*: количество употреблений ее женской формы в 10 раз выше, чем редкой мужской. Заметим также, что синонимичные лексемы *мореман* и *мариман* многозначны и, судя по контексту из корпуса, как минимум в части случаев употребляются в значении «моряк», а не «увлеченный морем человек».

По характеру увлечения полученные лексемы можно разделить на следующие семантические группы:

1) лексемы, номинирующие сильно увлеченного чем-либо человека: *битломан*, *поттероман*, *алисоман*, *элвисоман*, *буниноман*, *снейпоман*, *меломан*, *киноман*, *балетоман*, *игроман*, *библиоман*, *видеоман*, *кигоман*, *фотоман*, *телеман*, *аудиокиноман*, *звукман*, *твиттероман*, *ковроман*, *кэнономан*, *мореман*, *мариман*, *растаман* (всего 23);

2) лексемы, номинирующие человека, охваченного болезненным, ненормальным пристрастием к чему-либо: *наркоман*, *графоман*, *эротоман*, *токсикоман*, *клептоман*, *мономан*, *пироман*, *лудоман*, *опиоман*, *шпиономан*, *нимфоман*, *сексоман*, *гигантоман*, *мегаломан*, *эфироман*, *полинаркоман*, *лженаркоман* (17);

3) лексемы, номинирующие человека, предпочитающего определенную пищу или питье: *кофеман*, *пивоман*, *матэман*, *чаеман*, *коктейлеман* (5);

4) лексемы, номинирующие человека, симпатизирующего конкретным этносам или странам: *англоман*, *галломан*, *франкоман*, *французоман* (4);

5) прочее: *альголихеноман* (историзм, обозначающий сторонника гипотезы о том, что в лишайнике присутствуют как водоросли, так и грибы).

Попытаемся выделить в полученных результатах частотное ядро – совокупность наиболее часто употребляющихся лексем. Для этой цели отберем из результатов лексемы, встречающиеся в результатах не менее 10 раз и не менее чем в трех источниках. Разумеется, этот критерий достаточно произволен; однако он позволяет провести разграничение

между узуальной и неuzuальной лексикой в тех случаях, когда само количественное распределение не делает это разграничение очевидным.

При использовании такого критерия к наиболее частотным, общеупотребимым лексемам относятся *наркоман, графоман, меломан, киноман, растаман, нимфоман, эротоман, токсикоман, балетоман, англоман, клептоман, кофеман, битломан, игроман, мономан* и *пироман* (всего 16 лексем). Прочие можно считать достаточно редкими.

Таким образом, наиболее частотны наименования людей, чья увлеченность имеет болезненный характер – они составляют половину частотного ядра; на втором же месте находятся обозначения людей, увлеченных каким-то занятием или субкультурой.

Далее рассмотрим лексем с суффиксоидом *-фил*. Отсортировав результаты из НКРЯ по вышеуказанному шаблону, получим следующие результаты: *славянофил* (396), *педофил* (199), *библиофил* (108), *некрофил* (48), *русофил* (42), *синефил* и *зоофил* (по 21), *германофил* (14), *юдофил* (13), *англофил* (11), *геронтофил* и *франкофил* (по 9), *украинофил* и *пшекофил* (по 6), *москвофил*, *неославянофил* и *полянофил* (по 5), *скандинавофил*, *антропофил*, *американофил*, *кинофил*, *туркофил* и *этнофил* (по 2), *адмиралофил*, *аиллюрофил*, *арахнофил*, *аудиофил*, *бабкофил*, *бабофил*, *балтофил*, *березофил*, *велофил*, *вагнерофил*, *гайдарофил*, *грекофил*, *драконофил*, *женофил*, *зайцефил*, *италофил*, *картофелефил*, *книгофил*, *ксенофил*, *лизофил*, *манхэттенфил*, *мелогомофил*, *музеефил*, *норвегофил*, *операфил*, *полонофил*, *путинофил*, *россиефил*, *сексофил*, *советофил*, *сталинофил*, *таганофил*, *тюркофил*, *шрэкофил*, *урбанофил*, *фотофил* и *чилефил* (по 1).

Всего результаты включают 967 примеров, среди которых насчитывается 60 уникальных корней. Отметим, что все феминитивы из этой группы имеют свои мужские корреляты. Также стоит заметить, что лексема *славянофил* имеет несколько значений, однако мы сочли возможным не разделять при подсчетах соответствующие примеры.

По объекту и характеру увлечения полученные лексеммы можно разделить на следующие семантические группы:

1) лексеммы, номинирующие человека, симпатизирующего конкретным этносам или странам: *славянофил, русофил, германофил, юдофил, англофил, франкофил, украинофил, пшекофил, москвофил* (историзм, обозначавший сторонников сближения с Россией), *неославянофил, скандинавофил, американофил, туркофил, этнофил, балтофил, грекофил, италофил, ксенофил, норвегофил, полонофил, россиефил, советофил, тюркофил, чилефил* (всего 24);

2) лексеммы, номинирующие человека, сильно увлеченного каким-либо занятием или поклонника чьего-то творчества: *библиофил, синефил, кинофил, аудиофил, велофил, вагнерофил, гайдарофил, книгофил, музеефил, операфил, шрэкофил, фотофил, лизофил, мелогомофил* (окказионализм со значением «гомосексуальный меломан») (14);

3) лексеммы, номинирующие человека, симпатизирующего растениям или животным: *аиллюрофил, арахнофил, драконофил, зайцефил, березофил, картофелефил* (6);

4) лексеммы, номинирующие человека, охваченного болезненным, ненормальным пристрастием к чему-либо: *педофил, некрофил, геронтофил, зоофил, бабкофил* (5);

5) лексеммы, номинирующие человека, предпочитающего конкретные места: *манхэттенфил, таганофил, урбанофил, полянофил* (4);

6) лексеммы, номинирующие человека, симпатизирующего конкретным людям (но не их творчеству): *путинофил, сталинофил, адмиралофил* (в контексте – поклонник адмирала А. Колчака) (3);

7) лексеммы, номинирующие человека с определенным половым поведением: *бабофил, женофил* (2);

8) прочее: *антропофил, сексофил* (2).

Применив вышеописанный критерий частотности, получим следующее частотное ядро: *славянофил, педофил, библиофил, некрофил, русофил, синефил, зоофил, германофил, юдофил* и *англофил* (всего 10 лексем). Половина образующих его лексем относятся к но-

минаторам лиц, симпатизирующим определенным этносам; три лексемы обозначают лиц, охваченных болезненным пристрастием.

Наконец, рассмотрим лексемы с суффиксоидом *-люб*. Отсортировав результаты из НКРЯ по вышеуказанному шаблону, получим следующие результаты: *однолюб* (75), *жизнелюб* (57), *правдолюб* (33), *человеколюб* и *кинолюб* (по 6), *душелюб* (5), *драконолюб*, *звездолюб* и *себялюб* (по 4), *свободолюб*, *мухолюб* и *баболюб* (по 3), *людолюб*, *собаколюб*, *птицелюб*, *пушкинолюб* и *шолохолюб* (по 2), *американолюб*, *бандитолюб*, *библиолюб*, *булгаковолюб*, *винолюб*, *вудхазолюб*, *высоцколюб*, *гнилолюб*, *геелюб*, *дармолюб*, *двулюб*, *дружелюб*, *зверолюб*, *кошколюб*, *кофелюб*, *китаелюб*, *лесолюб*, *многолюб*, *мужелюб*, *меринолюб*, *овощелюб*, *поэтолюб*, *пиволюб*, *пинолюб*, *президентолюб*, *сержелюб*, *сиренелюб*, *синолюб*, *славянолюб*, *старолюб*, *тараканолюб*, *трудолюб*, *цифролюб*, *цветолюб*, *чаелюб*, *хармсолюб* (по 1).

Всего результаты включают 239 примеров, в них насчитывается 53 уникальных корня. В самом списке единственным феминитивом, не имеющим мужской формы, является лексема *булгаковолюбка*.

По характеру и объекту увлечения полученные лексемы можно разделить на следующие семантические группы:

1) лексемы, номинирующие человека, симпатизирующего растениям или животным: *собаколюб*, *птицелюб*, *зверолюб*, *кошколюб*, *пинолюб*, *сиренелюб*, *тараканолюб*, *меринолюб*, *драконолюб*, *мухолюб*, *цветолюб* (11);

2) лексемы, номинирующие сильно увлеченного каким-то занятием или поклонника чьего-либо творчества: *кинолюб*, *пушкинолюб*, *шолохолюб*, *библиолюб*, *хармсолюб*, *вудхазолюб*, *высоцколюб* (5);

3) лексемы, номинирующие человека согласно характеру его любви в половом аспекте: *однолюб*, *баболюб*, *многолюб*, *мужелюб*, *двулюб* (5);

4) лексемы, номинирующие человека, предпочитающего определенную пищу или питье: *винолюб*, *кофелюб*, *овощелюб*, *пиволюб*, *чаелюб* (5);

5) лексемы, номинирующие человека, симпатизирующего конкретным этносам или странам: *американолюб*, *китаелюб*, *славянолюб*, *синолюб* (4);

6) лексемы, номинирующие человека, симпатизирующего определенной группе людей: *поэтолюб*, *бандитолюб*, *геелюб* (3);

7) лексемы, номинирующие человека, любящего людей вообще: *человеколюб*, *людолюб* (2);

8) прочее: *жизнелюб*, *правдолюб*, *душелюб*, *звездолюб*, *себялюб*, *свободолюб*, *гнилолюб*, *дармолюб*, *дружелюб*, *лесолюб*, *президентолюб*, *сержелюб*, *старолюб*, *трудолюб*, *цифролюб* (15).

В данном случае мы видим очевидную выделенность частотного ядра. Его составят три лексемы: *однолюб*, *жизнелюб* и *правдолюб*. Отметим присутствие «этнической» группы лексем: в XIX в., когда русский язык активно пополнялся лексемами с суффиксоидами *-ман*, *-фил* и *-фоб*, подобная модель была непродуктивной [Дягилева, 2010].

Далее перейдем к другой составляющей семантической триады – ненависти, и, соответственно, лексемам с суффиксоидом *-фоб*. Отсортировав результаты из НКРЯ по вышеуказанному шаблону, получим следующий список: *русифоб* (95), *ксенофоб* (39), *юдофоб* (26), *гомофоб* (22), *шумофоб* (7), *агорафоб* (5), *аэрофоб*, *женофоб* и *интимифоб* (по 4), *англофоб*, *клаустрофоб*, *полонофоб*, *финофоб*, *японофоб* и *микронекросектопедогомофоб* (по 2), *авиафоб*, *американофоб*, *геронтофоб*, *германофоб*, *гефирофоб*, *гидрофоб*, *иудофоб*, *людофоб*, *микронекрофоб*, *мигрантофоб*, *натофоб*, *пупафоб*, *тевтонофоб*, *франкофоб*, *штрихофоб*, *спектрофоб*, *акрибофоб*, *криоклаустрофоб*, *пелидопартенофоб* и *сидерогомофоб* (по 1).

Всего результаты включают 238 примеров, в которых встречается 35 уникальных корней. Отметим, что среди результатов оказалось очень мало феминитивов: это лексемы *русофобка* и *юдофобка*, обе представленные лишь одним примером употребления.

По характеру и объекту неприязни полученные лексемы можно разделить на следующие семантические группы:

1) лексемы, номинирующие человека, подверженного болезненному страху перед чем-либо: *интимофоб*, *геронтофоб*, *агорафоб*, *клаустрофоб*, *гидрофоб*, *гефирофоб*, *авиафоб*, *аэрофоб*, *акрибофоб*, *спектрофоб*, *криоклаустрофоб*, *пелидопартенофоб* и *сидерогомофоб* (13);

2) лексемы, номинирующие человека, неприязненно относящегося к конкретным этносам или странам: *русофоб*, *ксенофоб*, *юдофоб*, *англофоб*, *полонофоб*, *финофоб*, *японофоб*, *американофоб*, *германофоб*, *иудофоб*, *тевтонофоб* и *франкофоб* (12);

3) лексемы, номинирующие человека, неприязненно относящегося к группам людей: *гомофоб*, *женофоб*, *мигрантофоб*, *пупафоб* (неологизм из фантастического произведения В. Пелевина) (5);

4) прочее: *микронекросектопедогомофоб*, *микронекрофоб*, *натофоб*, *итрихофоб*, *людодфоб*, *шумофоб* (от фамилии «Шумахер») (5).

Здесь, как и в случае с суффиксоидом *-люб*, нет смысла применять частотный критерий для определения частотного ядра (впрочем, результат получается тем же, что и с его применением). К ядерным лексемам относятся *русофоб*, *ксенофоб*, *юдофоб* и *гомофоб*. Таким образом, среди них преобладают лексемы, номинирующие человека, неприязненно относящегося к конкретным этносам или странам.

После исследования каждой из четырех групп лексем можно перейти к их сравнительному анализу. Хотя общая частота лексем с суффиксоидом *-ман* в разы превышает частоты лексем с другими суффиксоидами, количество уникальных корней приблизительно одинаково в трех группах, несколько уменьшаясь только в случае лексем с суффиксоидом *-фоб*. Таким образом, хотя заимствованные суффиксоиды *-ман* и *-фил* потеснили русский суффиксоид *-люб* [Petrukhina, 2017], лексемы с ними сосуществуют и распределяются по разным семантическим группам. При этом в группах *-ман* и *-фил* в несколько раз больше высокочастотных корней, что позволяет предположить, что суффиксоиды *-люб* и *-фоб* все же менее склонны продуцировать закрепляющиеся в узусе лексемы.

По результатам анализа вышеприведенных групп лексем можно утверждать, что лексемы с суффиксоидом *-ман* преимущественно используются для выражения сильной увлеченности человека чем- или кем-либо, а также болезненной привязанности, с суффиксоидом *-фил* – симпатии к этносу или стране и сильной увлеченности чем- или кем-либо, с суффиксоидом *-люб* – симпатии к растениям или животным и характер любви в половом аспекте, а с суффиксоидом *-фоб* – болезненного страха перед чем-либо и неприязни к этносу или стране.

Далее рассмотрим корни, представленные среди лексем с исследуемыми суффиксоидами.

Всего в результатах представлено 172 уникальных корня. Корней, представленных среди лексем со всеми суффиксоидами, в корпусе не обнаружено. Корнями, представленными среди лексем со всеми суффиксоидами, выражающими приязнь, являются корни *кино-* и *библио-*. При этом некоторые корни представлены среди двух групп таких лексем. Для лексем с суффиксоидами *-ман* и *-фил* это корни *англ-*, *франк-*, *книг-*, *секс-* и *фото-*; для лексем с суффиксоидами *-фил* и *-люб* – *американ-*, *баб-* и *славян-*; для лексем с суффиксоидами *-ман* и *-люб* – *кофе-*, *чае-* и *пив-*.

В трех случаях лексеме с суффиксоидом *-фоб* соответствуют две формы с противоположными по смыслу суффиксоидами: *американофобу* противостоит *американофил* и *американолюб*, *англофобу* – *англоман* и *англофил*, *франкофобу* – *франкоман* и *франкофил*. В семи случаях лексеме с суффиксоидом *-фоб* соответствует одна лексема с суффик-

соидом *-фил*: таковы случаи лексем с корнями *рус-*, *ксено-*, *юдо-*, *жен-*, *геронто-*, *герман-* и *полон-*. И лишь в одном случае лексеме с суффиксоидом *-фоб* соответствует лексема с суффиксоидом *-люб*: *людофоб* – *людолюб*.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что общее количество пересечений лексем с данными суффиксоидами по корням невелико: лишь 15 корней из 172 (менее 10 %) представлены в лексемах из двух и более групп.

Корневая синонимия в результатах представлена следующими случаями: это *кино-*, *сине-* и *синема-*, *галл-*, *франк-* и *француз-*, *люд-*, *человек-* и *антропо-*, *книг-* и *библио-*, *жен-* и *баб-*, *юдо-* и *иуд-*, *герман-* и *тевтон-*.

Композиты с несколькими корнями в корпусе также нечасты: это неузualmente лексемы *альголихеноман*, *аудиокиноман*, *мелогомофил*, *криоклаустрофоб*, *пелидопарте-нофоб*, *сидерогомофоб*, *микронекрофоб* и *микронекросектопедогомофоб*.

Объектами увлечения, обозначенным в высокочастотных лексемах с суффиксоидами, является творчество группы «Битлз», музыка, кино, балет и игры, а также растафарианская субкультура. Болезненными пристрастиями, на которые указывается в высокочастотных лексемах, являются страсть к употреблению наркотических веществ, к писательству, воровству, поджогам, одержимость одной идеей, а также отклонения в половом поведении. Чаще всего объектом симпатии к этносам и странам служат англичане, французы, немцы, русские, евреи, украинцы и славяне в целом; главные же объекты неприязни – это русские и евреи (или соответствующие государства).

Асимметрия ярко проявляется в распределении феминитивов по группам: 16 феминитивов с уникальными корнями выявлено среди лексем с суффиксоидом *-ман*, 7 – среди лексем с суффиксоидом *-фил*, 5 – среди лексем с суффиксоидом *-люб* и лишь 2 – среди лексем с суффиксоидом *-фоб*.

У лексемы *любовь* выделяется два главных семантических варианта: *любовь 1* указывает на чувство, испытываемое субъектом по отношению к объекту; *любовь 2* – на способность субъекта испытывать удовольствие от реализации некоторой ситуации. Можно различать *любовь 1.1*, в которой господствует желание быть вместе с объектом любви, и *любовь 1.2*, в которой первично желание делать объекту любви добро [Демичева, 2021].

Можно утверждать, что суффиксоид *-ман* в большинстве случаев несет семантику *любви 2* и иногда диффузную семантику, в которой сливаются *любовь 1.2* и *любовь 2* (в случае с симпатией к этносу или стране). Суффиксоид *-фил*, наоборот, чаще всего несет диффузную семантику *любви 1.2* и *любви 2* в случае с симпатией к этносу или стране, а также конкретным людям или людям вообще, а в прочих случаях – семантику *любви 2*. Суффиксоид *-люб* часто указывает на семантику *любви 2* (симпатия к растениям и животным, увлечения, предпочтения пищи и питья), но также и диффузную семантику *любви 1.2* и *любви 2* (симпатия к этносам, странам, людям), и семантику половой *любви 1.1*.

Два семантических варианта лексемы *ненависть* различаются главным образом интенсивностью: *ненависть 1* – это сильное чувство враждебности и неприязни; *ненависть 2* – это ощущаемое субъектом неудовольствие при контакте с объектом; оно связано со стандартным способом взаимодействия с ним [Демичева, 2021a]. Суффиксоид *-фоб*, как представляется, чаще всего несет диффузную семантику, уточняемую в контексте. Семантика, характерная для *ненависти 2*, представлена только группой лексем, обозначающих болезненный страх.

Заключение

По итогам проведенного исследования лексем с суффиксоидами *-ман*, *-фил*, *-люб*, *-фоб* можно сформулировать следующие выводы. Хотя все данные суффиксоиды остаются продуктивными в современном русском языке, суффиксоиды *-люб* и *-фоб* более склонны продуцировать окказионализмы, не закрепляющиеся в узусе. Лексемы с суффиксоидом *-ман* преимущественно используются для выражения сильной увлеченности чем- или кем-

либо и болезненной привязанности, с суффиксоидом *-фил* – симпатии к этносу или стране и сильной увлеченности чем- или кем-либо, с суффиксоидом *-люб* – симпатии к растениям или животным (а также отражают характер любви в половом аспекте), а с суффиксоидом *-фоб* – болезненного страха перед чем-либо и неприязни к этносу или стране. Однако общее количество пересечений лексем с данными суффиксоидами по корням невелико: лишь менее 10 % из них представлены лексемами из двух и более групп. Объектами увлечения, обозначенным в высокочастотных лексемах с суффиксоидами, является различные виды искусства, игры, а также растафарианская субкультура. Наиболее частыми болезненными пристрастиями, на которые указывается в высокочастотных лексемах, являются страсть к употреблению наркотических веществ, к писательству, воровству, поджогам, одержимость одной идеей, а также особенности полового поведения. Чаще всего объектом лексической симпатии к этносам и странам служат англичане, французы, немцы, русские, евреи, украинцы и славяне в целом, а главными объектами неприязни оказываются русские и евреи. Феминитивы с суффиксом *-к(а)* представлены в корпусе заметно слабее своих мужских коррелятов и, как правило, встречаются реже (исключением является высокочастотная лексема *нимфоманка*). Процент феминитивов повышен у лексем с суффиксоидом *-ман* и понижен у лексем с суффиксоидом *-фоб*. Суффиксоиды *-ман* и *-люб* в большинстве случаев несут семантику *любви 2* (свойства субъекта, обычно испытывающего удовольствие от реализации некоторой ситуации), а суффиксоид *-фил*, наоборот, чаще всего несет диффузную семантику *любви 1.2* (желания делать объекту любви добро) и *любви 2*. Суффиксоид *-люб* относительно часто выражает и семантику *половой любви 1.1*. Суффиксоид *-фоб* чаще всего несет диффузную семантику ненависти, уточняемую в контексте. Семантика, характерная для *ненависти 2* (переживаемого субъектом неудовольствия при контакте с объектом), представлена только группой лексем, обозначающих болезненный страх.

Список литературы

- Буцева Т.Н., Зеленин А.В. 2021. Наименования лиц в период коронавирусной пандемии. В кн.: Русский язык коронавирусной эпохи. Под ред. М.Н. Приемышевой. СПб., Институт лингвистических исследований РАН: 162–213.
- Волкова Н.А., Драчева С.И. 2020. Аффиксоиды как морфемы переходного типа. Мир науки, культуры, образования, 4(83): 307–309. DOI: 10.24411/1991-5497-2020-00769.
- Воркачев С.Г. 2010. «Куда ж нам плыть?» – лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития. Язык, коммуникация и социальная среда, 8: 5–27.
- Воркачев С.Г. 2014. Семиотика лингвокультурного концепта и терминосистема лингвокультурной концептологии. Язык, коммуникация и социальная среда, 12: 50–69.
- Воркачев С.Г. 2022. Семантические комплексы в российской антропологической лингвистике: смысловые единства и их составляющие. Научный результат. Серия: Вопросы теоретической и прикладной лингвистики, 8(2): 24–40.
- Демичева Ю.В. 2021а. Семантические варианты концепта «ненависть» в русском и английском языках. Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики, 3: 63–72. DOI: 10.15593/2224-9389/2021.3.6.
- Демичева Ю.В. 2021б. Семантическое единство «любовь-равнодушие-ненависть»: значимостная составляющая. Гуманитарные и юридические исследования, 4: 201–207. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.25.
- Дягилева И.Б. 2010. Сколько шагов от любви до ненависти? (К истории образования сложных слов в русском языке XIX века). Мир русского слова, 1: 41–50.
- Дягилева И.Б. 2021. Исторические параллели: от холеры к коронабесию. В кн.: Русский язык коронавирусной эпохи. Под ред. М.Н. Приемышевой. СПб., Институт лингвистических исследований РАН: 307–321.
- Жданова Е.А. 2019. Словообразовательные неологизмы-существительные в словаре «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века»:

- структурно-семантический и социокультурный аспекты. Дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 265 с.
- Лановая Т.В. 2021. Активные словообразовательные модели русского языка на материале «короналексики». Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология, 3: 51–63.
- Мельникова Е.М., Гапонова Ж.К. 2020. Производные с формантом *-тека* в современном русском языке. Научный диалог, 1: 112–123. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-112-123.
- Минеева З.И. 2017. Сложение с суффиксоидами. Филологические науки. Вопросы теории и практики, 3-3(69): 133–135.
- Минеева З.И. 2021. Неологизмы эпохи пандемии, образованные сложением. В кн.: Под ред. М.Н. Приемышевой. СПб., Институт лингвистических исследований РАН: 388–405.
- Плотникова Л.И. 2017. Лексические новообразования в русском языке: разноаспектный анализ. В кн.: Теория и практика ономастических и дериватологических исследований. Под ред. В.И. Супруна, С.В. Ильясовой. Майкоп, Изд-во «Магарин О.Г.»: 304–324.
- Сабадашова М.Г. 2012. Лексико-фразеологические способы выражения семантического единства «память/забвение» в русском и английском языках. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 18 с.
- Сиротина О.В. 2020. Семантическое единство «надежда/отчаяние»: подходы к исследованию. В кн.: Филологические и социокультурные вопросы науки и образования: сборник материалов V Международной научно-практической очно-заочной конференции, Краснодар, 22 октября 2020 года. Краснодар, Кубанский государственный технологический университет: 360–367.
- Щеникова Е.В. 2017. Неузальные наименования лиц в форумном дискурсе. Научный диалог, 2: 86–99. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-2-86-99.
- Ярошенко Н.А. 2021. Лексико-семантические группы отонимных сложных номинаций лица в русском языке. Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и Психология, 1: 101–116.
- Petrukhina E.V. 2017. Compounds in Russian: cross-language interaction and discrepancies. Cuadernos de Rusística Española, 13: 15–28.

References

- Butseva T.N., Zelenin A.V. 2021. Naimenovaniya lits v period koronavirusnoy pandemii [Names of persons during the coronavirus pandemic]. In: Russkiy yazyk koronavirusnoy epokhi [Russian language of the coronavirus era]. Ed. M.N. Priemysheva. SPb., Publ. Institut lingvisticheskikh issledovaniy RAN: 162–213.
- Volkova N.A., Dracheva S.I. 2020. Old Russian works on the annexation of the north-western lands to the grand duchy of Moscow: the influence of the place of creation of the work on its content. *Mir Nauki, Kul'tury, Obrazovaniya*, 4(83): 307–309. DOI: 10.24411/1991-5497-2020-00769.
- Vorkachev S.G. 2010. "Quo vadis", the Russian "linguistic and cultural conceptology"? *Language, Communication and Social Environment*, 8: 5–27 (in Russian).
- Vorkachev S.G. 2014. Semiotics of the concept in anthropological linguistics and the terminological system of linguocultural conceptology. *Language, Communication and Social Environment*, 12: 50–69 (in Russian).
- Vorkachev S.G. 2022. Semantic complexes in the Russian anthropological linguistics: semantic entities and their components. Research result. *Theoretical and applied linguistics*, 8(2): 24–40 (in Russian). DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-2-0-2.
- Demicheva Yu.V. 2021a. Semantic variants of the concept hatred in the Russian and English languages. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Problemy yazykoznaniiya i pedagogiki*, 3: 63–72 (in Russian). DOI 10.15593/2224-9389/2021.3.6.
- Demicheva Yu.V. 2021b. The semantic unity love – indifference – hate: the meaningful component. *Humanities and Law Research*, 4: 201–207 (in Russian). DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.25.
- Dyagileva I.B. 2010. To the history of the establishment of the compound words in the Russian language of the 19th century. *Mir russkogo slova*, 1: 41–50.
- Dyagileva I. B. 2021. Istoricheskie paralleli: ot kholery k koronabesiyu [Historical Parallels: From Cholera to Coronavirus]. In: Russkiy yazyk koronavirusnoy epokhi [Russian language of the

- coronavirus era]. Ed. M.N. Priemysheva. SPb., Publ. Institut lingvisticheskikh issledovaniy RAN: 307–321.
- Zhdanova E.A. 2020. Derivative neologisms-nouns in the dictionary “New words and meanings. Dictionary-reference book on the materials of the press and literature of the 90s of the XX century”: structural-semantic and socio-cultural aspects. Dis. ... cand. philol. Sciences. Nizhny Novgorod, 265 p. (in Russian).
- Lanovaya T. V. 2021. Active derivational models of the Russian language based on the “corona” vocabulary. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psikhologiya*, 3: 51–63.
- Mel'nikova E.M., Gaponova Zh.K. 2020. Derivatives with formant *-teka* in modern Russian. *Scientific Dialogue*, 1: 112–123 (in Russian). DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-112-123.
- Mineeva Z.I. 2017. Stem-composition with suffixoids. *Philology. Theory & Practice*, 3-3(69): 133–135 (in Russian).
- Mineeva Z.I. 2021. Neologizmy epokhi pandemii, obrazovannye slozheniem [Neologisms of the era of the pandemic, formed by addition]. In: *Russkiy yazyk koronavirusnoy epokhi [Russian language of the coronavirus era]*. Ed. M.N. Priemysheva. SPb., Publ. Institut lingvisticheskikh issledovaniy RAN: 388–405.
- Plotnikova L.I. 2017. Leksicheskie novoobrazovaniya v russkom yazyke: raznoaspektnyy analiz [Lexical neoplasms in the Russian language: a multidimensional analysis]. In: *Teoriya i praktika onomasticheskikh i derivatologicheskikh issledovaniy [Theory and practice of onomastic and derivatological research]*. Ed. V.I. Suprun, S.V. Il'yasova. Maykop, Publ. Magarin O.G.: 304–324.
- Sabadashova M.G. 2012. Leksiko-frazeologicheskie sposoby vyrazheniya semanticheskogo edinstva «pamyat'/zabvenie» v russkom i angliyskom yazykakh [Lexico-phraseological ways of expressing the semantic unity “memory/oblivion” in Russian and English]. Abstract dis. ... cand. philol. Sciences. Volgograd, 18 p.
- Sirotnina O.V. 2020. Semanticheskoe edinstvo «nadezhda/otchayanie»: podkhody k issledovaniyu [Semantic Unity “Hope/Despair”: Research Approaches]. In: *Filologicheskie i sotsiokulturnye voprosy nauki i obrazovaniya [Philological and socio-cultural issues of science and education]*. Collection of materials of the V International scientific and practical part-time conference, Krasnodar October 22, 2020. Krasnodar, Publ. Kubanskiy gosudarstvennyy tekhnologicheskii universitet: 360–367.
- Shchenikova E.V. 2017. Non-usual nominations of person in forum discourse. *Scientific Dialogue*, 2: 86–99 (in Russian). DOI: 10.24224/2227-1295-2017-2-86-99.
- Yaroshenko N.A. 2021. Lexical-semantic groups of Russian compound nominations of person derived from onyms. *Bulletin of Donetsk National University Series D: Philology and Psychology*, 1: 101–116 (in Russian).
- Petrukhina E.V. 2017. Compounds in Russian: cross-language interaction and discrepancies. *Cuadernos de Rusística Española*, 13: 15–28.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 16.08.2022

Received August 16, 2022

Поступила после рецензирования 05.09.2022

Revised September 05, 2022

Принята к публикации 31.11.2022

Accepted October 31, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Демичева Юлия Владимировна, старший преподаватель кафедры иностранных языков № 1 института фундаментальных наук, Кубанский государственный технологический университет, г. Краснодар, Россия

Yuliya V. Demicheva, Senior Lecturer, Department of Foreign Languages No. 1, Institute of Fundamental Sciences, Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia

УДК 81

DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-4-725-732

Фразеомоделирование в свете взаимодействия языка и культуры

Ергазина А.А.

Баишев университет,

030000, Республика Казахстан, г. Актобе, ул. Братьев Жубановых, 302 А

Email: rzinform@gmail.com

Аннотация. Представлено лингвокультурологическое исследование фразеологических единиц, доказывающее их связь с мировидением и культурными установками определенного этноса, с использованием методов анализа и синтеза, аналогии и моделирования, обобщения, систематизации и описания. Выявлено, что образная основа каждого фразеологизма раскрывается путем параллельного анализа имеющих к нему прямое отношение этнологических реалий, а также особых черт, присущих той или иной культуре. Впервые осуществлен анализ фразеологических единиц русского, казахского и английского языков с позиции их моделирования в свете взаимодействия языка и культуры стран, в которых эти языки являются основными на протяжении последних двухсот лет.

Ключевые слова: фразеологическая единица, фразеологизм, идиома, моделирование ФЕ, лингвокультурологические аспекты

Для цитирования: Ергазина А.А. 2022. Фразеомоделирование в свете взаимодействия языка и культуры. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 41(4): 725–732. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-4-725-732

Phrase Modeling in the Light of the Interaction of Language and Culture

Aliya A. Ergazina

S. Baishev Aktobe University

302 A Br. Zhubanov St, Aktobe 030000, Kazakhstan

Email: yergazina1@mail.ru

Abstract. A linguistic and cultural analysis of phraseological units was carried out, proving their connection with the worldview and cultural attitudes of a certain ethnic group, using methods of analysis and synthesis, analogy and modeling, generalization, systematization and description. It is revealed that the figurative basis of each phraseology is revealed by a parallel analysis of ethnological realities directly related to it, as well as special features inherent in a particular culture. For the first time, the analysis of phraseological units of the Russian, Kazakh and English languages from the perspective of their modeling in the light of the interaction of the language and culture of the countries in which these languages have been the main ones for the past two hundred years has been carried out.

Key words: phraseological units, PU, set phrases, idioms, PU modeling, linguoculturological aspects

For citation: Ergazina A.A. 2022. Phrase Modeling in the Light of the Interaction of Language and Culture. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 41(4): 725–732 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-4-725-732

Введение

Стремительно ворвавшийся в нашу жизнь прогресс за последние десятилетия сказался также и на интенсивном развитии фразеологии, что не могло не выдвинуть множество разнообразных проблем. Задачи фразеологии можно рассматривать двояко, когда с одной стороны присутствует описание фразеологического материала, а с другой обозначены набирающие обороты значения сопоставительного изучения фразеологических систем разных языков. Наибольший интерес для изучения мы видим в сопоставительном аспекте системного изучения фразеологии, которому подвергаются фразеологические единицы с однотипной структурой и функцией, а также фразеологизмы с однотипными компонентами.

К одной из серьезных проблем в области языковедения и лингвокультурологии сегодня можно отнести загруженность и перенасыщение практически каждого мирового языка чрезмерным количеством заимствованных слов и выражений, включая слова-паразиты и нецензурные выражения [Болотнов, Болотнова, 2019]. Наряду с данным явлением молодые люди, относящиеся к возрастной категории 18–25 лет, а также представители подростковой среды демонстрируют существенную ограниченность словарного запаса. Засоренность языков стран постсоветского пространства подтверждается и засильем иностранных слов, значение которых не всегда понятно [Алиференко, 2010, с. 83].

Особенно остро проблема встает на территории стран СНГ, где историческое развитие культур и наций осуществлялось в рамках общей программы, по сей день формирующей мировоззрение граждан. Такие сферы, как телевидение, социальные сети, радио, информационные каналы различного направления всё чаще и настойчивее внедряют в устную и письменную речь слоганы и узконаправленную формальную лексику, снижая уровень грамотности [Петрякова, 2018]. Красивый и чистый литературный язык, некогда наполненный правильно выстраиваемыми предложениями, мудрыми изречениями, паремиями и фразеологическими оборотами, утрачивает свою актуальность, уходя в прошлое, что катастрофически замедляет развитие личностных качеств индивидов, становящихся неспособными к воспроизведению мыслительного процесса на уровне устной речи [Само́тик, 2022, с. 194].

Грамотная речь, в недалеком прошлом насаждаемая филологами и лингвистами, кажущаяся сегодня вычурной и излишне напыщенной, подошла к той точке своего развития, когда, по мнению многих специалистов, вопрос её восстановления приобрел форму продолжительного процесса. «Лечению» подлежит не только общий подход к изучению родного языка носителями, но и его фразеологический состав, поскольку фразеологические единицы (ФЕ) в первую очередь способны воплощаться в определенных формах культуры и действовать как субъект языка.

Немаловажным вопросом в свете проблемы данного исследования остается использование ФЕ в дискурсивных практиках в рамках культурологии, так как именно в центре этой науки находится язык, рассматриваемый для каждой отдельной личности как фактор практической жизнедеятельности, так как персональный словарный запас каждого индивида отражает его жизненную философию [Береговская и др., 2004].

Данное исследование опирается на возрастающую в современном мире необходимость осмысления основных принципов взаимодействия языка и культуры в области фразеомоделирования.

Целью настоящего исследования – доказать связь фразеологических единиц с мировоззрением и культурными установками определенного этноса на основе лингвокультурологического анализа.

Объекты и методы

Объектом исследования является ряд особенностей, проявляющихся в процессе фразеомоделирования, рассматриваемого в ракурсе тесного взаимодействия языков и культур. Предметом данного исследования послужат фразеологизмы, взятые для рассмотрения из области лингвокультуры русского и казахского народов, а также англосаксов, фигурирующие в лексиконе представителей вышеназванных наций в течение последних двухсот лет.

Автором были применены такие методы исследования, как метод анализа и синтеза, аналогии и моделирования, метод обобщения, систематизации и описания.

Результаты и их обсуждение

Грамотная, развитая, полноценная устная и письменная речь возможна лишь при соблюдении установленных норм языка. Поставленная устная речь, богатая правильно используемыми речевыми оборотами, эпитетами, сравнениями, метафорами и фразеологическими единицами развивается в процессе её глубокого познания представителями нации в рамках национальной культуры. Так, в 2007 году в Казахстане был запущен культурный проект под названием «Триединство языков народов Казахстана», положивший начало новой языковой политики в стране [Трёхъязычие в Казахстане..., 2015, с. 83-85].

Сегодня к языку любой этнической группы предъявляются высокие культурные и эстетические требования. В своих формах он должен не просто использоваться индивидами как средство общения, но быть развитым, богатым речевыми оборотами, разнонаправленно удовлетворять лексические и когнитивные потребности человечества, включая область применения фразеологических оборотов (идиом).

Лингвистическая наука всегда уделяла внимание вопросу взаимодействия языков народов, проживающих в пределах одной страны, поскольку язык каждой этнической группы, являясь частью её культуры как формы сознания, будучи рассматриваемым в данном ракурсе, в обязательном порядке приобретает кумулятивную функцию, поскольку окружающая действительность приобретает определенные формы в сознании человека, опираясь на бытующие стереотипы. В языковой картине мира, отражающей специфику жизни того или иного народа, особую роль играют фразеологические единицы, в чьем обиходном содержании заключено мировидение культурно-национального характера.

В рамках настоящей статьи мы разделяем фразеологизмы на две большие группы, различаемые по происхождению и характерным особенностям: 1) фразеологические новообразования, возникшие в языках по действующим законам и моделям возникновения фразеологизмов; 2) устойчивые выражения с национально-культурной семантикой, то есть фразеология лингвострановедческого характера.

Сам термин «фразеология» применяется: 1) как название научной дисциплины; 2) совокупность (система) фразеологических оборотов произведений какого-либо писателя; 3) набор бессодержательных фраз (в разговорно-бытовой речи).

Однако изучение научных работ по данной теме (*укажите ссылки на источники*) позволяет сделать вывод о том, что фразеологический статус типов оборотов речи до сих пор не определен, он остаётся спорным. При этом важно отметить, что при выявлении особенностей английских фразеологизмов часто возникает полемика, поэтому, по нашему мнению, данный вопрос остаётся ещё открытым.

Немаловажно выделение четырех главных признаков фразеологизма: 1. Воспроизводимость. 2. Семантическая целостность. 3. Раздельноформленность. 4. Устойчивость. Указанные признаки, в частности, воспроизводимость, целостность, устойчивость фразеологизмов, рассматриваются многими исследователями, но «раздельноформленность» некоторые учёные не выделяют. Это также приводит к мысли, что одни учёные считают главными признаками перечисленные выше, другие – исключают их из списка главных.

При исследовании процесса моделирования фразеологизмов в лингвокультурологическом аспекте следует указать на следующие особенности. В лингвокультурологии уникальность каждого фразеологизма рассматривается исключительно в поле его употребления, так как ФЕ в первую очередь представляет собой «устойчивое» образование [Кунин, 2005, с. 219], значение которого может переосмысливаться со временем. Таким образом, можно утверждать, что данная «устойчивость» обеспечивается фиксированной структурой, в которой отражена та или иная культура. Не теряя данной «устойчивости», фразеологические единицы переходят к потомкам. В дополнение к вышесказанному следует отметить, что данная «устойчивость» в некоторых случаях мешает осознать смысл ФЕ и при необходимости выполнить ее перевод [Karabulatova et al., 2017].

В качестве наименований реалий определенной культуры выступают не только однословные номинативные единицы, но и сочетания двух и более слов, то есть несколькословные номинативные единицы, например: кот наплакал – очень мало, родиться в сорочке – быть счастливым и т. д. Такие устойчивые сочетания слов образуют особые единицы языка – фразеологизмы или фразеологические единицы, которые являются общепринятыми обозначениями реалий, передаются носителями языка из поколения в поколение, хранятся в памяти в готовом виде.

Фразеологизмы являются единицами языка сложными в структурном и семантическом отношении. Однако для большинства из них характерна эквивалентность слову. Другая важная особенность фразеологизмов – воспроизводимость, то есть целостность, имеющий целостное значение, чаще эквивалентный слову.

Образность, экспрессивность и оценочность значения любой ФЕ представляет собой достаточно серьезное направление в анализе фразеологического состава языка, который представляет собой «зеркало», отражающее лингвокультурологическую общность, идентифицирующую национальное самосознание.

Фразеологизмы становятся более понятными в ракурсе познания определенной информации из области страноведения и истории, так как каждая ФЕ, безусловно, отражает и культуру этноса, развивавшуюся в определенных условиях [Vassilenko et al., 2018].

При переводе ФЕ на другой язык могут возникать определенные трудности, вызванные строением её внутренней формы или так называемого наглядного образа, содержащего значимую культурную информацию, понять которую может помочь определение этнореалий, сопровождаемое лингвокультурологическим анализом [Арнольд, 2017]. Так, важнейшим помощником становится кругозор пользователей, позволяющий отыскать аналог того или иного фразеологизма, взятого из другого языка, в своем языке [Белявская, 2010].

Рассмотрим несколько примеров ФЕ в русском языке, которые имеют практически прямые аналоги в казахском и английском языках (табл. 1).

Не все ФЕ, как известно, могут иметь аналог в других языках [Копотев, Стексова, 2016]. Приведем несколько примеров фразеологизмов, распространенных в казахской лингвокультуре, которые не имеют аналога в русском и английском языках. К ним можно отнести те, в основу которых в основном были положены ассоциации, связанные с передвижением (ходьбой) человека, чертами его характера, особенностями быта и уклада жизни (табл. 2).

Относительно данных идиом следует сказать, что отсутствие их аналогов в английском и русском языках обосновано особым укладом жизни кочевников (номадов), к которым относился в недавнем прошлом и казахский народ [Куанышбаева, 2016]. Возникнув более ста лет назад, данные идиомы используются и сегодня, оставаясь актуальными, сохраняя самобытность казахского народа, украшая речь, передавая потомкам жемчужины казахской лингвокультуры [Ходякова, 2015, с. 72]. Следовательно, смысл данных и подобных идиом будет передаваться носителям английского и русского языков посредством пояснительного перевода [Слепович, 2014]. Совершенно в другом ракурсе предстаёт языковая пара «русский язык – английский язык» при передаче смысла русских фра-

зеологических оборотов англоговорящим оппонентам, а также наоборот [Vassilenko et al., 2018]. На сегодняшний день практически каждому русскому фразеологизму подобран его английский эквивалент, и в тех случаях, когда это сделать невозможно, применяется пояснительный перевод.

ФЕ занимают одно из первых мест в плане сложности и трудности перевода. Сложности перевода зачастую обуславливаются как знаниями в области фразеологии, так и распознаванием ФЕ в тексте, ее правильным восприятием [Кунин, 2005]. Перевод ФЕ предполагает собой передачу семантики наряду с экспрессивно-стилистическими функциями ФЕ.

Таблица 1

Table 1

Фразеологические единицы русского языка,
имеющие аналоги в казахском и английском языках
Russian phraseological units possessing analogues in Kazakh and English

ФЕ в русском языке	Аналог на казахском языке с переводом	Аналог на английском языке
Они стоят друг друга = Одного поля ягоды = Той же масти = Два сапога пара	Ағама жеңгем, апама жездем сай = Моему старшему брату па- ра моя невестка, моей сест- ре – зять.	To cut from the same cloth = Вырезать из той же ткани = To deserve each other = Заслужить друг друга = To share common traits Разделять общие черты
Лить слёзы в три ручья	Ағыл-тегіл (еніреп көз жасын көл кып) жылау = слезы бегут из глаз без остановки	To shed bitter tears = Проливать горькие слезы = To bawl one's eyes out = Убить глаза слезами
Как на иголках = как на вулкане = быть крайне обеспокоенным = не находить себе места = метаться как тигр в клетке	Адасқан қаздай = Как заблудившийся гусь	To have no place in the world = Не иметь места в мире = To be beside oneself with worry = Пребывать в состоянии беспок- ойства
Душа не лежит (к чему-то) = Ис- пытывать отвращение, не выно- сить чего-либо	Азар да безер болу = Душа не принимает	to take a scunner = испытывать отвращение
Ясно как Божий день	Айдан (айдай) анық (ашық, айқын) = Луна ясная (от- крытая)	Clear as day = Ясный как день = Sure as eggs is eggs = Абсолютно верно, как то, что яйца — это яйца
Как в воду глядел = Происходить по предсказанному	Айтқаныңыз айдай келді = Предсказанное является как луна	He/she must have second sight = У него/неё должно быть есть второе зрение
Как сыр в масле кататься	Ақ май аузынан ағу = Мас- ло вытекает изо рта	To live in clover = Жить в клеве- ре
Не укладывается в голове	Ақылға сыймау = В уме не помещается	It's just unbelievable! Это просто невероятно!

Таблица 2
 Table 2

ФЕ казахского языка, не имеющие аналогов в русском и английском языках
 Kazakh PhUs possessing no analogues in Russian and English

ФЕ в казахском языке	Перевод
Аяғына тұсау түсу (салу) / Аяғы тұсалу	Быть помолвленным. Букв.: На ноги надеть путы.
Аяғына шаң жұқпау	Непоседливый, самый быстроногий. Букв.: Пыли не приставать к ногам.
Аяғы сұйылып кету	Не получить результата. Букв.: Концу стать жидким.
Аяғы аспаннан салбырап түскен жоқ	Обыкновенный, нормальный. Букв.: Не с небес он спустился.
Ашық ауыз	Ротозей, раззява. Букв.: Открытый рот.
Аштан өліп, көштен қалмау	Не отставать от других. Букв.: Не умирать с голоду и не отставать от кочёвки.
Аш құлақтан тыныш (тыиш) құлақ / Аш тамағым, тыныш құлағым	Во избежание неприятностей. Букв.: Пусть буду голоден, но уши будут спокойны.
Ауыл итінің құйрығы қайқы	Всюду быть первым, ни в чём никому не уступать. Букв.: Говорящему не давать слова, идущему не уступать дорогу

Стоит заметить, что фразеологический перевод зачастую применим к таким группам ФЕ, как (1) интернациональная фразеология, которая как заимствовалась из другого языка, так и возникала у разных народов из исторических, мифологических, литературных источников; (2) национальная основа фразеологии, включающая в себя две группы: а) фразеологические единицы, построенные на едином образе (например, Achilles' heel – ахиллесова пята, слабое, легко уязвимое место); б) фразеологические единицы, имеющие в основе своего построения различные образы (например, a carrot and stick policy – политика "кнута и пряника"; to cast sheep's eyes at smb – смотреть на кого-либо преданно, влюблено, щенячьими глазами), здесь возможны как случаи полного несоответствия метафоричности, устойчивые сравнения (kind as an angel – добрый, как ангел), так и глагольно-именные сочетания (to introduce law – внести законопроект; to voice one's protest – заявить протест).

Заключение

Автором были рассмотрены проблема и специфические особенности моделирования фразеологических оборотов в свете взаимодействия определенного языка и культуры народа его носителя; рассмотрены и подвергнуты сравнению ФЕ, существующие в русском, английском и казахском языках. В лингвокультурологическом аспекте были раскрыты общие вопросы, посвященные возникновению и формированию тех или иных ФЕ (идиом) в вышеупомянутых языках.

Образная основа каждого фразеологизма раскрывается путем параллельного анализа имеющих к нему прямое отношение этнологических реалий, а также особых черт, присущих той или иной культуре. Целесообразным остается и лингвокультурологический анализ ФЕ, безусловно, помогающий осуществить проникновение в национальный характер этноса. Идиоматические или образные выражения способны хранить наследие культуры народов, населяющих нашу планету. Они хранят в себе определенные символы и стереотипы, необходимые для дальнейшей культурной идентификации. Фразеологизмы, как маркированные образчики культуры, существующие внутри такого феномена, как язык, способны раскрыть глубину каждой отдельной лингвокультуры [Гончарова, Плеханова, 2021].

Научная новизна исследования заключается в осуществлении анализа ФЕ, представленных в русском, казахском и английском языках с позиции их моделирования в свете взаимодействия языка и культуры стран, в которых русский, казахский и английский языки являются основными на протяжении последних двухсот лет.

Список источников

- Алефиренко Н.Ф. 2010. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. М., Флинта, Наука, 224 с.
- Арнольд И.В. 2017. Лексикология современного английского языка. М., Флинта, 376 с.
- Большая медицинская энциклопедия. 1980. Под ред. Б.В. Петровского. В 30 томах. М., Советская энциклопедия. Т. 14, 377 с.
- Болотнов А.В., Болотнова Н.С. 2019. Современный русский язык: Лексикология. Фразеология. Лексикография. М., Флинта, 224 с.
- Влавацкая М.В. 2019. Основы лексикологии. Новосибирск, Изд-во НГТУ, 312 с.
- Гончарова Т.В. Плеханова Л.П. 2021. Речевая культура личности. М., Флинта, 240 с.
- Казахский язык. Просто о сложном. 2007–2022. Сайт Татьяна Валяевой. URL: <https://kaztili.kz/index.htm> (дата обращения: 08.01.2022).
- Князев А.А. 2002. Энциклопедический словарь СМИ. М., Издательство КРСУ. URL: <http://www.eartist.narod.ru/text16/069.htm> (дата обращения: 08.01.2022).
- Кунин А.В. 2005. Курс фразеологии современного английского языка. Дубна, Феникс+, 488 с.
- Петрякова А.Г. 2018. Культура речи. М., Флинта, 488 с.
- Самотик Л.Г. 2022. Лексика современного русского языка. М., Флинта, 501 с.
- Слепович В.С. 2014. Перевод (английский – русский) = Translation (English – Russian). Минск, ТетраСистемс, Тетралит, 336 с.
- Ходякова Л.А. 2015. Теория и практика изучения русской фразеологии в полиэтнической школе. М., Московский педагогический государственный университет, 184 с.

Список литературы

- Белявская Е.Г. 2010. Язык в контексте культуры или культурологическая информация в языке? В кн.: Живодействующая связь языка и культуры. Материалы Международной научной конференции, посвященной юбилею доктора филологических наук профессора В.Н. Телия, 1–3 ноября 2010, Москва, Тула. Под ред. М.Л. Ковшовой, Г.В. Токарева. М., Тула, Издательство Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого: 35–40.
- Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках. 2004. Под ред. В.Н. Телия. М., Языки славянских культур, 338 с.
- Копотев М.В., Стексова Т.И. 2016. Исключение как правило: переходные единицы в грамматике и словаре. М., Языки Славянских Культур, 168 с.
- Куанышбаева Г.Б. 2016. Особенности фразеологических оборотов казахского языка. Молодой ученый, 12(116): 1012–1014.
- Телия В.Н. 1996. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., Школа «Языки русской культуры», 288 с.
- Vassilenko A.P., Karabulatova I.S., Vasilishina E.N., Tukaeva R.A., Barabash V.V. 2018. The conceptual sphere of fiction in the russian and english world picture. OPCION, 34(85): 825–839.
- Karabulatova I.S., Vildanov K.S., Zinchenko A.A., Vasilishina E.N., Vassilenko A.P. 2017. Problems of identificative matrices transformation of modern multicultural persons in the variative discourse of electronic informative society identity. Pertanika journal of social sciences and humanities, 25 (July): 1–16.

References

- Belyavskaya E.G. 2010. Yazyk v kontekste kul'tury ili kul'turologicheskaya informatsiya v yazyke? [Language in the context of culture or cultural information in the language?] In: Zhivodeystvuyushchaya svyaz' yazyka i kul'tury [Living connection of language and culture]. Proceedings of the International Scientific Conference dedicated to the anniversary of the Doctor of Philology Professor V.N. Telii, November 1–3, 2010, Moscow, Tula. Eds. M.L. Kovshova,

- G.V. Tokarev. M., Tula, Publ. Tul'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. L.N. Tolstogo: 35–40.
- Kul'turnye sloi vo frazeologizmax i diskursivnykh praktikakh [Cultural layers in phraseological units and discursive practices]. 2004. Ed. V.N. Teliya. M., Publ. Yazyki slavyanskikh kul'tur, 338 p.
- Kopotev M.V., Steksova T.I. 2016. Isklyuchenie kak pravilo: perekhodnye edinity v grammatike i slovare [Exception as a rule: transitional units in grammar and vocabulary]. M., Publ. Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 168 p.
- Kuanyshbaeva G.B. 2016. Osobennosti frazeologicheskikh oborotov kazakhskogo yazyka [Features of phraseological units of the Kazakh language]. *Young Scientist*, 12 (116): 1012–1014.
- Teliya V.N. 1996. Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokulturologicheskii aspekty [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguoculturological aspects]. M., Publ. Shkola "Yazyki russkoy kul'tury", 288 p. Available at: <https://superlinguist.ru/russkii-iazyk-skachat-knigi-besplatno/teliya-v-n-russkaia-frazeologiya-semanticheskii-pragmaticheskii-i-lingvokulturologicheskii-aspekty.html> (accessed: 2022).
- Vassilenko A.P., Karabulatoва I.S., Vasilishina E.N., Tukaeva R.A., Barabash V.V. 2018. The conceptual sphere of fiction in the russian and english world picture. *Opcion*, 34(85): 825–839.
- Karabulatoва I.S., Vildanov K.S., Zinchenko A.A., Vasilishina E.N., Vassilenko A.P. 2017. Problems of identificative matrices transformation of modern multicultural persons in the variative discourse of electronic informative society identity. *Pertanika journal of social sciences and humanities*, 25: 1–16.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interests: no potential conflict of interest related to this article has been reported.

Поступила в редакцию 19.08.2022.

Поступила после рецензирования 19.10.2022.

Принята к публикации 05.12.2022.

Received August 19, 2022.

Revised October 19, 2022.

Accepted December 5, 2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ергазина Алия Абдирамановна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и литературы, Байшев университет, г. Актобе, Казахстан.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aliya A. Ergazina, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Literature, Baishev University, Aktobe, Kazakhstan.

УДК 811.111'221

DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-4-733-746

Репрезентация суггестивной эвиденциальности в политическом массмедийном дискурсе

Козловский Д.В.

Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.,
Россия, 410054, Саратовская область, г. Саратов, ул. Политехническая, д. 77
E-mail: kozlovskydv@yandex.ru

Аннотация. Актуальность исследования определяется значимостью выявления и описания формируемой автором эвиденциальной семантики в процессе передачи информации в рамках дискурсивного эвиденциального контекста, а также недостаточной изученностью эвиденциальности в подобном ракурсе. Цель исследования – определение роли суггестивной эвиденциальности в передаче интенциональной доминанты политического массмедийного дискурса. Применялся лингвосинергетический метод эвиденциального анализа, что позволило выявить добавочную мультимодальную семантику наряду с основным значением эвиденциальности, предполагающим квалификацию источника информации о том или ином событии. Как показали результаты исследования, семантика суггестивной эвиденциальности соответствует мультимодальной семантике, характерной для политического дискурса массмедиа. Сделан вывод, что суггестивная эвиденциальность отражает его интенциональную доминанту, основанную на убеждении и побуждении читателя к действиям, а также представлении фактов в определенном свете. При этом преобладание психологической эвиденциальности (53,8 % примеров) над авторитарной эвиденциальностью (46,2 % примеров) обусловлено более широкой семантикой первого подвида категории, предполагающего воздействие как на область сознания, так и на область подсознания читателя, в отличие от авторитарного подвида, характеризующегося категоричным и императивным воздействием автора на сознание конечного адресата.

Ключевые слова: политический дискурс, суггестивная эвиденциальность, авторитарная эвиденциальность, психологическая эвиденциальность, автор, читатель, лингвосинергетика

Для цитирования: Козловский Д.В. 2022. Репрезентация суггестивной эвиденциальности в политическом массмедийном дискурсе. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 41(4): 733–746. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-4-733-746

Representation of Suggestive Evidentiality in Political Mass Media-Discourse

Dmitry V. Kozlovsky

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov
77 Polytechnicheskaya St, Saratov 410054, Russia
E-mail: kozlovskydv@yandex.ru

Abstract. The relevance of the research is determined by the importance of identifying and describing the evidentiary semantics formed by the author in the process of transmitting information in a discursive evidentiary context, as well as the insufficient study of evidence in this perspective. The purpose of the study is to determine the role of suggestibility in the transmission of deliberate dominance of political discourse in the media. The linguosynergic method of evidential analysis was used, which revealed additional multimodal semantics along with the main meaning of evidence, which suggests the qualification of the source of information about a particular event. As the results of the study show, the semantics of suggestive evidence corresponds to the multimodal semantics characteristic of the political discourse of the media. It was concluded that suggestive evidence reflects their deliberate dominance

based on persuasion and prompting the reader to act, as well as on presenting the facts in a certain light. At the same time, the predominance of psychological evidence (53.8% of examples) over authoritative evidence (46.2% of examples) is due to the broader semantics of the first subspecies of the category, suggesting an impact on both the area of consciousness and the subconscious of the reader, in contrast to the authoritarian subspecies, characterized by the categorical and imperative influence of the author on the consciousness of the final addressee.

Keywords: political discourse, suggestive evidentiality, authoritarian evidentiality, psychological evidence, author, reader, linguosynergetics

For citation: Kozlovsky D.V. 2022. Representation of Suggestive Evidentiality in Political Mass Media-Discourse. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 41(4): 733–746 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-4-733-746

Введение

В русле глобальной цифровизации возрастает важность получения информации о происходящих в мире событиях – она становится значимой и неотъемлемой частью жизни каждого человека. Ведущая роль в реализации данной функции отводится средствам массовой информации, которые не только представляют различные сообщения, но и связаны с трактовкой репрезентируемых сведений. Подобная интерпретация зачастую обладает субъективным характером и обуславливается особенностями языковой культуры, личными воззрениями, убеждениями и ценностями автора, а также идеологической направленностью дискурса [Иванова, 2017]. При этом авторская квалификация информации может осуществляться в явной и скрытой форме посредством языковых маркеров различных модусных категорий и в частности при помощи показателей категории «эвиденциальность» [Squartini, 2008; Peterson, 2010]. Несмотря на большое количество научных исследований, посвященных данной проблематике, работы, связанные с рассмотрением функционирования эвиденциальности в пространстве массмедийного дискурса не столь многочисленны [Клеменова, Кудряшов 2016; Астахова, 2018; Никонова, 2022], в то время как исследования на материале политического дискурса массмедиа практически отсутствуют.

В процессе развертывания дискурса автор обращается к средствам выражения эвиденциальности для оказания соответствующего воздействия на потенциального читателя. Характер подобного воздействия зависит от коммуникативных авторских интенций и жанровых особенностей конкретного дискурса [Nuckolls, Michael, 2012; Söderqvist, 2017]. Значимость спецификации и дифференциации эвиденциальной семантики, формулируемой автором в ходе актуализации информации в контексте того или иного дискурсивного отрывка с целью оказания воздействия на конечного адресата, а также недостаточная изученность эвиденциальности в подобном ракурсе определяют актуальность данного исследования.

Цель настоящей статьи состоит в репрезентации роли суггестивной эвиденциальности в ходе передачи интенциональной доминанты политического медиадискурса. К задачам исследования относятся выявление авторитарного и психологического подвидов суггестивной эвиденциальности, а также определение особенностей выражения обозначенных эвиденциальных подвидов в дискурсивном пространстве.

Объекты и методы исследования

В качестве материала исследования репрезентации выявленных авторитарного и психологического подвидов суггестивной эвиденциальности послужили словарные дефиниции словаря *Longman Dictionary of Contemporary English*, использованные для обоснования значений выявленных эвиденциальных операторов, а также 1000 дискурсивных эвиденциальных контекстов, полученные методом сплошной выборки и взятые из элек-

тронной версии журнала *The Economist*. Данные контексты включают в себя речевой и ситуационный компоненты и описывают определенные политические события, при этом ситуационный компонент содержит описание определенного события, в то время как речевой репрезентирует эвиденциальное высказывание, в подготовительной фазе (профаза) которого находится эвиденциальный оператор, представляющий оценку сведений автором и квалифицирующий источник информации, а исполнительная фаза (эпифаза) конкретизирует, модифицирует либо результирует смысл, выразителем которого выступает профаза [Борботько, 2011]. Тем самым значение конкретного эвиденциального высказывания обусловлено порядком значений, принадлежащих профаза и эпифазе, а интенциональная направленность политического дискурса массмедиа формирует его эвиденциальный ресурс.

Подобный ракурс исследования функционирования эвиденциальности базируется на ее понимании как модусной категории, включающей интерпретацию и коммуникативную оценку сообщения автором наряду с маркировкой источника информации, а также характера передаваемых сведений [Murtagh, 2011; Лунина, 2020]. Эвиденциальность обладает эксплицитным или имплицитным набором лингвистических и паралингвистических языковых средств, включающих модальные слова, глаголы, наречия, прилагательные, существительные и ряд устойчивых словосочетаний. Обозначенные показатели составляют 10 групп операторов модусной категории эвиденциальность: явного указания (*announce, inform, state*), неявного указания (*hint, intimate, mention*), усиления значимости высказывания (*advert, claim, emphasize*), выражения мнения (*accept, believe, idea*), мыслительной деятельности (*contemplate, dream, think*), уверенности в знании (*clear, know, surely*), сомнения (*admit, assume, hesitate*), предчувствия (*expect, forecast, predict*), умственного восприятия (*cite, recall, unforgettable*), а также чувственного восприятия (*hear, feel, see*) [Козловский, 2021, с. 124].

В ходе проведения экспериментального исследования применялся лингвосинергетический метод эвиденциального анализа. Данный метод связан с рассмотрением специфики актуализации эвиденциальности в дискурсивном пространстве в определенной коммуникативной ситуации. Наряду с этим лингвосинергетический метод предполагает изучение особенностей взаимопроникновения и взаимодополнения мультимодальных значений, формируемых в результате синергии различных эвиденциальных операторов и показателей других модусных категорий. В связи с тем, что принцип взаимопроникновения модусных значений принадлежит к профаза, а принцип взаимодополнения – к эпифазе эвиденциального высказывания, первый используется для оказания эксплицитного, директивного авторского воздействия на адресата, а второй применяется в случае необходимости имплицитного, косвенного воздействия. Другими словами, обращение к методу лингвосинергетического эвиденциального анализа предполагает детальное исследование мультимодальных эвиденциальных значений, отражающих прагма-семантическое целое и формируемых при помощи языковых средств в определенных дискурсивных контекстах.

Лингвосинергетический метод также предусматривает рассмотрение итогового объекта эвиденциального воздействия, в качестве которого выступает читатель, интерпретирующий и оценивающий полученную информацию. Важно подчеркнуть, что автор формирует, упорядочивает, направляет и изменяет восприятие сообщения читателем, разграничивая визуальный и вербальный план выражения, а также свою точку зрения и воззрения субъекта коммуникации посредством отстранения от описываемых сведений.

Ввиду того, что указание на источник передаваемой информации принадлежит к числу основополагающих составляющих политического дискурса, релевантность осуществления лингвосинергетического эвиденциального анализа в дискурсивном массмедийном контексте не вызывает сомнений. В связи с тем, что базовая функция модусных категорий заключается в выражении субъективного отношения автора в ходе репрезентации картины действительности, эвиденциальность представляется возможным рассматривать в качестве оценочной дискурсивной постоянной, актуализируемой посредством определенного набора языковых показателей.

Результаты и их обсуждение

Сочетание принципов взаимодополнения и взаимопроникновения модусных смыслов и пересечение мультимодальных значений в рамках развертывания эвиденциального дискурсивного контекста интенсифицирует эффект суггестивного воздействия на конечного адресата (читателя) и обуславливается выбором автором эвиденциальных операторов определенных групп, а также характерными особенностями коммуникативной ситуации [Speas, 2010, с. 130]. Исходя из этого, специфику репрезентации автором тех или иных эвиденциальных значений в процессе раскрытия интенциональной доминанты передаваемого сообщения следует изучать в контексте обращения к различным дискурсам. В рамках настоящей работы рассматривается политический дискурс массмедиа.

Базовой характеристикой, способствующей дифференциации различных дискурсов, является интенциональная доминанта. В своих работах Т.В. Шмелева представляет 5 основных интенций, свойственных медиасфере: «информировать, разъяснить с опорой на анализ и оценки, убеждать, рационально и эмоционально воздействуя, развлекать, привлекать и побуждать» [Шмелева, 2010–2012, с. 43]. Они определяют особенности интерпретации репрезентируемой автором информации, а также маркировку её источника, выступая в качестве инструмента, формирующего итоговое восприятие сведений читателем. Таким образом, интенции играют важнейшую роль в процессе актуализации эвиденциального дискурсивного контекста. Невзирая на несомненную «диффузность» и «гибридизацию» медиажанров, преобладающей интенцией в рамках политического дискурса является стремление автора убедить читателя при помощи рационального и эмоционального воздействия [Шиббаева, 2000]. Указанное положение соответствует точке зрения Л.Р. Дускаевой, выделяющей персуазивные группы жанров «способствующие выработке какой-либо формы поведения у аудитории» [Дускаева, 2014, с. 53].

Следовательно, процесс представления тех или иных эвиденциальных значений напрямую связан с интенциональностью дискурсивного жанра, обуславливающей авторский выбор эвиденциальных операторов в ходе осуществления лингвосинергетического взаимодополнения и взаимопроникновения модусных смыслов. Итогом описываемого процесса становится формирование мультимодальной эвиденциальной семантики, оказывающей влияние на потенциального читателя дискурсивного отрывка. В рамках актуализации эвиденциального высказывания и при помощи определенных эвиденциальных операторов, способствующих созданию необходимой эвиденциальной семантики, автор выполняет стоящие перед ним задачи, продиктованные коммуникативной дискурсивной стратегией. При этом для политического дискурса массмедиа характерна суггестивная стратегия, осуществляемая в случае, когда квалификация и авторская оценка преподносятся в готовой форме и навязываются читателю. Принятие во внимание обозначенной стратегии приводит к формированию особой эвиденциальной семантики в ходе передачи сведений и определения их источника и позволяет говорить о выражении семантики суггестивной эвиденциальности в дискурсивном пространстве политического дискурса массмедиа.

Суггестивная эвиденциальность обусловлена стремлением автора представить информацию как неоспоримый факт, ввиду желания навязать своё мнение, подчинить воле, ввести в заблуждение, сформировать у потенциального читателя иллюзию свободного принятия решения или переложить на него ответственность за происходящие события. Данный вид эвиденциальности связан с обращением автора к различным эмоционально-оценочным и модальным средствам воздействия на адресата, способствующим достижению поставленных коммуникативных целей. Информация об источнике сообщения, а также непосредственно сами сведения интерпретируются автором на основе субъективных факторов.

В зависимости от специфики коммуникативной стратегии исследуемого дискурсивного отрывка представляется возможным выделить 2 подвида суггестивной эвиденциальности: авторитарную и психологическую.

А) *Авторитарная* эвиденциальность отражает ультимативное стремление автора к фактическому и императивному представлению сведений без учёта личностных и психологических характеристик конечного адресата. Репрезентируемые подобным образом сведения могут искажать восприятие действительности, а также ценностные ориентации читателя. Целью обращения автора к семантике авторитарной эвиденциальности может явиться стремление обозначить тот факт, что воспринимаемые сведения находятся за пределами интересов и потребностей адресата, или, напротив, создать иллюзию решения, самостоятельно принятого адресатом, что позволит автору снять с себя ответственность за истинность актуализируемых данных. Рассмотрим следующий пример:

Are sausage rolls and sauvignon blanc really a sacking offence? For Britain's sake, they should be. One reason is that the relentless partying is evidence of Mr Johnson's sense of entitlement, which holds that there is one rule for him and his people and another for everyone else. Double standards at the top tend to corrupt the whole of public life. More important, it raises two other of Mr Johnson's attributes that plague post-Brexit Britain. They are traits the country needs to overcome if it is to thrive [The parable of ..., 2022] / Могут ли булочки с сосисками и совиньон блан явиться весомым поводом для увольнения? Ради блага Британии – да. Одна из причин заключается в том, что неустанные вечеринки доказывают то, что мистер Джонсон считает, что для него и его приближенных существуют одни правила, а для всех остальных – другие. Двойные стандарты руководства развращают всю общественную жизнь. Что еще более важно, это выявляет два других качества г-на Джонсона, которые характерны для Британии в период после брексита. Это черты, которые стране необходимо искоренить, если она хочет процветать. (здесь и далее перевод наш. – Д. К.)

Данный дискурсивный эвиденциальный отрывок представляет собой фрагмент статьи, посвященной оценке деятельности премьер-министра Великобритании Бориса Джонсона (С2).

Семантика непосредственной эвиденциальности выражается при помощи оператора усиления значимости высказывания *for one's sake* / ради чего-либо (*in order to help, improve someone or something [For one's sake, 2022]* / для того, чтобы помочь, улучшить кого-либо или что-либо), репрезентирующего жесткую позицию автора статьи (С1) относительно необходимости отстранения С2 от занимаемой должности; оператора явного указания *reason* / причина (*why something happens, or why someone does something [Reason, 2022]* / почему что-либо происходит или почему кто-то делает что-то) и оператора уверенности в знании *evidence* / доказательство (*facts or signs that show clearly that something exists or is true [Evidence, 2022]* / факты или показатели, которые явно демонстрируют, что что-либо существует или является правдой), используемых для представления доводов С1; оператора выражения мнения *hold* / считать (*to have a particular opinion or belief [Hold, 2022]* / иметь особое мнение либо убеждение) и оператора усиления значимости высказывания *important* / важно (*an important event, decision, problem etc. has a big effect or influence on people's lives or on events in the future [Important, 2022]* / важное событие, решение, проблема и т. д. оказывает большое влияние на жизнь людей или на события в будущем), указывающих на выводной характер передаваемых сведений и подчёркивающего уверенность С1 в их достоверности.

Подобная последовательность употребления эвиденциальных операторов способствует реализации коммуникативной стратегии С1, предполагающей оказание директивного воздействия на восприятие действительности адресатом / читателем (О). Эффект суггестивного воздействия на О усиливается за счёт сочетания эвиденциальной семантики со

значениями других модусных категорий в рамках реализации принципа взаимопроникновения модусных смыслов.

Например, мы можем наблюдать пересечение значений эвиденциальности и эмотивности (*Emt*) в эвиденциальном операторе *for one's sake / ради чего-либо*, демонстрирующего раздражение и эмоциональное напряжение *CI*. Подобного рода семантика также свидетельствует о личной вовлеченности автора в освещаемую тематику, тем самым указывая на субъективный характер транслируемой *O* информации.

Эвиденциальность также пересекается с персуазивностью (*P*) в маркерах *for one's sake / ради чего-либо*, *evidence / доказательство*, а также *important / важно*. При помощи указанных операторов *CI* осуществляет квалификацию передаваемых сведений и их источника, демонстрируя абсолютную уверенность в достоверности приводимых доводов, основывающихся как на подтвержденных фактах, так и на субъективном восприятии действительности и сопутствующих выводах. Тем самым *CI* формирует у читателя схожее отношение к действительности, убеждая последнего в своей правоте.

Таким образом, данный эвиденциальный отрывок представляет эвиденциальную модель (*Evs + Emt + P*), актуализирующую авторитарный подвид суггестивной эвиденциальности. Выявленная мультимодальная семантика соответствует принципам реализации модусных значений в рамках политического дискурса.

Б) В рамках *психологического* подвида суггестивной эвиденциальности автор апеллирует не только к области сознания, но и к подсознанию, эмоциям и чувствам читателя, тем самым осуществляя воздействие на контрольно-регулятивную функцию его психики посредством использования определенных эвиденциальных операторов. Подобный способ воздействия позволяет понизить критичность читательской оценки полученных сведений, а также увеличивает вероятность их дальнейшего использования, нивелируя активное восприятие, подробный логический анализ и квалификацию информации и её источника. К ключевым особенностям данного эвиденциального подвида относится применение автором эвиденциальной семантики, способной вывести читателя из состояния психологического равновесия, а также играть на чувствах адресата. Рассмотрим пример:

How the voting-rights package would escape these realities was never clear. The ten Republican votes needed to surmount a filibuster were never in sight. Neither was the unanimous Democratic support necessary to modify the rules governing the filibuster using a simple majority. Mr Biden seemed to hope that stridency alone would suffice to unblock the bill. On January 11th he gave a speech in Atlanta warning darkly of a Republican plot to "turn the will of the voters into a mere suggestion" [Joe Biden's ..., 2022] / Каким образом законопроект о реформировании избирательного права сможет избежать текущих реалий, никогда не было ясно. Десяти голосов республиканцев, необходимых для принятия законопроекта, никогда не набиралось по итогам голосования. Не было необходимости и в единодушной поддержке демократов, дабы изменить существующие нормы, что позволило бы принять законопроект посредством простого большинства голосов. Байден, по-видимому, надеялся, что одного давления с его стороны будет достаточно, чтобы разблокировать законопроект. 11 января в Атланте он выступил с суровым предостережением о заговоре республиканцев, имеющим своей целью «превратить волю избирателей в простые пожелания».

Настоящий дискурсивный эвиденциальный контекст посвящен обсуждению итогов заседания Сената США, в ходе которого сенаторы в очередной раз заблокировали законопроект о реформировании избирательного права. Как известно, данное обстоятельство связано с тем, что против данного законопроекта решительно выступают республиканцы.

Эвиденциальная семантика анализируемого отрывка передается при помощи оператора уверенности в знании *clear / ясно (impossible to doubt, question, or make a mistake about [Clear, 2022] / невозможно усомниться, задаться вопросом, или ошибиться в чем-либо)*, демонстрирующего уверенность автора (*CI*) в невозможности принятия законопро-

екта и обладающего значением инферентива; оператора явного указания *in sight* / *в наличии* (*near at hand, close to being achieved or realized* [In sight, 2022] / *находиться под рукой, являются достижимым и осуществимым*), указывающего на непосредственное свидетельство *C1* факта отсутствия необходимого количества голосов; оператора сомнения *seem* / *по-видимому* (*to appear to exist or be true, or to have a particular quality* [Seem, 2022] / *казаться правдивым или обладать определенным качеством*) и оператора предчувствия *hope* / *надеяться* (*to want something to happen or be true and to believe that it is possible or likely* [Hope, 2022] / *хотеть, чтобы что-либо произошло или являлось правдой и считать, что это возможно либо вероятно*), выражающих негативное отношение *C1* к попыткам президента США Джо Байдена (*C2*) «продать» законопроект; оператора явного указания *give a speech* / *выступить с речью* (*a talk, especially a formal one about a particular subject, given to a group of people* [Give a speech, 2022] / *выступление, в частности, формальное, на определенную тему перед группой людей*) и оператора усиления значимости высказывания *warn* / *предостерегать* (*to tell someone that something bad or dangerous may happen, so that they can avoid or prevent it* [Warn, 2022] / *говорить кому-либо, что может произойти что-либо плохое или опасное, однако, этого можно избежать или предотвратить*), репрезентирующих попытку *C2* оказать психологическое воздействие на членов Сената.

В исследуемом эвиденциальном дискурсивном контексте автор (*C1*) выстраивает повествование определенным образом, умело оперирует имеющимися данными о существующих трудностях с принятием законопроекта, стремится повысить достоверность информации и её источника, подкрепляя актуализируемые данные цитатой *C2*, взятой из официального выступления президента, и интерпретируя сведения при помощи комбинации эвиденциальных операторов явного указания, сомнения, предчувствия, усиления значимости высказывания и уверенности в знании, тем самым искажая восприятие передаваемой информации потенциальным читателем (*O*). Оказывая воздействие на контрольно-регулятивную функцию сознания *O*, *C1* стремится подчеркнуть безапелляционность приводимых суждений, практически полностью основывающихся на его субъективных предположениях. При этом эвиденциальная семантика дополняется значением иных модусных категорий, что усиливает психологический эффект воздействия на *O*.

Так, в рамках реализации принципа лингвосинергетического взаимодополнения модусных смыслов эвиденциальность дополняется экспрессивностью (*Ex*), выражаемой при помощи показателя *warn darkly* / *сурово предостерегать*, способствующего актуализации субъективной оценки *C2* последствий возможного заговора республиканцев. Наряду с этим эвиденциальность дополняется модальной семантикой (*M*), репрезентируемой маркером *necessary* / *необходимо* и призванной фальсифицировать восприятие действительности *O* за счёт отождествления предположений *C1* с официальной позицией *C2* относительно важности поддержки со стороны демократов. Кроме того, эвиденциальные операторы *clear* / *ясно* и *warn* / *предостерегать* одновременно являются маркерами персуазивности (*P*) и могут использоваться *C1* для того, чтобы аргументировать приведенные ранее доводы о применяемых *C2* методах воздействия на Сенат, а также убедить *O* в недобросовестности избранной *C2* тактики политического давления. Наконец, в анализируемом дискурсивном контексте эвиденциальность сочетается с отрицанием (*D*), выражаемым повторяющимся и следующими друг за другом показателями *never* / *никогда*, а также маркером *neither* / *никакой*, подкрепляющими эффект директивного воздействия на *O*.

Таким образом, настоящий эвиденциальный дискурсивный контекст представляет эвиденциальную модель ($Evs + Ex + M + P + D$) и отражает психологический подвид суггестивной эвиденциальности.

В целом анализ функционирования суггестивной эвиденциальности становится возможным благодаря исследованию представленности эвиденциальных операторов в пространстве политического массмедийного дискурса.

В рамках исследования проанализировано 1000 эвиденциальных дискурсивных контекстов, характеризующихся семантикой суггестивной эвиденциальности. Данный вид категории обладает следующей представленностью эвиденциальных показателей: операторы усиления значимости высказывания (23,2 % примеров), операторы явного указания (2,8 % примеров), операторы уверенности в знании (25,1 % примеров); операторы выражения мнения (8,8 % примеров), операторы предчувствия (17,5 % примеров), операторы чувственного восприятия (1,2 % примеров), операторы неявного указания (2,1 % примеров), операторы сомнения (14,3 % примеров), операторы мыслительной деятельности (3,7 % примеров), операторы умственного восприятия (1,3 % примеров). Полученные данные представлены на рис. 1.

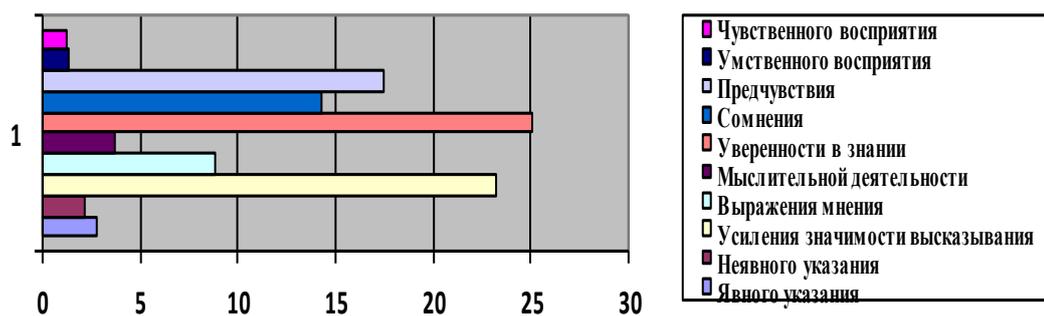

Рис. 1. Группы эвиденциальных операторов, выражающих суггестивную эвиденциальность
 Fig. 1. Groups of evidential operators expressing suggestive evidentiality

Подобная представленность эвиденциальных показателей связана с интенциональной направленностью суггестивной эвиденциальности, связанной с необходимостью оказания категоричного воздействия на читателя в процессе передачи информации и маркировки её источника. Такое воздействие осуществляется при помощи убеждения, побуждения и эмоционального воздействия и предполагает формирования в сознании читателя той или иной картины действительности. В связи с тем, что суггестивная эвиденциальность транслирует эмоции автора и одновременно возбуждает эмоции читателя, что особенно важно для последующего переубеждения и стимулирования последнего к необходимым действиям, автор зачастую стремится акцентировать внимание читателя на сведениях, представляющих для него особую значимость, и отвлечь внимание адресата от информации, способной нанести вред его коммуникативному замыслу. Кроме того, в ходе квалификации и передачи сведений автор может использовать разнообразные психологические приёмы воздействия на читателя с целью установления и поддержания контакта и настраивания собеседника на определенное восприятие сообщения. Такого рода интенциональность исследуемого эвиденциального вида обуславливает предпочтительный выбор операторов, характеризующихся добавочным оценочным и модальным значением, наряду с малым количеством обращений к нейтральным показателям эвиденциальности. Детальный анализ специфики актуализации эвиденциальных операторов вызывает необходимость разграничения подвидов суггестивной эвиденциальности.

Как показал проведенный сопоставительный анализ, в пространстве массмедийного дискурса авторитарная эвиденциальность в большинстве случаев репрезентируется посредством операторов уверенности в знании (35,4 % примеров) и усиления значимости высказывания (35 % примеров), а психологическая эвиденциальность – операторов предчувствия (29,5 % примеров) и сомнения (23,6 % примеров). Данные эвиденциальные подвиды эвиденциальности реже всего выражаются при помощи операторов чувственного

восприятия (1,2 и 1,1 % примеров), умственного восприятия (1 и 1,6 % примеров), неявного указания (1,4 и 2,8 % примеров), явного указания (3,9 и 1,8 % примеров), а также мыслительной деятельности (3,7 % примеров соответственно). Описанные выше данные представлены на рис. 2, 3.

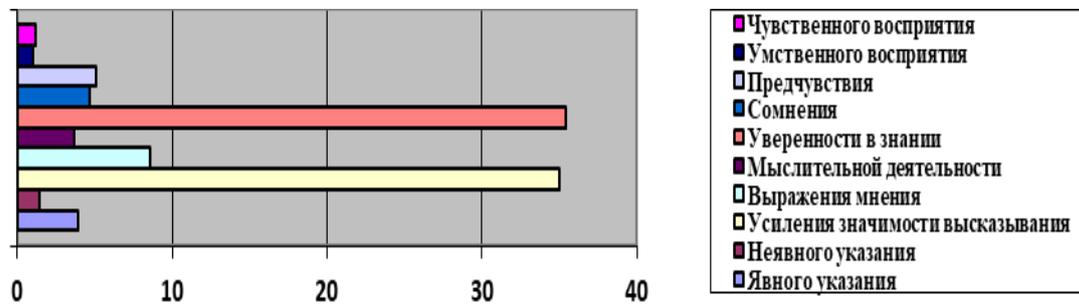

Рис. 2. Группы эвиденциальных операторов, выражающих авторитарную эвиденциальность
Fig. 2. Groups of evidential operators expressing authoritarian evidentiality

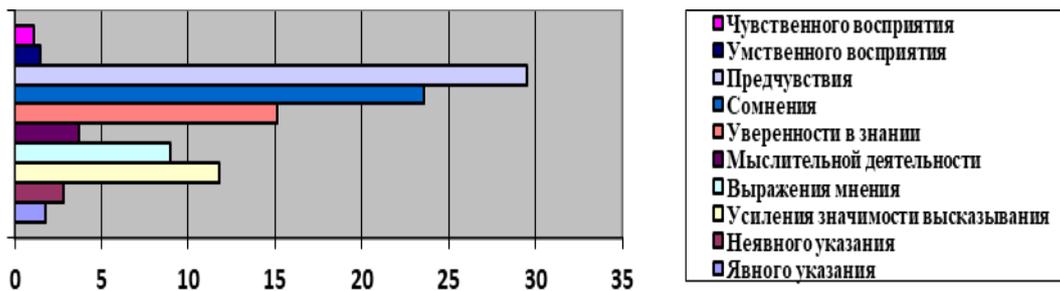

Рис. 3. Группы эвиденциальных операторов, выражающих психологическую эвиденциальность
Fig. 3. Groups of evidential operators expressing psychological evidentiality

Существенные различия в актуализации эвиденциальных операторов связаны с различной интенциональностью авторитарного и психологического подвидов суггестивной эвиденциальности. В случае с авторитарной эвиденциальности суггестивная функция выражена эксплицитно и предполагает директивное воздействие автора на читателя посредством различных языковых стратегий и приёмов, призванных убедить последнего в достоверности передаваемых сведений и их источника, а также модифицировать собственное ему восприятие действительности в интересах нарратора. Реализация данной стратегии обуславливает выбор автором операторов уверенности в знании и усиления значимости высказывания в качестве инструментов воздействия на читателя. В свою очередь, психологическая эвиденциальность выступает в качестве средства репрезентации новой информации посредством воздействия на подсознание читателя и основывается на стремлении автора обеспечить особое эмоциональное и психологическое состояние адресата, вызывая у него сомнения и предугадывая возможное развитие описываемых событий, что приводит к обращению к операторам сомнения и предчувствия в рамках данного эвиденциального подвида. При этом в качестве связующего элемента всей совокупности решений и предпринимаемых автором действий, выступают операторы выражения мне-

ния, обнаруживающие аналогичную представленность в рамках авторитарной и психологической эвиденциальности.

Возникающая в результате функционирования исследуемых эвиденциальных подвидов сложная мультимодальная эвиденциальная семантика обусловила проведение детального лингвосинергетического анализа, способствующего выявлению дополнительных модусных значений (рис. 4).

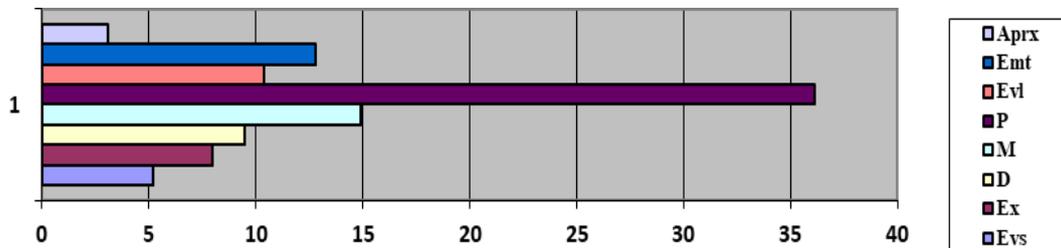

Рис. 4. Реализация мультимодальной семантики суггестивной эвиденциальности
 Fig. 4. Implementation of the multimodal semantics of suggestive evidentiality

Проведенное исследование позволяет утверждать, что приобретение эвиденциальным дискурсивным контекстом дополнительных модусных значений происходит в большинстве случаев (94,8 % примеров). При этом эвиденциальность – *Ev* как правило дополняется персуазивностью – *P* (36,1 % примеров), модальностью – *M* (14,9 % примеров), эмотивностью – *Em* (12,8 % примеров) и оценочностью – *Evl* (10,4 % примеров), что связано с важностью внушения адресату необходимых сведений и оценок, его убеждения и побуждения к выполнению определенных действий в рамках рассматриваемого эвиденциального вида. Специфику подобного воздействия автора на читателя логично рассматривать в контексте авторитарного и психологического подвидов суггестивной эвиденциальности. Особенности формируемой мультимодальной семантики представлена на рис. 5 и 6.

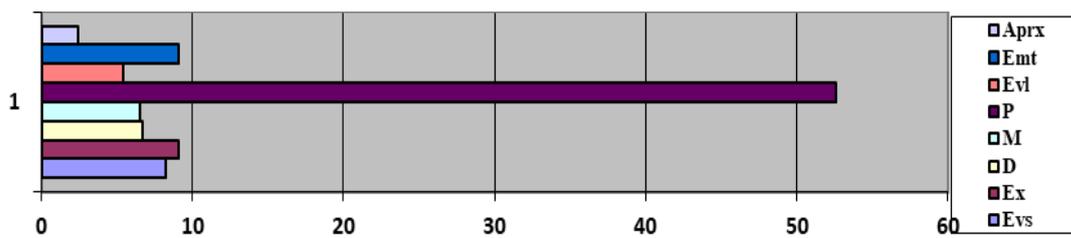

Рис. 5. Реализация полимодальной семантики в рамках авторитарной эвиденциальности
 Fig. 5. Implementation of polymodal semantics within authoritarian evidentiality

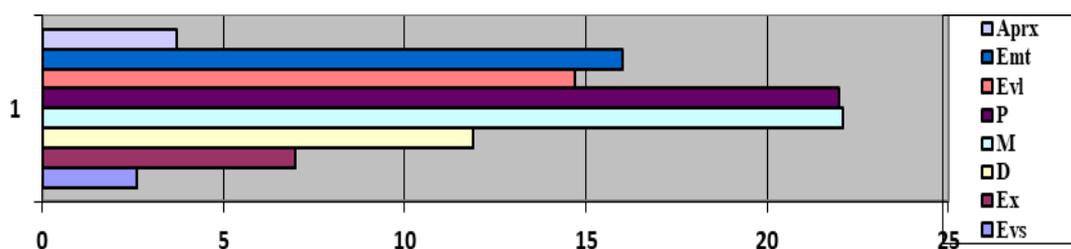

Рис. 6. Реализация полимодальной семантики в рамках психологической эвиденциальности
 Fig. 6. Realization of polymodal semantics within the framework of psychological evidence

Указанные эвиденциальные подвиды характеризуются различной мультимодальной семантикой. Авторитарная эвиденциальность чаще всего приобретает вспомогательное персуазивное значение – *P* (52,6 % примеров), что связано с безапелляционным стремлением автора оказать воздействие на сознание читателя посредством убеждения, а также манипулирования его представлениями и мировоззрением в ходе передачи различного рода сведений. Напротив, психологическая эвиденциальность обладает более широкой семантикой и в равной степени может дополняться семантикой персуазивности – *P* (22 % примеров), модальности – *M* (22,1 % примеров), эмотивности – *Emt* (16 % примеров) и оценочности – *Evl* (14,7 % примеров), что обуславливается иной природой воздействия на область сознания и подсознания читателя и актуализируется посредством различных приемов психологического воздействия, включающих объективное убеждение, субъективную эмоциональность, а также противоречивость субъективного и объективного. В связи с этим применительно к суггестивной эвиденциальности, психологическая эвиденциальность (53,8 % примеров) преобладает над авторитарной эвиденциальностью (46,2 % примеров).

Заключение

В целом проведенное исследование демонстрирует, что в пространстве политического дискурса массмедиа и в ходе передачи информации с учетом коммуникативной направленности рассматриваемого дискурсивного контекста, автор дискурса может обращаться к семантике суггестивной эвиденциальности, выступающей в качестве средства реализации интенциональной доминанты политического дискурса массмедиа. Указанная доминанта связана с необходимостью убеждения и побуждения читателя к определенным действиям, а также представления фактов в необходимом автору дискурсивного контекста ракурсе. При этом значение эвиденциальности не ограничивается выражением указания на источник сведений относительно сообщаемой ситуации, но также включает интерпретацию и модификацию автором информации, что позволяет оказывать желаемое воздействие на читателя посредством случайного/целенаправленного искажения действительности. Тем самым категория «эвиденциальность» выполняет вспомогательную суггестивную функцию, которая в пространстве политического массмедийного дискурса актуализируется посредством авторитарного и психологического подвидов данной категории. Выбор тех или иных эвиденциальных операторов обусловлен стоящими перед автором дискурса целями и оказывается непосредственно связан с контролем подачи информации и формированием оценки, определяющей особенности интерпретации сведений. Такого рода операции с информацией позволяют достичь прагматического эффекта убеждения читателя в достоверности / недостоверности новой либо уже имеющейся информации, вызвать у него необходимую эмоциональную реакцию, а также сформировать у читателя определенное представление об информации и её источнике. Следовательно, суггестивная эвиденциальность предстает как ресурс убеждения и манипулирования в политическом дискурсе массмедиа. При этом реализация интенционального потенциала эвиденциального сообщения вызывает потребность в обращении к добавочным мультимодальным смыслам, способствующим детальной интерпретации информации и её источника. Результатом возникающей синергии модусных смыслов является усиление суггестивного эффекта воздействия на потенциального читателя.

Список источников

- Clear. 2022. In: Longman Dictionary of Contemporary English Online. Available at: <https://www.ldoceonline.com/dictionary/clear> (accessed: June 15, 2022).
Evidence. 2022. In: Longman Dictionary of Contemporary English Online. Available at: <https://www.ldoceonline.com/dictionary/evidence> (accessed: June 15, 2022).
For one's sake. 2022. In: Longman Dictionary of Contemporary English Online. Available at: <https://www.ldoceonline.com/dictionary/for-the-sake-of-somebody-something> (accessed: June 15, 2022).

- Give a speech. 2022. In: Longman Dictionary of Contemporary English Online. URL: <https://www.ldoceonline.com/dictionary/speech> (accessed: June 15, 2022).
- Hold. 2022. In: Longman Dictionary of Contemporary English Online. URL: <https://www.ldoceonline.com/dictionary/hold> (accessed: June 15, 2022).
- Hope. 2022. In: Longman Dictionary of Contemporary English Online. URL: <https://www.ldoceonline.com/dictionary/hope> (accessed: June 15, 2022).
- Important. 2022. In: Longman Dictionary of Contemporary English Online. URL: <https://www.ldoceonline.com/dictionary/important> (accessed: June 15, 2022).
- In sight. 2022. In: Longman Dictionary of Contemporary English Online. URL: <https://www.ldoceonline.com/dictionary/in-sight> (accessed: June 15, 2022).
- Joe Biden's voting rights push is futile. 2022. In: The Economist. URL: <https://www.economist.com/united-states/joe-bidens-voting-rights-push-is-futile-and-misguided/21807230> (accessed: June 15, 2022).
- Reason. 2022. In: Longman Dictionary of Contemporary English Online. URL: <https://www.ldoceonline.com/dictionary/reason> (accessed: June 15, 2022).
- Seem. 2022. In: Longman Dictionary of Contemporary English Online. URL: <https://www.ldoceonline.com/dictionary/seem> (accessed: June 15, 2022).
- The parable of Boris Johnson. 2022. In: The Economist. URL: <https://www.economist.com/leaders/2022/01/22/the-parable-of-boris-johnson> (accessed: June 15, 2022).
- Warn. 2022. In: Longman Dictionary of Contemporary English Online. URL: <https://www.ldoceonline.com/dictionary/warn> (accessed: June 15, 2022).

Список литературы

- Астахова Т.Н. 2018. Корпусное исследование предложных групп с эвиденциальным значением «пересказывательность» в прессе Германии. Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2(16): 48–56. DOI: 10.25205/1818-7935-2018-16-2-48-56.
- Борботько В.Г. 2011. Принципы формирования дискурса: от психолингвистики к лингвосинергетике. М., Либроком, 288 с.
- Дускаева Л.Р. 2014. Журналистский дискурс в аспекте речевых жанров. Жанры речи, 1-2(9-10): 50–57. DOI: 10.18500/2311-0740-2014-1-2-9-10-50-57.
- Иванова С.В. 2017. Дискурсивная адаптация культурно-обусловленных языковых знаков в политическом дискурсе СМИ (на материале политического массмедийного дискурса США). Политическая лингвистика, 1(61): 41–52.
- Клеменова Е.Н., Кудряшов И.А. 2016. Персуазивная функция масс-медийных текстов: эвиденциальность и эпистемическая модальность. Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология, 6(15): 93–99.
- Козловский Д.В. 2021. Особенности взаимодействия модусной категории «эвиденциальность» с категориями «авторизация» и «аппроксимация» в дискурсивном пространстве массмедиа. Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология, 4(27): 122–130. DOI: 10.18287/2542-0445-2021-27-4-122-130.
- Лунина Т.П. 2020. О средствах выражения косвенной эвиденциальности в русском языке. Известия Волгоградского государственного педагогического университета, 5(148): 92–97.
- Никонова Е.А. 2022. Реализация категории эвиденциальности в аналитической статье англоязычной качественной прессы. Научный диалог, 1(11): 67–83. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-1-67-83.
- Шиббаева Л.В. 2000. Жанры в теории и практики журналистики. RELGA, 17(47). URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=1434&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 15.06.2022).
- Шмелева Т.В. 2010-2012. Медийное речеведение. URL: <http://www.novsu.ru/file/1145792> (дата обращения: 15.06.2022).
- Murray S.E. 2011. A Hamblin Semantics for Evidentials. In: Proceedings from Semantics and Linguistic Theory (SALT) XIX (2009). Eds. E. Cormany, S. Ito, D. Lutz. Ithaca, NY, CLC Publications: 324–341.
- Nuckolls J., Michael L. 2012. Evidential strategies in interactional and socio-cultural context. Pragmatics and Society, 3(2): 181–188. DOI: 10.1075/ps.3.2.03int.

- Peterson T. 2010. Epistemic modality and evidentiality in Gitksan at the semantics-pragmatics interface. Vancouver, BC, University of British Columbia, 301 p. DOI: 10.14288/1.0069730.
- Söderqvist E.B. 2017. Evidentiality across age and gender: a corpus-based study of variation in spoken British English. *Research in Corpus Linguistics*, 5: 17–33. DOI: 10.32714/ricl.05.02.
- Speas P. 2010. Evidentials as generalized functional heads. In: *Edges, heads, and projections: Interface properties*. Eds. A.M. Sciallo, V. Hill. Amsterdam, Benjamins: 127–150. DOI: 10.1075/la.156.10spe.
- Squartini M. 2008. Lexical vs. grammatical evidentiality in French and Italian. *Linguistics*, 46–5: 917–947. DOI: 10.1515/LING.2008.030.

References

- Astahova T. N. 2018. A Corpus-Based Study of Prepositional Groups with Evidential Meaning «Reportive Evidentiality» in German Press. *Vestnik Novosibirsk State University. Series: Linguistics and Intercultural Communicati*, 2(16): 48–56 (in Russian). DOI: 10.25205/1818-7935-2018-16-2-48-56.
- Borbot'ko V.G. 2011. Principy formirovaniya diskursa: ot psiholingvistiki k lingvosi-nergetike [Principles of Discourse Formation: From Psycholinguistics to Linguistics Energetics]. M., Publ. Librokom, 288 p.
- Duskaeva L.R. 2014. Speech genres of the journalistic discourse. *Speech Genres*, 1-2(9-10): 50–57 (in Russian). DOI: 10.18500/2311-0740-2014-1-2-9-10-50-57.
- Ivanova S.V. 2017. Functional peculiarities of culturally related lexis in political media discourse. *Political Linguistics*, 1(61): 41–52 (in Russian).
- Klemenova E.N., Kudrjashov I.A. 2016. Mass-media text persuasive function: evidentiality and epistemic modality. *Vestnik Novosibirsk State University. Series: History and Philology*, 6(15): 93–99 (in Russian).
- Kozlovskiy D.V. 2021. The different types of interaction of the modus category of evidentiality with authorization and approximation in the mass media discourse. *Vestnik of Samara University. History, Pedagogics, Philology*, 4(27): 122–130 (in Russian). DOI: 10.18287/2542-0445-2021-27-4-122-130.
- Lunina T.P. 2020. Means of reported evidentiality expression in the Russian language. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 5 (148): 92–97.
- Nikonova E.A. 2022. Implementation of category of evidentiality in analytical article of english-language quality press. *Scientific Dialogue*, 1(11): 67–83 (in Russian). DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-1-67-83.
- Shibaeva L.V. 2000. Zhanry v teorii i praktiki zhurnalistiki [Genres in the theory and practice of journalism]. RELGA, 17(47). URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=1434&level1=main&level2=articles> (accessed: June 15, 2022).
- Shmeleva T.V. 2010-2012. Mediynoe rechevedenie. URL: <http://www.novsu.ru/file/1145792> (accessed: June 15, 2022).
- Murray S.E. 2011. A Hamblin Semantics for Evidentials. In: *Proceedings from Semantics and Linguistic Theory (SALT) XIX (2009)*. Eds. E. Cormany, S. Ito, D. Lutz. Ithaca, NY, CLC Publications: 324–341.
- Nuckolls J., Michael L. 2012. Evidential strategies in interactional and socio-cultural context. *Pragmatics and Society*, 3(2): 181–188. DOI: 10.1075/ps.3.2.03int.
- Peterson T. 2010. Epistemic modality and evidentiality in Gitksan at the semantics-pragmatics interface. Vancouver, BC, University of British Columbia, 301 p. DOI:10.14288/1.0069730.
- Söderqvist E.B. 2017. Evidentiality across age and gender: a corpus-based study of variation in spoken British English. *Research in Corpus Linguistics*, 5: 17–33. DOI: 10.32714/ricl.05.02.
- Speas P. 2010. Evidentials as generalized functional heads. In: *Edges, heads, and projections: Interface properties*. Eds. A.M. Sciallo, V. Hill. Amsterdam, Benjamins: 127–150. DOI:10.1075/la.156.10spe.
- Squartini M. 2008. Lexical vs. grammatical evidentiality in French and Italian. *Linguistics*, 46–5: 917–947. DOI:10.1515/LING.2008.030.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 02.09.2022.
Поступила после рецензирования 19.10.2022.
Принята к публикации 05.12.2022.

Received September 02, 2022.
Revised October 19, 2022.
Accepted December 5, 2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Козловский Дмитрий Валентинович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры переводоведения и межкультурной коммуникации, Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А., г. Саратов, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitry V. Kozlovsky, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Translation Studies and Intercultural Communication of Gagarin, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Saratov, Russia

УДК 81-23

DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-4-747-755

Специфика интерпретации структурно-семантических особенностей фразеологического состава немецкого языка в Австрии

Лазарева Я.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: yana.lazareva.82@inbox.ru

Аннотация. Целью исследования является выявление специфики фразеологической картины мира (на материале австрийского немецкого языка), реализующей особенности современной австрийской гастрономической культуры. Автор анализирует культуру Австрии, а именно выявляет специфику национального гастрономического кода, формирующего национальную картину мира, посредством функционирования в австрийском немецком языке фразеологизмов с компонентом-глуттонимом, являющихся неотъемлемой частью национальной культуры. Практическая часть работы базируется на выявлении наиболее и наименее продуктивных компонентов-глуттонимов в составе австрийских фразеологических единиц, формирующих основу современной лингвокультуры Австрии: к наиболее частотным относятся *Laberl* – ломоть хлеба; *Nudel* – лапша; *Brösel* – блюдо из пшеницы и овсяной муки, *Butter* – масло; к рангу наименее употребляемым в современном австрийском немецком языке принадлежат *Würstel* – колбаса, *Schmarr(e)n* – шмаррен (национальное деликатесное блюдо). Компоненты-глуттонимы в составе фразеологизмов представляют собой необходимый строительный материал, формирующий основу для построения национальной картины мира и развития уникальных характеристик современного австрийского немецкого языка.

Ключевые слова: фразеологизм, культурный код, австрийский немецкий язык, компонент-глуттоним, гастрономический код, фразеологическая картина мира

Для цитирования: Лазарева Я.В. 2022. Специфика интерпретации структурно-семантических особенностей фразеологического состава немецкого языка в Австрии. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 41(4): 747–755. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-4-747-755

Structural and Semantic Components Analysis of Phraseological Composition Peculiarities in Austrian German

Yana V. Lazareva

Belgorod National Research University
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russia
E-mail: yana.lazareva.82@inbox.ru

Abstract. The article is aimed at identifying the specific characteristic features of the phraseological picture of the world (based on the example of the Austrian German language and culture) which implements the features of modern Austrian gastronomic culture. The author analyzes the culture of Austria, namely, reveals the specifics of the national gastronomic code that formulates the national picture of the world through the functioning of phraseological units with the gluttonym component in the Austrian German language, which are taken as an integral part of the national Austrian culture. The practical part of the research work is based on the identification of the most and least productive gluttonym components in the Austrian phraseological units that make the basis of modern linguoculture in Austria: the most frequent are *Laberl* – a slice of bread; *Nudel* – noodles; *Brösel* – a dish of wheat and

oat flour, Butter – butter; in the rank of the least used in modern Austrian German are such gluttonym components as Würstel – sausage, Schmarr(e)n – schmarren (national delicacy dish). In conclusion, the author stresses, gluttonym components are the part of the phraseological units, they are the necessary building material being the necessary element to craete a picture of the world and develop the unique characteristics of the modern Austrian German language.

Keywords: phraseology, cultural code, Austrian German, gluttonym component, gastronomic code, phraseological picture of the world

For citation: Lazareva Ya.V. 2022. Structural and Semantic Components Analysis of Phraseological Composition Peculiarities in Austrian German. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 41(4): 747–755 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-4-747-755

Введение

*Немцы хотят понять австрийцев, но не могут.
Австрийцы могли бы понять немцев, но не хотят.
Франц Грильпарцер*

Цитата известного австрийского драматурга, приведенная в начале нашего исследования, показывает, что представляет собой Австрия в своём национальном своеобразии. Австрия как немецкоязычный регион чётко выражает свою национальную самостоятельность в языковом отношении. «Ценностно-смысловое пространство языка основывается на ориентирах, представляющих собой особые культурологические категории. В поле зрения лингвокультурологии чаще всего попадают следующие типы ценностей:

- *витальные*: жизнь, здоровье, качество жизни, природная среда и др.;
- *социальные*: социальное положение, статус, трудолюбие, богатство, профессия, терпимость, равенство полов и др.;
- *политические*: свобода слова, гражданская свобода, законность, гражданский мир и др.;
- *моральные*: добро, благо, любовь, дружба, долг, честь, порядочность и др.;
- *религиозные*: Бог, божественный закон, вера, спасение и др.;
- *эстетические*: красота, идеал, стиль, гармония» [Алефиренко, 2020, с. 9].

В языке отражается всё разнообразие познавательной деятельности человека, а именно особенности концептуальной картины мира и своеобразие менталитета. Общественный уклад, жизненная позиция, историческая судьба, приобретая символическую интерпретацию, отражают исторические корни ментальности народа. Репрезентация ценностно-смыслового пространства языка того или иного народа без учёта таких выразительных средств языка, как фразеологические единицы, будет не полной. Большинство лингвистов сходятся во мнении, что именно фразеологический состав того или иного языка в полной мере отражает мир чувств и образов, а также духовные и нравственные категории народа.

В нашем исследовании, вслед за И.И. Чернышевой, анализу подвергаются фразеологизмы с позиции структурно-семантического подхода. Целью исследования является выявление структурно-семантических особенностей австрийских фразеологизмов, репрезентирующих специфику пищевого кода, формирующего лингвокультурную картину мира Австрии.

В работе рассматриваются универсалии и уникалии фразеологизмов в структурном аспекте, базируясь на выделении двух типов:

- фразеологизмы, имеющие структуру словосочетания:

1) глагольные фразеологизмы, например: *net auf der Nuddelsuppe dahergeschwommen sein* (не вчера родиться) [Малыгин, 1999, с. 112] соответствует русскому фразеологизму *быть тёртым калачом*;

2) именные фразеологизмы, например: *a gsöchta Haring* (худой человек) [Малыгин, 1994, с. 84] соответствует русскому фразеологизму *худой как вобла*;

– фразеологизмы, имеющие структуру предложения, например: *Besser a Laus im Kraut wie gar kein Fleisch!* (лучше хоть что-нибудь, чем вообще ничего), [Малыгин, 1994, с.112] соответствует русскому фразеологизму *лучше синица в руках, чем журавль в небе*; *tach so kan`n Papp!* (не важничай!, означает *schlechtes Essen* – плохая каша) [Малыгин, 1994, с. 143]. Приведенный фразеологизм характеризует человека, с которым трудно договориться о совместной работе, он соответствует русскому фразеологическому обороту *с тобой каши не сварить*.

Как отмечает отечественный лингвист А.В. Чукшис, «фразеологизмы с гастрономическим компонентом являются важным фрагментом языковой и этнической картин мира австрийцев, характеризуя окружающий мир с позиции австрийского национального мировидения» [Чукшис, 2021, с. 204].

Объекты и методы исследования

Мы рассматриваем фразеологизмы, которые имеют символическую коннотацию этнической картины мира австрийцев, а именно: фразеологические единицы, семантика которых представлена в пространстве гастрономического кода культуры. Рассматривая фразеологию через пищевые образы, мы полагаем, что слова-компоненты фразеологизма репрезентируют ценностно-смысловую гастрокультуру народа, поскольку пищевой код является важнейшим составляющим жизнедеятельности человека. С нашей точки зрения в этом и заключается ценность исследования с позиции лингвокультурологии.

Метод исследования – анализ фразеологизмов с позиции структурно-семантического подхода. В качестве материала исследования послужили работы отечественных и зарубежных лингвистов: В.Т. Малыгина, Д.О. Добровольского, А.И. Домашнева, U. Ammon, анализ которых позволил установить, что национальная культура тесно взаимосвязана с понятием культурного кода, символизирующего морально-нравственные принципы и взгляды народа. Выясняется, что компоненты-глюттотимы, например, такие как *лапша, масло, колбаса* и др., входящие во фразеологический состав языка австрийцев, репрезентируют символические смыслы, которые находят подтверждение в культуре.

Немецкий язык в Австрии: национально-культурный аспект

В трудах таких отечественных и зарубежных исследователей, как Д.О. Добровольский, Л.Б. Копчук, В.Т. Малыгин, А.Д. Райхштейн, В.А. Чукшис, U. Ammon, P. Wiesinger особый интерес вызывают вопросы изучения и анализа диалектно-фразеологического состава языка немецких стран с учётом их национально-культурных реалий. Принято считать, что своеобразную норму, определяющую понятие австрийского варианта немецкого языка, составляют многочисленные вариации его диалектов. Так, например, «диалекты представлены в виде сельских (*Bauernmudarten*) и городских (*Stadtmundarten*) говоров, находящиеся в определенных иерархических взаимоотношениях. Следуя иерархической структуре, над ними обычно располагаются различные формы полудиалектов: городские, областные, территориальные говоры (*Verkehrssprachen*)» [Домашнев, 2005, с. 663]. В своей работе А.В. Чукшис отмечает, что «диалекты, являясь основой становления австрийского национального варианта немецкого языка, представляют собой важные источники исторической и страноведческой информации, нередко они выступают в роли хранителей реликтовых образований, дающих возможность вскрыть древние слои языка, и источников языковых инноваций для обиходно-разговорного и литературного языка» [Чукшис,

Копчук, 2019, с. 223]. Можно сделать вывод, что диалекты являются неотъемлемой частью существования австрийского варианта немецкого языка. Пребывая в состоянии перманентной взаимосвязи, диалекты представляют собой развивающуюся систему австрийской этносоциокультуры. Как отмечает другой исследователь Л.Б. Копчук, «...венский городской диалект оценивается как исходная точка модернизации и выравнивания диалектов» [Копчук, 1997, с. 27]. Венский диалект представляет собой основу австрийского разговорного языка. Обиходно-разговорный язык используют в официальном общении средних и высших слоёв обществ, а также используется в деревнях ремесленниками и в городе служащими банков, юристами, учителями. Более того, «самый высокий уровень разговорного языка представляет собой литературный язык, который является региональной формой реализации литературного языка, называемого Hochdeutsch» [Малыгин, 1999, с. 13].

Как уже отмечалось, Австрия охватывает различные территориальные диалекты, которые отличаются не только языковыми особенностями, но и радиусом их распространения. Австрийские диалекты включают в себя языковые образы, символы и знаки австрийской этнокультуры. А.В. Чукшис отмечает, что «диалектные элементы лежат в основе фразеологизмов, пословиц, форм приветствия и прощания, выражающих складывающиеся веками особенности этнокультуры австрийцев» [Чукшис, 2021, с. 7]. Также в своей работе исследователь обращает внимание на значимость диалекта «как формы существования немецкого языка в Австрии, тем самым подчёркивая национальную идентификацию австрийцев, способствуя сохранить их уникальный культурный код» [Чукшис, 2021, с. 7].

Культура, как известно, является средством репрезентации человеческого сознания, проявляется в языке, в поведении человека, обуславливает его национально-культурную ментальность. В работе отечественного языковеда и лингвокультуролога Н.Ф. Алефиренко акцентируется особое внимание на тот факт, что «культура располагает достаточно большим набором познавательных кодов; но базовым кодом, ядром семиотической системы любой национальной культуры служит, без сомнения, этнический язык, поскольку он – не просто средство описания культуры, а прежде всего, знаковая квинтэссенция самой культуры» [Алефиренко, 2020, с. 117].

В первую очередь для определения ментальности того или иного народа следует отличать этнокультурные концепты, закреплённые в языковом сознании. Они формируют свое представление о мире. Имея этническую окраску, они сопровождают человека на протяжении всей его жизни. Есть все основания полагать, что они представляют собой ценностно-смысловые отношения взаимодействия языка, сознания и культуры.

Структурно-семантические особенности австрийских и русских фразеологизмов, репрезентирующих специфику пищевого кода

«Особую роль в процессе трансляции культурно-национального самосознания народа и его идентификации как такового играет, в частности, фразеологический состав языка, так как в образном содержании его единиц воплощено культурно-национальное мировидение» [Телия, 1996, с. 231]. В повседневной жизни нас постоянно окружают экспрессивно-образные и устойчивые сочетания слов. Первичной и основной областью появления ценностей культуры является быт, где национальная кухня символизирует специфику оценочной картины мира определенного этноса. Кроме того, культура питания напрямую связана с кулинарными традициями. Культурная специфика проявляется в процессе приготовления и приёма пищи, в проведении праздников, отражая морально-нравственные нормы и поведенческие ориентиры народа.

Как отмечает ведущий специалист лингвокультурологического направления отечественного языкознания М.Л. Ковшова, «фразеологизмы являются знаками культуры, с помощью которых мы подключаемся к национальной ментальности того или иного народа; с их помощью мы понимаем какие ценности кодируются в языке и предаются

в интересных иногда даже очень экспрессивных, иногда грубых, нежных, но всегда привлекающих внимание образах» [Ковшова... 2020].

Более того, «ежедневное употребление и приготовление пищи обуславливает тенденцию ценностного осмысления мира через гастрономию, которая, будучи частью национально-культурного опыта, преломляется в языке, порождая фразеологизмы, несущие определенную образность, оценочность и экспрессивность представляют собой типичные категории для каждой лингвокультуры, что обусловлено различным отношением к тем или иным продуктам питания» [Склярова, 2019]. В нашем исследовании анализу подвергается специфика гастрономического кода, реализуемая посредством фразеологизмов с компонентами-глюттонимами на материале австрийской лингвокультуры.

Австрийская национальная кухня собрала пристрастия всех многочисленных соседей – словаков, венгров, чехов, некогда входившие в огромную Австро-Венгерскую империю. Кухня Австрии отличается своей простотой и в тоже время изысканностью. В основном в приготовлении пищи придерживаются традиций чешской кулинарии. Основой гастрономической культуры Австрии являются мясные блюда из говядины, свинины или курицы. Следует подчеркнуть, что «кухню Австрии – единственную в мире – принято называть по имени столицы страны, то есть венской кухней» [Кучер и др., 2002, с. 334]. Кулинарной достопримечательностью являются такие блюда, как гуляш по-венски, венский шницель, жаркое по-венски, курица по-венски, которые входят в ранг блюд австрийцев на воскресный обед.

Следует отметить, что первые блюда являются типичными для гастрономической культуры Австрии. В современной гастрономии существует перечень супов, ежедневно употребляемых австрийцами. Так, «среди творений местных поваров числятся оригинальные супы на основе крепких бульонов с наполнителями: кнедликами или фрикадельками из различных видов мяса и крупы либо нокелями – по сути, теми же клецками, нарезанными кольцами, рулетиками из блинов» [Кучер и др., 2002, с. 334].

Часто глюттонимы входят в состав фразеологизмов австрийского немецкого языка, отражая специфику лингвокультуры, например:

Компонент-глюттоним *Nudel* в составе фразеологизмов австрийского немецкого языка:

– *Cinque mit Nudel* (Дрянь на палочке! – совершенно ничего не стоящий, неудавшийся, полное ничтожество) [Малыгин, 1999, с. 112] *cinque* –ит. fünf самая низкая оценка, *Nudel, die; -, -n;* – лапша;

– *Ja, gfüldi Naunscherln!* (Это не так! Это не правда!) [Малыгин, 1999, с. 113] можно провести аналогию с русским фразеологизмом *вешать лапшу на уши* – вместо правды давать ложную информацию;

– *Nudelsuppe, die; -, -n;* – суп с лапшой; лапша.

Компонент-глюттоним *Nudelsuppe* является частью известного фразеологизма *nicht auf der Nudelsuppe dahergeschwommen sein* (не вчера родиться; что-нибудь значить), например:

– *Die Phrase basiert auf dem Ruf der Nudelsuppe, ein Essen der einfachen Leute zu sein. Ähnlich wie die Brennsuppe, die aus Wasser und Mehl besteht und auf Grund ihrer wenigen Zutaten auch als Arme-Leute-Essen gilt.* Фраза основана на репутации супа с лапшой как еде простых людей, подобно мучному супу, который состоит из воды и муки и также считается едой для бедных из-за небольшого количества ингредиентов [Lobaza, 2018].

Компонент-глюттоним *Suppe* также представляет собой продуктивный элемент фразеологизма, функционирующий в речи австрийцев, например:

– *die Suppe ist zu dünn* (иметь недостаточно оснований для чего-л., напр., для обвинения). *Dem Gericht zufolge ist die Suppe für eine Anklage zu dünn, es bedürfe weiterer Sachaufklärung. Seitdem wird an einer neuen Anklage gebastelt.* (Суд постановил, что недо-

статочно доказательств для обвинения по делу. Требуется дальнейшее расследование. Выстраивается новая линия обвинения) [Der Standard, 2015];

– *ein Schnittlauch auf allen Suppen sein* (в каждой бочке затычка). *Wir spüren die globale Herausforderung, ... aber auf die Frage, wo wollen wir Weltspitze sein und nicht nur Schnittlauch auf allen Suppen – da höre ich nichts.* (Мы ощущаем глобальный вызов... но на вопрос, где мы можем играть ведущую роль, а не быть в каждой бочке затычкой, – ответа я не слышу) [Ebner, 2010, p. 330].

Основой любой национальной кухни является хлеб и хлебобулочные изделия, и, конечно, австрийская национальная кухня не является исключением. Столица Австрии является родиной таких хлебобулочных изделий, как булочки-рогалики и батоны-багеты. Огромное количество пекарен по всей Австрии изобилуют разнообразной выпечкой. Традиционной выпечкой считаются пончики с разнообразной начинкой. Знаменитый штрудель – визитная карточка венской кухни. Посетителям пекарен рекомендуют не только попробовать, но и посмотреть способ приготовления, для этого устраивают целые шоу и проводят мастер-классы желающим.

Австрийцы отличаются любовью к десертам и сладким блюдам. Частью национальной гастрономической культуры Австрии являются уникальные блюда. Второй по значимости кондитерским изделием венской гастрономии считается шоколадный торт Захер (по имени кондитера, предложившего его рецепт). Рецепт этого кулинарного шедевра по сей день хранится в строжайшем секрете. Считается, что, тот, кто побывал в австрийской столице и не попробовал торт Захер, пропустил одну из характерных её достопримечательностей.

Особое отношение к выпекаемым изделиям австрийской кулинарии проявляется и в языке, а именно во фразеологизмах. Такое блюдо, как омлет понимается австрийцами как пиршество желудка.

Компонент-глюттоним *Schmarr(e)n* – шмаррен (национальное деликатесное блюдо) входит в состав фразеологизмов, например:

– *in der Pfanne gebackener zerstoßener Eierkuchen* (мучной десерт, приготовленный на сковороде в виде тестообразной массы по форме как омлет);

– *ein rechter Schmarr(e)n!* (ерунда, глупость);

– *einen Schmarr(e)n von etw. verstehen* (ничего не понимать, не разбираться в чём-либо);

– *das ist mir Schmerr(e)n!* (мне это безразлично!);

– *das geht sich einen Schmarr(e)n an!* (это не твоё дело!);

– *ganz Liebe und Schmarr(e)n sein* (быть по уши влюбленным) [Малыгин, 1994].

Компонент-глюттоним *Laberl* – *ломоть хлеба* входит в ранг частотных лексем, входящих в состав фразеологизмов австрийского немецкого языка, например:

– *da könnt`man ja ein Laberl werden!* (это тянется невыносимо долго!);

– *ein Laberl werden* (никак не успокоиться от удивления или возмущения) [Малыгин, 1994, с. 118] фразеологический оборот синонимичен выражению *Ich glaub's nicht!* (поверить не могу!);

– *Der DJ Ötzi tritt bei der Bundespräsidentenwahl an – I wir a Laberl* (Сам Диджей Этци выступает на выборах. Поверить не могу!) [Kommentar... 2008].

Мука является основой для приготовления хлеба и заслуживает отдельного внимания со стороны лингвокультурологов. В австрийском немецком языке лексема *Brösel, der;-s,-;* – блюдо из пшеницы и овсяной муки, часто является одним из компонентов фразеологизмов, например:

– *kein/nicht ein Brösel* (абсолютно ничего). *Es war kein Brösel von mir zu finden, kein einiges Haar, nichts“, sagte sie.* (Мне совершенно ничего не удалось найти, даже волосинки, абсолютно ничего, – сказала она) [ÖW, p. 81];

– *zum Brösel reiben* (ни на что не годиться, быть бесполезным).

Компонент-глюттоним *Butter* – масло часто входит в состав фразеологизмов австрийского немецкого языка, отражая специфику национальной лингвокультуры, например:

– *Butter am (auf dem Kopf) / am Schädel haben* (быть виновным);

– *in den Butter gehen* (ускользнуть);

– *dastehen wie der Butter in der Sunn / Sonne* (быть озадаченным, не знать, как быть);

– *zerrinnen wie der Butter in der Sonne* (иметь довольный вид);

– *ein Gesicht machen wie der Butter in der Sunn / Sonne* (худеть);

– *anhalten / stillhalten wie der butter in der Sunn / Sonne* (спустить дела своим чередом);

– *jmdn. mit dem Butter verschmieren* (задабривать кого-либо, подкупать) [Малыгин, 1994].

Гастрономическую культуру Австрии невозможно представить без колбасных продуктов. Количество сортов всевозможных сарделек, сосисок, колбас может превалировать за несколько сотен видов: жареные колбаски, ливерная колбаса, венские сосиски (фаршированные сыром), пряные балканские сосиски, пожалуй, не хватит страницы перечислить то разнообразие, которым могут похвастаться закусочные и киоски Австрии. Ароматную сосиску, вложенную в свежее испеченную булочку можно приобрести буквально на каждом шагу.

Компонент-глюттоним *Würstel* – колбаса входит в состав фразеологизмов, репрезентируя специфику национальной лингвокультуры, например:

– *da gibt's keine Würstel!* (никаких поблажек!);

– *armes Würstel* (бедняжка):

Bei euch der Diensthabe einfach das arme Würstel. (Бедные стражники, некому вас пожалеть!) [Ebner, 2010, p. 422].

Заключение

Таким образом, анализ проведенного исследования показал, что гастрономическая культура определяется целым перечнем взаимозависимых и взаимообусловленных факторов, к ключевым из которых относятся: географическое положение, условия соседства, влиянием исторического развития, традиций народа. Специфика национальной гастрономической культуры используется в качестве оценочного маркера ментальности народа, репрезентируя важнейшие компоненты человеческого сознания.

Стоит отметить, что культурно-национальная палитра австрийского менталитета выражается эксплицитно через лингвокультурный компонент при помощи фразеологических единиц, формирующих фразеологическую картину мира австрийской лингвокультуры. Компонент-глюттоним часто входит в состав фразеологических единиц, функционирующих в современном австрийском немецком языке, отражая национальную специфику современного гастрономического пространства лингвокультуры Австрии. Выявленные в ходе практической части исследования наиболее и наименее продуктивные компоненты-глюттонимы в составе австрийских фразеологизмов позволили установить специфические свойства фразеологической картины мира австрийской культуры с позиции лингвокультурологии.

Список источников

Ковшова Мария Львовна о своей книге «Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры». 2020. URSS. 4 марта 2020 г. YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0F6qaxDQKNg> (дата обращения: 14.09.2022).

Малыгин В.Т. 1994. Австрийский фразеологический словарь. Санкт-Петербург, РГПУ, 231 с.

- Der Standard. 2015. In: Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. Available at: <https://www.dwds.de/wb/die%20Suppe%20ist%20zu%20d%C3%BCnn> (accessed: September 13, 2022).
- Ebner J. 2010. Wie sagt man in Österreich? Wörterbuch des österreichischen Deutsch. Mannheim /Leipzig / Wien /Zürich, Dudenverlang, 480 p.
- Kommentar am 05.08.2008. 2008. In: Österreichische Volkswörterbuch. Available at: <https://www.oesterreichisch.net/wort/6352/a-laberl-werdn> (accessed: September 15, 2022).
- Lobaza R. 2018. Österreichisch für Anfänger | Auf der Nudlsuppn dahergeschwommen sein. In: Deutsche allgemeine Zeitung. Available at: <https://daz.asia/blog/oesterreichisch-fuer-anfaenger-auf-der-nudlsuppn-dahergeschwommen-sein/> (accessed: September 16, 2022).

Список литературы

- Алефиренко Н.Ф. 2020. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. М., Флинта, 288 с.
- Домашнев А.И. 2005. Труды по германскому языкознанию и социолингвистике. Под ред. Л.Б. Копчук. СПб., Наука, 1113 с.
- Копчук Л.Б. 1997. Национальная и региональная вариативность лексики и фразеологии современного немецкого языка. СПб., Образование, РГПУ, 169 с.
- Кучер Л.С., Шкуратова Л.М., Ефимов С.Л., Голубеева Т.Н. 2002. Ресторанный бизнес в России: технология успеха. М., РКонсультант, 468 с.
- Мальгин В.Т. 1999. Австрийская фразеология в социокультурном аспекте. СПб., Образование, РГПУ, 199 с.
- Склярлова Н.Г., Косоножкина Л.В. 2019. Гастрономическая фразеология: лингвистический и лингвокультурологический аспекты (на материале русского и английского языков). Гуманитарные и социальные науки, 2: 211–219. DOI: 10.23683/2070-1403-2019-73-2-211-219.
- Телия В.Н. 1996. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., Школа «Языки русской культуры», 288 с.
- Чукшиш В.А. 2021. Этно- и социокультурный статус диалектов современного немецкого языка в Австрии. Дис. ... док. филол. наук. Санкт-Петербург, 380 с.
- Чукшиш В.А., Копчук Л.Б. 2019. Лингвистический и социокультурный статус верхнеалеманнского диалекта Форарльберга. Известия Волгоградского государственного педагогического университета, 3(136): 223–228.

References

- Alefirenko N.F. 2020. Lingvokulturologiya: tsennostno-smyslovoe prostranstvo yazyka [Linguoculturology. Value-semantic space of the language]. M., Publ. Flinta, 288 p.
- Domashnev A.I. 2005. Trudy po germanskomu yazykoznaniiyu i sotsiolingvistike [Works on German Linguistics and Sociolinguistics]. Ed. L.B. Kopychuk. SPb., Publ. Nauka, 1113 p.
- Kopychuk L.B. 1997. Natsional'naya i regional'naya variativnost' leksiki i frazeologii sovremennogo nemetskogo yazyka [National and regional variability of vocabulary and phraseology of the modern German language]. SPb., Publ. Oboazovanie, RGPU, 169 p.
- Kucher L.S., Shkuratova L.M., Efimov S.L., Golubeeva T.N. 2002. Restorannyy biznes v Rossii: tekhnologiya uspekha [Restaurant business in Russia: technology of success]. M., Publ. RKonsul'tant, 468 p.
- Malygin V.T. 1999. Avstriyskaya frazeologiya v sotsiokul'turnom aspekte [Austrian Phraseology in the Socio-Cultural Aspect]. SPb., Publ. Obrazovanie, RGPU, 199 p.
- Sklyarova N.G., Kosonozhkina L.V. 2019. Gastronomic phraseology: the linguistic and cultural approaches (on the material of the Russian and English languages). *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2: 211–219. DOI: 10.23683/2070-1403-2019-73-2-211-219.
- Teliya V.N. 1996. Russkaya frazeologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokulturologicheskiy aspekty [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguoculturological aspects]. M., Publ. Shkola "Yazyki russkoy kul'tury", 288 p.
- Chukshis V.A. 2021. Etno- i sotsiokul'turnyy status dialektov sovremennogo nemetskogo yazyka v Avstrii [Ethno- and socio-cultural status of modern German dialects in Austria]. Dis. ... doc. philol. Sciences. Sankt-Peterburg, 380 p.

Chukshis V.A., Kopchuk L.B. 2019. Linguistic and socio-cultural status of the Alemannic (Upper German) dialect spoken in Vorarlberg. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 3(136): 223–228.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 25.09.2022.

Received September 25, 2022.

Поступила после рецензирования 19.10.2022.

Revised October 19, 2022.

Принята к публикации 05.12.2022.

Accepted December 5, 2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Лазарева Яна Владимировна, ассистент кафедры второго иностранного языка института межкультурной коммуникации и международных отношений, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Yana V. Lazareva, Assistant of the Department of the Second Foreign Language, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 81'37
DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-4-756-768

Образование клинических терминологических единиц на примере новых инфекционных заболеваний человека по рекомендациям ВОЗ (на базе английского языка)

¹ Ханина К.А., ² Маркелова О.В.

¹ Военно-медицинская академия им. С.М. Кирова,
Россия, 194044, г. Санкт-Петербург, ул. Академика Лебедева, 6
E-mail: Kseniya.hanina@mail.ru;

² Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: markelova@bsu.edu.ru

Аннотация. Сегодня мы наблюдаем бурный рост достижений медицинской науки и становимся свидетелями того, что факт открытия зачастую опережает номинацию новых феноменов. Это очевидное наблюдение демонстрирует недостаточный уровень и объем деятельности в области упорядочения медицинской терминологии. С целью стандартизации и упорядочения клинической терминологии были опубликованы рекомендации ВОЗ. В связи с этим авторами поставлена цель описать способы появления названий новых заболеваний человека, их структуру и степень соответствия рекомендациям ВОЗ. Исследование проводилось на основе морфологического, семантического, лексикографического метода и компонентного анализа единиц. С помощью лингвистического моделирования было установлено, что при наименовании нового заболевания характерно использование комплексного (лексико-семантического и синтаксического) способа номинации. Были выявлены тенденции в английской клинической терминологии по использованию многокомпонентных терминологических сочетаний с их прозрачной внутренней формой. В результате исследования установлено, что мы приближаемся к однозначности термина в медицинском дискурсе, в котором терминологические единицы должны занимать строго определенное место в терминосистеме и стремиться к однозначному соотношению между формой и содержанием этого термина. Полученные результаты вносят вклад в изучение проблем современной английской клинической терминологии и обоснование тенденций её развития.

Ключевые слова: терминологическая номинация, термин, терминообразование, рекомендации ВОЗ, инфекционные заболевания, мотивированность, медицинская терминология, клиническая терминология

Для цитирования: Ханина К.А., Маркелова О.В. 2022. Образование клинических терминологических единиц на примере новых инфекционных заболеваний человека по рекомендациям ВОЗ (на базе английского языка). Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 41(4): 756–768. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-4-756-768

Formation of Clinical Terminological Units on the Example of New Human Infectious Diseases According to WHO Recommendations (based on English)

¹ Ksenia A. Khanina, ² Oksana V. Markelova

¹ Military Medical Academy named after S.M. Kirov,
6 Akademika Lebedeva St, St. Petersburg 194044, Russia
E-mail: Kseniya.hanina@mail.ru;

² Belgorod National Research University
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russia
E-mail: markelova@bsu.edu.ru

Abstract. Today, we observe rapid growth in medical science achievements and their fields. We are witnessing that the fact of discovery is often ahead of the nomination of new phenomena. This obvious

observation demonstrates the insufficient level and volume of activity in streamlining medical terminology. WHO recommendations have been published to standardize and streamline clinical terminology (names of new human infectious diseases). In this case, the authors set a goal to describe how the names of new human diseases appear, their structure, and the degree of compliance with WHO recommendations. The purpose of this study is to describe the ways in which the names of new diseases appear, to consider them structurally and to determine the degree of compliance with WHO recommendations. The study was conducted on the basis of morphological, semantic, lexicographic method and componential analysis of units. Using linguistic modeling, we found that the use of a complex (lexical-semantic and syntactic) method of nomination is characteristic when naming a new disease. The trends in English clinical terminology on the use of multicomponent terminological combinations with their transparent internal form become visible. As a result of the study, it was found that the term in medical discourse is approaching unambiguity, where terminological units should occupy a strictly defined place in the term system and strive for an unambiguous relationship between the form and content of this term. The obtained results contribute to the study of the problems of modern English clinical terminology and substantiation of the development trends.

Key words: terminological nomination, term, term formation, WHO recommendations, infectious diseases, medical terminology, clinical terminology

For citation: Khanina K.A., Markelova O.V. 2022. Formation of Clinical Terminological Units on the Example of New Human Infectious Diseases According to WHO Recommendations (based on English). Issues in Journalism, Education, Linguistics, 41(4): 756–768 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-4-756-768

Введение

Сегодня прогресс науки в разных областях знания обуславливает появление специальных слов для обозначения новых изучаемых объектов. Таким объектом может выступать новое инфекционное заболевание. Для эпохи глобализации характерно возникновение таких заболеваний, что в свою очередь связано со многими социальными факторами, например, со взаимодействием между людьми и животными. Такие взаимодействия могут привести к появлению новых и нераспознанных возбудителей микробных заболеваний, а следовательно, и к появлению новых инфекционных заболеваний, для которых необходимо «адекватное» название. Уже в начале 21 века были выявлены новые возбудители и новые вспышки заболеваний, которые получили свое название в результате разных способов номинации.

Отметим, что сегодня в центре внимания лингвистических исследований находится медицинская терминология, в частности ее подсистема (клиническая терминология). В клинической терминологии в качестве инструментального аппарата важны термины для освоения профессиональной сферы и точного понимания дефиниций, заложенных в значение этих терминов медицинской науки. Мы наблюдаем, что современная клиническая терминология представляет собой результат многовекового развития медицинской науки.

Другими словами, благодаря своим терминологическим особенностям единицы медицины составляют специфический лексический пласт. Они отличаются от общеупотребительных лексических единиц по структуре, семантике, способам терминообразования и стилем. Однако, согласно Т.А. Юдиной [2020], словообразование клинических терминов основано на общелитературном словообразовании с некоторыми специфическими признаками.

Наше исследование представляет анализ теоретического материала о терминологической номинации и разбор рекомендаций Всемирной Организации Здравоохранения (ВОЗ) (от 2015 г.) по наименованию новых инфекционных заболеваний человека с целью определить наиболее подходящие способы номинации нового инфекционного заболевания.

Материал и методы исследования

Материалом для исследования послужили отобранные номинации (новые инфекционные заболевания человека) на базе английского языка, наименования которых анализируются в рамках рекомендаций ВОЗ, направленных на стандартизированное образование и дальнейшее научное и общеупотребительное использование.

Основные методы исследования лексемы – морфологический, семантический и компонентный анализ единиц, а также такой продуктивный метод лингвистического анализа как лексикографический метод, благодаря его универсальности данный метод применим к разным языковым уровням (лексическому, семантическому, словообразовательному, морфологическому и синтаксическому).

Результаты и их обсуждение

Медицинскую терминологию относят к самым обширным и сложным в понятийном отношении. Неоднократно данная терминология исследовалась лингвистами на различных уровнях. Так, происхождению и мотивировке английских медицинских терминов посвящены работы Л.В. Дубровиной [1985]; были изучены конкретные способы терминообразования: метафоризация [Краковецкая, 1979], аббревиация [Ерёмкина, 1992], рассматривались проблемы синонимии медицинских терминов [Турчин, 1979]; интернационализация медицинской терминологии [Шлихта, 1976]. Вопросы статуса заимствованных терминоэлементов при терминообразовании, латинские основы и упорядочение медицинской терминологии поднимались в работах советских ученых [Дубровина, 1985; Лидов, 1985; Лотте, 1961; Новодранова, 1990; Чернявский, 2014].

Исследования в области клинической терминологии проводились отечественными лингвистами [Гусятинская, 1973; Дубровина, 1977]. Значительный вклад в изучение терминологии названий болезней внесен специалистами в области компьютерной лингвистики, составившими обширнейшие базы данных медицинских терминов.

Сегодня изучены и описаны наиболее продуктивные способы терминообразования в таких клинических областях как офтальмология [Швецова, 2005], энтерология [Юдина, 2020], гематология [Рудинская, 1997], нефрология и урология [Токарева, 2003], кардиология [Смирнова, 2012], эндокринология [Синявская, 2015] и инфекционные (детские) болезни [Вольфберг, 1992], кардиология и пульмонология [Маслова, 2007] и др. Отдельных исследований терминообразования в области инфектологии на примере новых инфекционных заболеваний человека ранее не проводились.

При рассмотрении общих вопросов терминологии мы обращались к таким лингвистам, как В.Г. Гак [1976], В.Н. Лейчик [2022], Ю.В. Сложеникина [2018], А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, Н.В. Васильева [Суперанская и др., 2019].

Рассмотрим более подробно генезис новых клинических терминов, т. е. как новые лексические единицы оформляются сегодня и какие требования (рекомендации) к ним предъявляют. Заранее отметим, что в процессе формирования английской медицинской терминологии наблюдается тенденция образования терминов и терминологических словосочетаний лексико-семантическим способом. В диссертации, посвященной вопросам основных тенденций в формировании английской медицинской терминологии, И.В. Мотченко указывает на синтаксический способ образования как продуктивное средство пополнения современной медицинской терминологии (преобладание терминологических словосочетаний) [Мотченко, 2001].

Для образования лингвистического термина важно само понятие, точнее сформированное содержание данного понятия, которое далее оформится в «адекватное» обозначение нового феномена (название нового инфекционного заболевания).

На первоначальном этапе потребность в номинации обусловлена появлением новых заболеваний. Этот факт подразумевает возникновение новой лексической единицы и по-

рождает необходимость в терминологической номинации. Именно благодаря выбору номинанта основополагающих признаков происходит соответствие компетенции номинанта на определенном этапе развития данного предметного знания. Однако термины могут не только рождаться в профессиональной коммуникации, но и возникнуть в ходе беседы лиц, которые пользуются профессиональным просторечием, и лишь позже фиксируются в языке как научный термин.

Отметим, что терминологическая номинация является процессом творческим, сочетая в себе языковой опыт терминолога или автора, его научно-профессиональное знание и глубокое понимание предметной области, где дается название. Здесь важным является учет всех закономерностей образования языковых единиц (общие закономерности образования языковых единиц, взаимодействие мышления, языка и действительности в этих процессах, роль человеческого фактора в выборе признаков, лежащих в основе номинации, исследование языковой техники номинации – ее актов, средств и способов, построенные типологии номинации, описание её коммуникативно-функциональных механизмов) [Телия, 1990, с. 336].

За возникновением необходимости в номинации следует этап выявления основополагающих признаков для новой единицы. Процесс номинации может инициироваться с выбора названия по одному из мотивирующих признаков, далее пройдя необходимые этапы от адаптации и выявления более точного (мотивирующего) элемента до этапа принятия в научных кругах нового названия, т. е. термина, отражающего существенные признаки предмета. Отсюда следует, что по мере углубления в предмет исследования и достаточной изученности научного феномена, содержание может изменяться.

Исследование становления разных терминосистем обнаруживает факты, связанные с варьированием научного понятия. Номинация как процесс может проходить через ряд изменений. Одним из таких выступает *терминологизация*, т. е. попадание общеупотребительного слова в сферу терминологической номинации. Хотя термины в отличие от общеупотребительной лексики носят социально-обязательный характер, а схожи они тем, что обладают теми же компонентами значения, например, для обозначения такого известного инфекционного заболевания, как *tuberculosis*, в 19 веке широко использовался термин *consumption* как акт вторичной номинации (*consumption*-истощение организма как результат данного заболевания).

Вторичная номинация не ограничивается одним определением, нами она понимается как создание нового обозначаемого понятия путем наложения нового значения на данную лексему. Нельзя не отметить тот факт, что современным языкам скорее свойственна вторичная номинация для пополнения номинативного списка.

Процесс терминологизации дает право говорить о том, что выбор основополагающего признака основывается на случайных признаках и различных видах восприятия (зрительных, слуховых, тактильных). Такие термины не могут быть окончательно закреплены в той или иной терминологии из-за несоответствия требованиям «идеального термина» и неприятия его терминологами, а названия новых заболеваний – не одобрены ВОЗ и не занесены в Международную классификацию болезней (МКБ). Здесь правильным будет назвать их *предтерминами*, которые признаны рабочими лишь на определенное время. Другой вопрос – их принятие обществом и вхождение в повседневный, возможно профессиональный обиход [Сложеникина, 2018].

С одной стороны, на начальном этапе при поиске и выборе автором лексической единицы, наиболее полно отражающей понятие, и для применения ее в качестве термина могут использоваться предтермины, имеющие метафорические и метонимические значения. Такие лексические единицы впоследствии могут стать зрелыми терминами в составе той или иной терминосистемы и, отрываясь от прежнего нетерминологического значения, свои образные моменты преобразуют в коннотацию.

Общеупотребительное слово может породить новый смысл единицы или придать новый оттенок значения в результате *метафоризации*. С коммуникативной точки зрения данный процесс достаточно эффективен, так как новая лексема ориентирована на широкий круг реципиентов.

В медицинской терминологии часто используется метафора для примерного описания явления путем сравнения его с хорошо известным предметом. Именно метафора указывает на индивидуальные черты нового явления или предмета, например, *pregnancy diabetes* (диабет беременных), *diabetes of bearded women* (диабет бородатых женщин), *bronze diabetes* (диабет бронзовый).

Советский и российский лингвист В.Г. Гак [1976] ввел понятие «потенциальной семы», находящейся на нижних ярусах в смысловой структуре слова, представленной только на уровне значения отдельной лексемы в ее конкретном употреблении в речи. Например, в новых клинических терминах потенциальными семами можно считать содержательные компоненты в структуре значения термина, которые пока неизвестны, но с развитием научной мысли и пониманием ряда свойств (возбудителя инфекции, сезонности, степени тяжести и т.д.) заболевания становятся таковыми.

Еще одним способом терминообразования, противоположным предыдущему, является *архаизация* терминов. С одной стороны, термин выполняет роль предтермина, который не «приживается» и впоследствии заменяется более подходящим, а с другой стороны, может произойти «износ его нерелевантных признаков», и лексемы начинают устаревать и вытесняться новыми современными наименованиями. В обоих случаях происходит вытеснение новым названием. Удивительно, что при поиске в МКБ 10-го пересмотра архаичные названия инфекционных заболеваний могут сохраниться, например, при поиске *Posada-Wernicke disease* (*болезнь Посады – Вернике*) мы находим его под другим обновленным названием *Disseminated coccidioidomycosis* (*диссеминированный кокцидиоидомикоз*) [ICD-10..., 2019]. Данный факт свидетельствует о прохождении лексемы нескольких этапов до закрепления в терминосистеме, а также о наличии синонимов, которые сохранились, хотя не устарели (в плане содержания). В любом случае для успешной работы терминологу необходимо овладеть всеми терминами определенной сферы с учетом архаизмов и неологизмов [Суперанская и др., 2019].

Проходя процесс архаизации лексемы переходят в пассивный запас, характеризующийся низкой употребляемостью, или становятся полностью устаревшими и вышедшими из употребления. Схожим процессом является *детерминологизация*, в результате которой термины выходят из научного употребления (например, теория не подтверждается) и получают вторичное метафорическое значение для использования в неспециальной области знания.

Только с эволюцией научного понятия и углубления знаний об этиологии, патогенезе и клинической картине инфекционных заболеваний происходит выявление наиболее релевантных признаков, и процесс номинации достигает конечной точки и формируется термин. Хотя нельзя исключать тот факт, что в настоящее время представляется маловероятным менять названия всех инфекционных заболеваний, открытых ранее, руководствуясь каким-то единым принципом.

В процессе номинации, наряду с выбором наиболее релевантных признаков, параллельно могут происходить семантические сдвиги и переименования, ведь термин в современном понимании является динамическим явлением, которое в процессе познания формируется и углубляется. Именно благодаря формальным и содержательным изменениям терминов мы можем наглядно проследить хронологию, тенденции развития и пути создания того или иного термина.

Обоснованным моментом при номинации является *мотивированность* звуковых комплексов, состоящих из регулярных терминоэлементов. Термины с прозрачной внутренней формой выражают отличительные признаки данного понятия. Если семантику

слова невозможно выявить по внутренней форме, то такие немотивированные термины обозначают лишь одно понятие [Лейчик, 2022]. И обратная ситуация с мотивированными терминами – они способны далее мотивировать семантически и формально группу производных терминов.

Учет мотивированности значения на начальном процессе номинации является важным принципом. Именно благозвучие позволяет появившимся терминам соответствовать требованию краткости и удобству произношения. Уместно вспомнить мысль Н.П. Романовой о «понятности» и «прозрачности» семантической структуры термина, которые понимаются не в сопоставлении с компонентами выражения термина, а в сопоставлении с единицами общеупотребительного языка. Языковая мотивированность может быть свойственна только термину, ибо она основывается на том, что терминологическая система вторична по отношению к естественному языку. Слово, немотивированное в общеупотребительном языке, став термином, приобретает языковую мотивированность [Романова, 1976, с. 22].

После изложения наиболее распространенных способов номинации в современной клинической терминологии представляется целесообразным рассмотреть современные рекомендации ВОЗ, предъявляемые к новым инфекционным заболеваниям человека, и проанализировать их на примерах с помощью лингвистического моделирования.

Рекомендации применимы к новым инфекциям, синдромам и болезням, которые ранее не были описаны у человека, могут иметь серьезные последствия для общественного здравоохранения и у которых отсутствует широко употребляемое название. Важно отметить, что они не применяются к уже закрепившимся названиям.

Современная клиническая терминология, связанная с инфекционными заболеваниями достаточно разнообразна в плане выражения. Данная терминология может быть представлена заимствованиями, сленгом, эвфемизмами, неправильными названиями (например, с точки зрения мотивированности, выбора наиболее существенного признака при номинации), набирающими популярность сокращениями, аббревиатурой, эпонимами (антропонимами, топонимами) и т. д.

Следовательно, важным здесь представляется набор правил и принципов номинации новых явлений. Отметим, что терминому или автору важно руководствоваться конкретными принципами для стандартизации нового термина и его включенности в терминосистему, причем этот подход должен быть осознанным, а поиск понятия планомерным.

Именно с этой целью в 2015 году ВОЗ опубликовала определенные рекомендации по определению новых инфекционных заболеваний человека. Согласно практике ВОЗ, следует руководствоваться определенными принципами номинации с целью минимизировать потенциально негативное воздействие новых названий заболеваний на человека, в том числе социальные, профессиональные и прочие группы, а также другие сферы деятельности [World Health..., 2015]. Хотя стоит учитывать тот факт, что на ранних этапах появления термина его содержательная часть может быть нечеткой и требовать уточнения. Ведь первичное название может появиться ненаучным путем, что впоследствии обусловит понятийные сдвиги и приведет к переименованию термина с учетом актуального значения термина, другими словами произойдет терминологизация. К примеру, даже самые «научные» слова состоят (изначально) из общеупотребительных морфем в результате постоянного взаимодействия. Таким образом, в большинстве случаев научные термины по своей формальной структуре не отличаются от остальных лексических единиц и поэтому одна и та же лексическая единица может быть одновременно и термином, и нетермином, обозначающим ненаучное понятие [Лейчик, 2022].

При отсутствии точного понимания нового заболевания ВОЗ имеет право на присвоение временного названия заболеванию, чтобы избежать закрепления неподходящего названия. На более позднем этапе, при вхождении нового понятия в активное использова-

ние МКБ предоставляет окончательное стандартное название (для нового заболевания) в соответствии с руководящими принципами.

Рассмотрим рекомендации ВОЗ в более развернутом виде с рядом дополнений и подкреплением примерами. Согласно ВОЗ, название нового инфекционного заболевания должно состоять из комбинации терминов на основе нескольких принципов. Предваряя выбор ВОЗ ведущего способа номинации, отметим, что для наименования нового заболевания в комбинации используются имеющиеся в профессиональном запасе лексические единицы. Другими словами, согласно рекомендациям ВОЗ, при наименовании нового инфекционного заболевания характерно использование комплексного способа номинации (лексико-семантического и синтаксического).

1. Статус темпорального термина может иметь место в случае отсутствия или неточности этиологии заболевания. Здесь должны использоваться общие описательные термины, ранее известные в профессиональной среде (*respiratory disease, hepatitis, neurologic syndrome, diarrhea, fever*), которые являются наиболее полезными, поскольку указывают на симптом заболевания, а также сохраняют и отражают основные характеристики даже при появлении дополнительной информации о новом заболевании, например, *Crimson-Congo hemorrhagic fever*.

2. При наличии достаточной и точной информации о заболевании необходимо использовать конкретные описательные термины (уточнители) с указанием на признаки, принятые за основание деления терминов, т. е. в таких названиях заболеваний постоянная их часть выражена подчиняющим понятием, а изменяемые части обладают уточняющей функцией и выражают видовые понятия (указание на сезонность, степень тяжести, возрастную группу: *progressive, juvenile, severe, winter*, например *severe fever with thrombocytopenia syndrome (SFTS), progressive multifocal leukoencephalopathy*).

Ряд исследователей [Кубрякова, 1981; Прохорова, 1996] считает, что чем больше в существующем значении слова содержится описательной информации, соответствующей свойствам познаваемого объекта, тем выше вероятность избрания данного слова для обозначения именуемого объекта.

3. Когда известен патоген (возбудитель инфекционной болезни), его следует использовать как часть названия заболевания с дополнительным описанием. Но здесь стоит быть внимательным, так как патоген может вызывать более одного заболевания (*novel coronavirus respiratory syndrome, Influenza A virus subtype H7N2 (A/H7N2), variegated Squirrel Bornavirus 1*).

4. Сегодня для названий заболеваний характерно использование такого неморфологического способа терминообразования, как аббревиация или усечение, которые удобны в употреблении. Эти способы помогают избежать длинного описательного термина и в некоторых случаях могут использоваться в частном порядке.

Именно в медицинской терминологии, а именно в названиях заболеваний, широко используется *эвфемизация*, т. е. намеренная замена слова на более мягкое, корректное по деонтологическим соображениям, а также в целях экономии времени и речевых ресурсов, что может даже спасти жизнь пациенту. На практике такие термины могут выражаться сокращенной формой или общепринятой аббревиатурой (*H7N9, rabies, malaria, HPV, SARS*).

Рассматривая рекомендации ВОЗ, мы имеем дело с искусственно созданными терминами, которые отличаются своим сознательным подходом к номинации и формированию лексической единицы определенной терминосистемы. Поэтому важно придерживаться определенных правил и следовать рекомендованным принципам, чтобы не нарушить равновесия терминов с их дефинициями.

Свое название инфекционное заболевание может получить по имени автора или врача, впервые описавшего данное состояние (антропонимы); или по месту, где была выявлена болезнь (топонимы) и т.д. В рекомендациях ВОЗ такая практика признана нецелесооб-

разной (*Middle East respiratory syndrome (MERS)*, *Crimean-Congo hemorrhagic fever*, *Colorado Tick Fever (CTF)*). Хотя, на наш взгляд, использование эпонимии (как способа образования новых терминов) в отдельных случаях приближает термины-эпонимы к «идеальным» терминам благодаря своей однозначности.

5. Для конкретизации или различения между аналогичными событиями, произошедшими в разные годы, допустимо использование символов, именуемых идентификаторами, например, *pandemic H1N1/09 virus*. В июле 2009 года эксперты ВОЗ назвали так данный вирус с целью отличить его от различных сезонных штаммов вируса H1N1 и от штамма пандемического гриппа H1N1 1918 года. Здесь употребление в комбинации прилагательного *pandemic* является неприемлемым и его следует избегать, поскольку может вызвать неоправданный страх среди населения.

6. Использование в комбинации прилагательного *novel* может указывать на новый патоген ранее известного типа, признавая тот факт, что этот термин (потенциально) устаревает, если будут идентифицированы другие новые патогены этого типа, например, *novel H5N1-like virus* (в приведенном примере по названию заболевания можно заметить наличие неустановленного источника заражения, который описывается с помощью *-like* (подобный)).

Рассмотрим вышеописанные рекомендации по определению названий новых инфекционных заболеваний на примерах других заболеваний, появившихся в 21 веке, или заболеваемость которыми резко возросла в мире за последние десятилетия.

Название такого инфекционного заболевания, как *severe acute respiratory syndrome (SARS)* полностью соответствует всем требованиям ВОЗ. Данное название представляет собой общий и в то же время конкретный описательный термин, поскольку включает в свой состав слово *syndrome*, что относит его к общему термину, а прилагательное *respiratory* отражает затронутые системы, прилагательные *severe* и *acute* указывают на конкретные характеристики: степень выраженности заболевания и его динамику. Термин *severe* уместно использовать для заболеваний с очень высокой начальной летальностью, учитывая, что со временем она может снижаться. Для удобства использования и в целях экономии времени предлагается удобная аббревиатура, которая известна не только научному, но и широкому кругу людей (*SARS*). Схожим по характеристикам названием примером выступает такое новое вирусное заболевание, как *severe fever with thrombocytopenia syndrome (SFTS)*.

Название заболевания *Highly pathogenic* avian influenza (HPAI) A (H5N1) virus* относится к разряду длинных терминов, оно достаточно полно отражает ее характеристики, но противоречит правилу краткости термина. Прилагательное *highly pathogenic* указывает на степень тяжести заболевания. С одной стороны, согласно ВОЗ, употребление такого уточняющего прилагательного (интенсивность распространения) вполне уместно при номинации, но, с другой стороны, может вызвать страх у населения, особенно в случае вспышки заболевания. Словосочетание *avian influenza* идентифицируется как зоонозный (птичий) грипп. Данное словосочетание помогает отнести заболевание к зоонозному виду гриппа, что впоследствии помогает распознать механизмы передачи инфекции или происхождения, но, следуя рекомендациям ВОЗ, включение в название заболевания вида, класса животных стоит избегать. Наличие в названии идентификатора *A (H5N1)* более точно характеризует заболевание, отмечая подтип вируса птичьего гриппа. Отличительной чертой данного термина является широко используемая аббревиатура (*HPAI*) как в устной речи, так и в письменной.

Рекомендации, разработанные ВОЗ, относятся лишь к новым инфекционным заболеваниям человека и не подразумевают переименования. Наряду с рекомендациями по использованию конкретных способов комбинации, мы встречаем рекомендации по избеганию определенных лексических единиц. Продемонстрируем на примере глобальной вспышки оспы обезьян (*monkey pox*), которая сегодня вызывает тревогу у населения.

Название данного инфекционного заболевания неприемлемо, поскольку оно не соответствует современным рекомендациям ВОЗ, как и словосочетания *swine*, *bird flu*. Согласно рекомендациями ВОЗ в комбинацию названия инфекций не следует включать названия животных, географических регионов, стран, городов, а также культурные, демографические, отраслевые или профессиональные понятия и термины, вызывающие страх. Хотя название оспы (*monkeypox*) не является новым (оспа обезьян была названа в 1970 году), появился ряд статей с объявлением о поиске нового наименования с целью избежать дискриминации и стигматизации, которые могут отвлечь людей от тестирования и вакцинации. Недавно ВОЗ объявила, что *прох* теперь является более предпочтительным названием для оспы обезьян [2022]. Оба названия будут использоваться одновременно в течение года, пока название *monkeypox* не будет выведено из употребления.

Заключение

В исследовании мы описали и проанализировали следующее:

- терминологическую номинацию как процесс, ведущие способы номинации в современной клинической терминологии, которые были рекомендованы ВОЗ для наименования новых инфекционных заболеваний;
- генезис новых клинических терминов: оформление и предъявляемые к ним требования;
- рекомендации ВОЗ по определению новых инфекционных заболеваний человека на примере английских клинических терминов.

Вынесем главные правила комбинации термина и шаги по реализации конкретного ономаσιологического задания (зд. наименование новых инфекционных заболеваний человека). Таким образом, термин должен:

- 1) – состоять из общих описательных терминов с указанием на симптом или основные характеристики заболевания, ранее известные в профессиональной среде;
 - использовать конкретные описательные термины с указанием на признаки, принятые за основание деления терминов, например, указание на возбудителя инфекционной болезни, даты появления вируса и пр.;
 - использовать сокращенную форму, общепринятое сокращение, эвфемизмы.
 - избегать названия, которое может повлечь за собой страх, вызвать панику среди населения.

Таким образом, публикация рекомендаций ВОЗ по наименованию новых инфекционных заболеваний человека обоснована тенденцией к строгому упорядочиванию медицинской клинической терминологии и процесса терминообразования. Анализ рекомендаций ВОЗ позволил выделить прозрачную внутреннюю форму как один из основных критериев при номинации.

Как отмечалось выше, мы имеем дело с комплексным подходом к номинации, здесь преимущественно выбор терминов в комбинацию названия осуществляется из уже имеющихся лексических (терминологических) единиц языка, т. е. основным источником создания новых терминов и обогащения терминологического фонда являются его внутренние ресурсы. Данный процесс обусловлен сознательным подходом при терминообразовании, его контролируемым и регулируемым механизмом.

Анализ названий новых инфекционных заболеваний человека на предмет их соответствия рекомендациям ВОЗ позволил заключить, что такие термины занимают переходное положение, поскольку не заменяют действующие термины в системе МКБ. Такие термины могут закрепиться в языке и быть одобренными терминологами и специальными органами, которые занимаются таксономией и номенклатурой микроорганизмов, или стать промежуточным термином в языке, заняв роль «предтермина».

В ходе проведенного исследования было выявлено, что половина из отобранных терминов не соответствуют целому ряду рекомендаций ВОЗ. Зачастую такие термины впо-

следствии заменяются на более подходящие, эквивалентные варианты, учитывающие ассоциативные и классификационные признаки терминируемых обозначений.

Важно отметить, что в названиях инфекционных заболеваний стали чаще использоваться многокомпонентные терминологические сочетания, что свидетельствует об усложнении исследуемых процессов, понятий и явлений в современной медицинской науке. Такие комбинации обладают высокой степенью мотивированности, что способствует глубокому пониманию их точного значения.

Следуя рекомендациям ВОЗ, мы приближаемся к однозначности термина в медицинском дискурсе, в котором терминологические единицы должны занимать строго определенное место в терминосистеме и стремиться к однозначному соотношению между формой и содержанием этого термина.

Список источников

- Теля В.Н. 1990. Номинация. В кн.: Лингвистический энциклопедический словарь. Под ред. В.Н. Ярцевой. М., Советская энциклопедия, 336-337.
- Emerging Infectious Diseases. 2022. URL: <https://wwwnc.cdc.gov/eid/> (accessed: April 20, 2022)
- Haubrich W.S. 2003. Medical Meanings: A Glossary of Word Origins. American College of Physicians, 267 p. URL: <https://books.google.co.in/books?id=NXmIIwkQBLAC&printsec=frontcover#v=onepage&q&f=false> (accessed: April 20, 2022)
- ICD-10. Version: 2019. 2019. URL: <https://icd.who.int/browse10/2019/en#/B38.7> (accessed: April 20, 2022)
- Merriam-Webster Dictionary. 2022. URL: <https://www.merriam-webster.com> (accessed: April 20, 2022).
- NIAID Emerging Infectious Diseases/ Pathogens. 2018. NIAID, 26 июля 2018 года. URL: <https://www.niaid.nih.gov/research/emerging-infectious-diseases-pathogens> (accessed: April 15, 2022)
- World Health Organization. 2015. URL: <https://www.who.int/publications-detail-redirect/WHO-HSE-FOS-15.1> (accessed: April 10, 2022).
- CNN WHO renames monkeypox as 'mpox'. 2022. URL: <https://edition.cnn.com/2022/11/28/health/monkeypox-renamed-mpox/index.html> accessed: November 28, 2022).

Список литературы

- Вольфберг Д.М. 1992. Особенности медицинской терминологии английского подъязыка детских инфекций: (Опыт семантического моделирования терминосистемы и построения терминологического словаря на идеографической основе): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 16 с.
- Гак В.Г. 1976. К диалектике системных отношений в языке. В кн.: Принципы и методы семантических исследований. Под ред. В.Н. Ярцевой. М., Наука: 73–92.
- Дубровина Л.В. 1985. Мотивировка терминов медицинской лексики. Функциональные стили. Лингвометодические аспекты. М., Наука: 165–173.
- Дубровина Л.В. 1977. Суффиксальные существительные – названия заболеваний в английском языке. Язык и стиль научной литературы. М., 188–197.
- Ерёмкина Г.Г. 1992. Сравнительное описание медицинской терминологии, образованной по способу аббревиации: на материале французского и русского языков. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Одесса, 18 с.
- Краковецкая Г.А. 1979. Метафоризация как средство формирования медицинской терминологии. Дисс. ... канд. филол. наук. Полтава, 188 с.
- Кубрякова Е.С. 1981. Типы языковых значений: Семантика производного слова. М.: Наука, 200 с.
- Лейчик В.Н. 2022. Терминоведение: Предмет, методы, структура. М., Ленанд, 248 с.
- Лотте Д. С. 1961. Основы построения научно-технической терминологии. Вопросы теории и методики. М., Изд-во АН СССР: 160 с.
- Лидов И.П. 1985. Актуальные вопросы упорядочения медицинской терминологии. Научно-техническая терминология. Вып. 1. М.: 1–4.

- Маслова Н.Н. 2007. Структурно-семантический анализ и системность составных терминов кардиологии и пульмонологии: наименования болезней и патологических процессов. Дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 139 с.
- Мотченко И.В. 2001. Основные тенденции в формировании английской медицинской терминологии. Дис. ... канд. филол. наук. Москва, 215 с.
- Новодранова В.Ф. 1990. Латинские основы медицинской терминологии: именное словообразование. Дисс. ... докт. филол. наук. Москва, 501 с.
- Прохорова В.Н. 1996. Русская терминология (лексико-семантическое образование). М., 126 с.
- Романова Н.П. 1976. О мотивированности исконных и заимствованных терминов. В кн.: Вопросы терминологии и лингвистической статистики. Воронеж, Издательство Воронежск. ун-та: 18–26.
- Рудинская Л. С. 1997. Современные тенденции развития гематологической терминологии. На материале англ. яз. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М, 27 с.
- Сложеникина Ю.В. 2018. Основы терминологии: Лингвистические аспекты теории термина. М., Книжный дом «Либроком», 120 с.
- Смирнова Е.В. 2012. Структурно-семантический и лексикографический аспекты медицинской терминологии: на примере кардиологической лексики. Дисс. ... канд. филол. наук. Ярославль, 256 с.
- Синявская С.П. 2015. Когнитивное моделирование англоязычной терминосистемы "Endocrinology". Дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 164 с.
- Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. 2019. Общая терминология: Вопросы теории. М., Книжный дом «Либроком», 246 с.
- Токарева М.В. 2003. Становление, развитие и современное состояние английской терминологии нефрологии и урологии. Дисс. ... канд. филол. наук. Омск, 207 с.
- Турчин В. М. 1979. Проблема синонимии в терминосистемах биологии и медицины немецкого языка. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Львов, 21 с.
- Чернявский М.Н. 2014. Латинский язык и основы медицинской терминологии: учебник для студентов высших медицинских и фармацевтических учебных заведений. Изд. 4-е, стер. Москва: Шико, 447 с.
- Швецова С.В. 2005. Лингвистический анализ способов терминообразования в современной английской офтальмологической терминосистеме. Дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 180 с.
- Шлихта М.И. 1976. О путях интернационализации научной терминологии. Вопросы филологии. М., Наука: 136–144.
- Юдина Т.А. 2020. Способы образования клинических терминов (на примере гастроэнтерологической терминологии). В кн.: Актуальные вопросы современной науки и образования. Под ред. Г.Ю. Гуляева. Пенза., Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.): 224–234.
- Языковая номинация: виды наименований. 1977. Под ред. Б.А. Серебренникова, А.А. Уфимцевой. Москва, Наука, 356 с.
- Lettau L.A. 2000. The Language of Infectious Disease: A Light-Hearted Review. *Clinical Infectious Diseases*, Volume 31, Issue 3: 734–738. DOI: 10.1086/313994

References

- Vol'fberg D.M. 1992. Osobennosti meditsinskoj terminologii anglijskogo pod"yazyka det-skikh infektsiy (opyt semanticheskogo modelirovaniya terminosistemy i postroeniya terminologicheskogo slovary na ideograficheskoy osnove) [Peculiarities of medical terminology of the English sublanguage of children's infections (the experience of semantic modeling of the terminological system and the construction of a terminological dictionary on an ideographic basis)]. Abstract dis. ... cand. philol. Sciences. Sankt-Peterburg, 16 p.
- Gak V.G. 1976. K dialektike sistemnyh otnoshenij v jazyke [Toward a dialectic of systemic relations in language]. In: Principy i metody semanticheskikh issledovanij [Principles and methods of semantic research]. Ed. V.N. Jarceva. M., Publ. Nauka: 73–92.
- Dubrovina L.V. 1985. Motivirovka terminov medicinskoj leksiki. Funkcional'nye stili. Lingvometodicheskie aspekty. M., Publ. Nauka: 165–173.
- Dubrovina L.V. 1977. Suffiksial'nye sushchestvitel'nye – nazvaniya zabolevanij v anglijskom yazyke [Suffixal nouns - names of diseases in English]. In: Yazyk i stil' nauchnoy literatury.

- Teoreticheskie i prikladnye problem [Language and style of scientific literature. Theoretical and applied problems]. Ed. M.Ya. Tsvilling. M., Publ. Nauka: 188–197.
- Eremkina G.G. 1992. Sravnitel'noe opisanie meditsinskoj terminologii, obrazovannoy po sposobu abbreviatsii (na materiale frantsuzskogo i russkogo yazykov) [Comparative description of medical terminology formed by the method of abbreviation (based on French and Russian languages)]. Abstract dis. ... cand. philol. sciences. Odessa, 19 p.
- Krakovetskaya G.A. 1979. Metaforizatsiya kak sredstvo formirovaniya meditsinskoj terminologii (na materiale drevnegrecheskogo, latinskogo, russkogo i ukrainskogo yazykov) [Metaphorization as a means of forming medical terminology (based on ancient Greek, Latin, Russian and Ukrainian languages)]. Dis. ... cand. philol. sciences. Kiev, 188 p.
- Kubryakova E.S. 1981. Tipy yazykovykh znacheniy: Semantika proizvodnogo slova [Types of Language Meanings: The Semantics of the Derived Word]. M., Publ. Nauka, 200 p.
- Lejchik V.N. 2022. Terminovedenie: Predmet, metody, struktura [Terminology: Subject, methods, structure]. M., Publ. Lenand, 248 p.
- Lotte D. S. 1961. Osnovy postroeniya nauchno-tehnicheskoy terminologii. Voprosy teorii i metodiki. M.: Publ. AN SSSR: 160 p.
- Lidov I.P. 1985. Aktual'nye voprosy uporyadocheniya meditsinskoj terminologii [Topical issues of streamlining medical terminology]. Nauchno-tehnicheskaya terminologiya. Iss. 1. M.: 1–4.
- Maslova N.N. 2007. Strukturno-semanticheskij analiz i sistemnost' sostavnykh terminov kardiologii i pul'monologii: naimenovaniya bolezney i patologicheskikh protsessov [Structural-semantic analysis and consistency of compound terms of cardiology and pulmonology: names of diseases and pathological processes]. Dis. ... cand. philol. sciences. Sankt-Peterburg, 139 p.
- Motchenko I.V. 2001. Osnovnye tendentsii v formirovanii anglijskoj medicinskoj terminologii [Main trends in the formation of English medical terminology]. Dis. ... cand. philol. Sciences. M., 215 p.
- Novodranova V.F. 1990. Latinskie osnovy meditsinskoj terminologii: imennoe slovoobrazovanie [Latin Foundations of Medical Terminology: Nominal Derivation]. Dis. ... doc. philol. sciences. M., 508 p.
- Prokhorova V.N. 1996. Russkaya terminologiya (leksiko-semanticheskoe obrazovanie) [Russian terminology (lexico-semantic education)]. M., Publ. filologicheskij fakul'tet MGU im. M.V. Lomonosova, 126 p.
- Romanova N.P. 1976. O motivirovannosti iskonnykh i zaimstvovannykh terminov [On the motivation of native and borrowed terms]. In: Voprosy terminologii i lingvisticheskoy statistiki [Questions of terminology and linguistic statistics]. Voronezh, Publ. Voronezhsk. un-ta: 18 Publ. 26 p.
- Rudinskaya L.S. 1997. Sovremennye tendentsii razvitiya gematologicheskoy terminologii (na materiale anglijskogo yazyka) [Current trends in the development of hematological terminology (on the material of the English language)]. Abstract dis. ... cand. philol. sciences. M., 27 p.
- Slozhenikina Yu.V. 2018. Osnovy terminologii: Lingvisticheskie aspekty teorii termina [Fundamentals of terminology: Linguistic aspects of the theory of the term]. M., Publ. Knizhnyy dom Librokom, 120 p.
- Smirnova E.V. 2012. Strukturno-semanticheskij i leksikograficheskij aspekty meditsinskoj terminologii: na primere kardiologicheskoy leksiki [Structural-semantic and lexicographic aspects of medical terminology: on the example of cardiological vocabulary]. Dis. ... cand. philol. sciences. Yaroslavl', 256 p.
- Sinyavskaya S.P. 2015. Kognitivnoe modelirovanie angloyazychnoy terminosistemy "Endocrinology" [Cognitive modeling of the English terminological system "Endocrinology"]. Dis. ... cand. philol. Sciences. Sankt-Peterburg, 164 p.
- Superanskaya A.V., Podol'skaya N.V., Vasil'eva N.V. 2019. Obshchaya terminologiya: Voprosy teorii [General Terminology: Theory Issues]. M., Publ. Librokom, 246 p.
- Tokareva M.V. 2003. Stanovlenie, razvitiye i sovremennoe sostoyaniye anglijskoj terminologii nefrologii i urologii [Formation, development and current state of the English terminology of nephrology and urology]. Dis. ... cand. philol. Sciences. Omsk, 208 p.
- Turchin V.M. 1979. Problema sinonimii v terminosistemakh biologii i meditsiny nemetskogo yazyka [The problem of synonymy in the term systems of biology and medicine in the German language]. Abstract dis. ... cand. philol. Sciences. L'vov, 21 p.
- Chernyavskiy M.N. 2014. Latinskij yazyk i osnovy meditsinskoj terminologii [Latin language and basics of medical terminology]. M., Publ. Shiko, 447 p.

- Shvetsova S.V. 2005. Lingvisticheskiy analiz sposobov terminoobrazovaniya v sovremennoy angliyskoy oftal'mologicheskoy terminosisteme [Linguistic analysis of term formation methods in the modern English ophthalmic terminological system]. Dis. ... cand. philol. Sciences. Irkutsk, 180 p.
- Shlikhta M.I. 1976. O putyakh internatsionalizatsii nauchnoy terminologii [On the ways of internationalization of scientific terminology]. *Voprosy filologii*, 5: 136–144.
- Yudina T.A. 2020. Sposoby obrazovaniya klinicheskikh terminov (na primere gastroenterologicheskoy terminologii) [Methods of formation of clinical terms (on the example of gastroenterological terminology)]. In: Aktual'nye voprosy sovremennoy nauki i obrazovaniya [Topical issues of modern science and education]. Ed. G.Yu. Gulyaev. Penza., Publ. Nauka i Prosveshchenie (IP Gulyaev G.Yu.): 224–234.
- Yazykovaya nominatsiya: vidy naimenovaniy [Language nomination: types of names]. 1977. Eds. B.A. Serebrennikov, A.A. Ufimtseva. M., Publ. Nauka, 356 p.
- Lettau L.A. 2000. The Language of Infectious Disease: A Light-Hearted Review. *Clinical Infectious Diseases*, Volume 31, Issue 3: 734–738. DOI: 10.1086/313994

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 03.09.2022.

Received September 3, 2022.

Поступила после рецензирования 15.11.2022.

Revised November 15, 2022.

Принята к публикации 05.12.2022.

Accepted December 5, 2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ханина Ксения Андреевна, преподаватель кафедры иностранных языков Военно-медицинской академии имени С.М. Кирова, г. Санкт-Петербург; аспирант кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации института межкультурной коммуникации и международных отношений, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Ksenia A. Khanina, teacher of the Department of Foreign Languages of the S.M. Kirov Military Medical Academy, St. Petersburg; Postgraduate Student, Department of English Philology and Intercultural Communication, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Маркелова Оксана Владимировна, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Oksana V. Markelova, Associate Professor, Department of English Philology and Intercultural Communication, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

УДК 811.1/8

DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-4-769-780

English and Chinese Idioms as the Reflection of Cultural Linguistics

Wang Qi

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russia
E-mail: Mimiracle123@yandex.ru

Abstract. The article deals with the peculiarities of linguistic features of idioms on the example of English and Chinese cultures. According to the research work, English and Chinese are contactless languages, therefore, the question of similarities and differences of the idioms functioning is of great importance. The author stresses, idioms present the way of cultural expressiveness and reveal unique features of national mentality. The work is aimed at analyzing key characteristic features of idioms with the component of natural elements in English and Chinese cultures and revealing the main aspects of cultural identity by linguistic means. Idioms enrich any language with their colorfulness and individuality, expressing the main national characteristics and traditions, carrying people's attitudes to everyday problems. In particular, the idioms with a natural element component reflect perfectly the attitude of the people to living beings, their conscientious activities and behavior; such type of idiom units are indivisible and stable, they are of particular interest for the analysis, since a completely different meaning can be isolated separately from the words used in phraseology.

Key words: idioms, English, Chinese, language and culture identity, natural element component, similarities, differences

For citation: Wang Qi. 2022. English and Chinese Idioms as the Reflection of Cultural Linguistics. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 41(4): 769–780 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-4-769-780

Английские и китайские идиомы как отражение лингвокультурологии

Ци Ван

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: Mimiracle123@yandex.ru

Аннотация. Английский и китайский являются бесконтактными языками, поэтому вопрос о сходствах и различиях функционирования идиом имеет большое значение. Автор подчеркивает, что идиомы представляют собой способ культурной выразительности и раскрывают уникальные особенности национального менталитета. Работа направлена на анализ ключевых характерных черт идиом с компонентом природных элементов в английской и китайской культурах и выявление основных аспектов культурной идентичности языковыми средствами. Идиомы обогащают любой язык своей красочностью и индивидуальностью, выражая основные национальные особенности и традиции, передавая отношение людей к повседневным проблемам. В частности, идиомы с компонентом природного элемента прекрасно отражают отношение людей к живым существам, их добросовестную деятельность и поведение; идиоматические единицы такого типа неделимы и устойчивы, они представляют особый интерес для анализа, поскольку отдельно от слов, используемых во фразеологии, можно выделить совершенно другое значение.

Ключевые слова: идиомы, английский, китайский, языковая и культурная идентичность, компонент природного элемента, сходства, различия

Для цитирования: Wang Qi. 2022. English and Chinese Idioms as the Reflection of Cultural Linguistics. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 41(4): 769–780. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-4-769-780

Introduction

Idioms units make up a considerable part of any language as a result of scientific and technological progress, the linguistic personality, language features and its research within the framework of intercultural communication and the need to focus on the problems of language and culture symbiosis. One of the phenomena in the language of particular interest is idioms' analysis. In our research work we pay attention to the peculiarities of idioms' with the natural elements in two cultures, they are English and Chinese cultures [Awonusi, 2002, p. 34].

The research work of idioms' units with natural element component in Chinese and English and their comparison reveal the communicative side of the language, since English and Chinese are from different language families. The relevance of this work lies in the need to analyze the idioms' units of these two languages with the allocation of common features and peculiarities in the translation of cultural characteristics of two different states [Anderson, Pelteret, 2012, p. 91].

The aim of the article is to conduct a comparative analysis in idioms' units that somehow include the name or characteristic of a natural element component, especially animal, as well as to establish the diversity and similarity in the use of such idioms in the British and Chinese languages and culture.

The purpose of the research work gave rise to a number of tasks:

- 1) to identify the general theoretical aspects of the use and study of idioms' units with natural component in English and Chinese;
- 2) to consider the main types of animals reflected in idioms of both languages;
- 3) to identify common and special features of idioms, as well as to determine the nature of the reflection of the animal world in the idioms' units of these languages.

Idioms are an integral part of any language; thanks to idioms' units, it is much easier for scientists to analyze the cultural and everyday specifics of the country, since they clearly reflect the peculiarities of the worldview, lifestyle, customs and traditions of a particular cultural community.

Idioms function in a language based on the perception of the surrounding reality, therefore, they are the most unique and interesting linguistic units in the language. One must stress, "the idioms' composition of a language is a mirror in which a linguistic and cultural community identifies its national identity" [Yule, 2017, p. 66].

Methods

Two groups of methods were used in the research work: general scientific methods and special methods. The group of general scientific methods includes analysis, synthesis, abstraction, generalization. These methods are used to comprehend the relevant theoretical and practical material.

The group of special methods includes a descriptive method that allows identifying the characteristic features and relationships of linguistic units; a method of component analysis which provides the interpretation of a language unit, a quantitative method used in the selection of linguistic material to measure the productivity of certain linguistic and cultural units in the speech of native speakers, a definitional method used in obtaining lexicographic information about the meaning of the language unit. In addition, methods of collecting and processing linguistic material were used, in particular, the method of illustrative examples selection for certain linguistic phenomena from written sources.

Results and discussions

Chinese and English are contactless entities belonging to different language families, and this is precisely what determines the interest of this research work – to identify similar and distinctive features in the idioms with natural component element of two opposite cultures and languages.

In any language, idioms add the necessary variety and color. Idioms with a natural element component differ in variability in the perception of representatives of the animal world; there are both sharply negative and positive assessments. Thanks to this, it becomes possible to track the national characteristics of the assessment and the composition of the animal world in different states.

Features in the formation and use of idioms with natural component elements in English

In English linguistics, as well as in Chinese, the science of idioms is not separated into a specific brunch, but is analyzed within the framework of language and culture study. The main sources of practical idioms material in our research work are Oxford dictionaries (“Oxford Dictionary of English Idioms”, “Oxford Dictionary of English Phraseology”) edited by Judith Siefring and “Oxford Dictionary of Proverbs” under the authorship of Jennifer Speake.

“Oxford English Dictionary” writes: “An Idiom is a group of words that has a special meaning that is different from the ordinary meaning of each separate word” [Ayto, 2020, p. 23]. The Penguin Dictionary defines phraseology as “the way that words and phrases are chosen and used in a particular language or subject” [Gulland, 2001, p. 12]. Naturally, the problems of idioms are considered not only by dictionaries, but also by textbooks of the English language, scientific works on grammar, semantics and lexicology. In particular, J. Thomas's work is an ideal proof of this, and the study itself is considered one of the best in the problem of idiomatic study process of the English language. The work represents an attempt to systematize and universalize idioms [Thomas, 1999, p. 22].

Currently, these problems are mainly reflected in the works on methods of teaching English. In particular, the work “Idioms: Processing, Structure, and Interpretation” presented the main definitions of idioms and approaches to their study, as well as methods for teaching them to students of English as a foreign language. In linguistics, there is a work “Fixed Expressions and Idioms in English: A Corpus-based Approach” which examines idioms from the point of view of structural and psychological approaches.

Idioms have a significant place in culture and linguistics for English and Chinese. They are used metaphorically and figuratively, idioms enrich a person's speech regardless of his or her social status. The comparison analysis of idioms with the natural element components component of the Chinese and English languages will greatly facilitate communication between such different cultures and will allow for high-quality and tolerant translation of periodicals, works of fiction, scientific papers.

Modern researchers successfully reveal the semantics of idioms and associative aspects of their use in reality in accordance with the cultural characteristics of nations.

Features in the formation and use of idioms with natural component elements in Chinese

One of the first attempts to systematize Chinese idioms was the publication in 1915 of the Dictionary “Qihui” (《辞源》). However, in-depth research was written only in the 1950s. The most famous scientists analyzing phraseology in China are: Zhang Zhigong, Ni Baoyuan, Ma Guofan and Wen Duanzheng (温端政) [Fuller, 2004, p. 65].

Knowledge of idioms in China is the standard of erudition, ancient folk wisdom, and it is still widely used in modern life, and in popular culture. Idioms of the past actively function in

the modern language too. Also, the Chinese are very fond of when foreigners use idioms in everyday life conversations.

The definition of idioms gives you the famous Chinese encyclopedia 百度 (bǎi dù): 《熟语是习用的词的固定组合，语义结合紧密、语音和谐，是语言中独立运用的词汇单位，它包括成语、谚语、歇后语和惯用语。》 (“Turn of phrase/idiom is constantly used, a fixed combination of words, semantically related, phonetically consistent, is an independent unit of language that includes *chenhui*, Proverbs and sayings, unsaid and idiomatic expressions”).

Literally, 熟语 is translated as “a well-known phrase” which coincides with the research of Russian scientists. For example, V. I. Gorelov writes that the term 熟语 is used in modern Chinese linguistics and means “a branch of linguistics that studies the phraseological system of the language in its current state and historical development”. He also emphasizes that in this definition and term one can observe parallels with the opinions of Russian scientists such as N. M. Shansky, V. V. Vinogradov, O. S. Akhmatova.

V. I. Gorelov offers the following classification of Chinese idioms:

1. “Idioms units-phrases (phrasemes)”:

1.1 四字格 (Sì zì gé) - (“idioms expressions”) – containing four hieroglyphs, individually having their own meanings, but together forming a new meaning.

1.2 “Idioms combinations” – idioms with one of the words determining the idiom itself.

2. “Idioms-sentences” - idioms which are stable sentences, and hieroglyphs cannot be changed or replaced in any way [Hill, Lewis, 2002].

There is also a classification given by Ma Guofan (吗国国) whose works are particularly valuable for Chinese language and culture analysis. The translation into Russian of this classification was carried out by I. V. Voitsekhovich:

1. 成 (chéngyǔ) – idioms (chengyu – “ready-made phrases”);

2. 俗语 (súyǔ) - sayings;

3. 谚语 (yǔ yàn) - proverbs;

4. 歇后语 (xiēhòuyǔ) – “half-words”, phrases with a broken end;

5. 惯用语 (Guànyòng yǔ) – familiar expressions;

6. 语敬 (yǔ jìng) – set expressions;

7. 格言 (Géyán) – aphorisms [Lin, Leonard, 2012, p. 76].

Thus, scientists are still interested in the analysis of idioms units in both English and Chinese. Russian and foreign researchers have derived various classifications of idioms units, including those with a natural element component, thereby systematizing and approximating cultures to distinguish phraseology into a separate science is a question of worth discussing. It is extremely important to combine these studies and, using the comparative method, to find common and special things for comparing linguistic cultures so far apart from each other in order to form stable links for communication.

Comparative analysis of the natural world represented in idioms based on English and Chinese culture

The main categories of animals represented in the idioms of the English language

In our research work the analysis of idiom with natural element component was made according to the subdivision into some groups: “pets”, “wild animals”, “mythical animals” on the principle of denoting language and cultural peculiarities connected with the components.

The most popular pets in the UK have gained trust for their loyalty, affection, ability to establish some kind of contact with people, etc. The fact of domestication has played a good role for hu-

manity: now they could use cattle for food, and the life cycle of each individual was much calmer than in the wild.

One must stress, chicken is the main source of eggs and partly meat in the culture of the United Kingdom. It is *the problem of chicken and egg* that is one of the fundamental in philosophy. In the English version, it sounds like “*a chicken-and-egg problem*”. Now this expression is used as a figurative, and translates as “*a problem that has no solution*”.

Also, the chicken brain is considered as something insignificant by the English people: “*run around like a headless chicken*” – *behave recklessly, thoughtlessly*. In addition, the chicken appears to be a very cowardly creature: “*to be chicken/to smell chicken*” – that is *to be afraid*. A very vivid example of the use of such an expression is reflected in the Netflix series *13 Reasons Why*: “*Is there a KFC around? Because I smell chicken?*”

Carelessness and absent-mindedness are also signs of the image of a chicken in English culture: “*handwriting is like chicken scratch*” – *writing like a chicken with a paw*.

Geese play an important part in the UK life too. They have taken root well as a Christmas dish. And the ability of a goose to easily stay on the water is firmly embedded in the English proverbs “*goosebumps*” – *to have goose skin*. The stupidity of the goose (like of many birds) is reflected in the culture and mentality of many countries, including England as well. So, for example, “*stupid as a goose*” shows the stupidity of a person, “*like a goose*” is conditionally transferring the animal's mind to people [McCarthy, O'Dell, 2004, p. 87].

The cow serves as a source of meat, milk and leather for the UK. It is used both as food and in leather production, for example, the manufacture of shoes and clothing from cow leather. In the United Kingdom a clear distinction is made between a female and a male cow which is implanted in the idiom: “*milking a bull*” – that is “*waiting for milk from a bull*”, sarcastically hinting that it is, modestly speaking, impossible to get milk from a male.

To the same extent, such a sign of a cow as steadfastness, “*taking a bull by the horns*” is considered: “*strong as a bull*”.

A cow is a big animal that does not have enough flexibility and stability, so people often make fun of it in conversations. For example, “*awkward as a cow on a crutch*” or “*like a cow on ice*”, thereby showing the dimensions of the interlocutor or clumsiness of cows.

Everyone knows that the UK is a leader in the sale of sheep wool. It should be noted, sheep is revered very highly in this island state, it is valued and protected. Moreover, new species are bred to increase competitiveness. Naturally, this fact could not but affect the cultural customs of the British: sheep are firmly embedded in the proverbs of the English language. For example, “*separate the sheep from the goats*” – *distinguish good from bad*, “*black sheep*” – *spoiled, bad person*. By the way, black sheep have gained such a reputation being used in idioms thank to the peculiarities of their wool - it is very difficult for it to change the color which in some cases is an obstacle to export [Philip, 2007, p. 109].

The stupidity of a sheep is also an extremely common thing in the English language, that is clearly seen from the proverb “*as silly as a sheep*” – *very stupid* which is used everywhere both in fiction and scientific literature, everyday life, and on official level too.

Such natural element of idiom as pig is often used in Britain. This animal is one of the main sources of meat in the country. However, most proverbs reflect the negative qualities of a pig, such as *negligence* – “*piggishness*”, rudeness, slovenliness, indelicacy are also used to describe a person who is “*like a pig*”. There are such idioms as “*make a pig of yourself*” – it is *to eat at the table indecently*, “*to eat like a pig*”, “*make a pig's ear of something*” – *to do something sloppy* [Seidl, 1989, p. 109].

In the UK, a pig is a very simplified animal, capable of enjoying every little thing. This is well reflected in the expression “*happy as a pig in muck*” – *happy as a pig in mud*.

Speaking of animals living directly in the homes of the British, cats and dogs have been the leaders for centuries. In English, there is a huge number of idioms with a natural component element dedicated to pets. Moreover, both the cat and the dog are viewed from different sides, reflecting the depth of emotional connection with a person: *“it's no place to swing a cat” – there is nowhere to fall; “like a cat on hot bricks” – sit on pins and needles; “every dog has his day” – there will be a holiday; “a shy cat makes a proud mouse” – a timid cat and a mouse frolics.*

A dog is a loyal friend of a person who does not look at social status, appearance, the amount of money in a bank account. That is why the dog is beloved among the British as it is faithful. The quality of *“the guard of the hearth, at home”* is clearly illustrated in the proverbs *“barking dog never bites” – do not be afraid of a rattling dog, be afraid of a silent one; “an old dog barks not in vain” – an analogue of “an old raven does not croak for nothing”; “a dog in the manager” the dog doesn't let others eat either* [The Oxford ..., 2004, p. 165].

However, the dog also has negative signs transferred to humans, for example: *“don't live like a dog, only barking for the whole day” – barking like a dog; “look for a dog to kick” – analogous to “look for a scapegoat”*. Also, a negative representation of the dog appears in the famous work by J. K. Rowling *“Harry Potter and the Prisoner of Azkaban”*, when Professor Trelawney read a terrible omen from the tea leftovers in Harry's cup: *“The Grim, my dear, the Grim!”* cried Professor Trelawney, who looked shocked that Harry hadn't understood. *“The giant, spectral dog that haunts churchyards! My dear boy, it is an omen – the worst omen – of death!”* [Thomas, 2017, p. 65].

A cat and a dog are often compared in proverbs, reflecting the behavior of opposites: *“cat and dog life” – to live like a cat with a dog (constantly quarreling); “it's raining cats and dogs” – very heavy rain (pours cats and dogs).*

The cat is a noble solitary animal, but still very much loved by the inhabitants of the United Kingdom. For example, *“to have more lives than a cat” – to have nine lives like a cat; “it's no place to swing a cat” – nowhere to drop an apple (literally “nowhere for a cat to turn around”); “live under the cat's foot” – “henpecked” – definition, basically, used to describe men who are under the power of their partners; “the cat shuts its eyes when it steals the cream” – the cat knows whose meat she ate* [Mc.Carthy, O'Dell, 2004, p. 76].

Among wild animals, the most popular are those involved in set expressions of Great Britain, and they are considered to be *a bear, a hare, a wolf, a fox, a mouse.*

Bears in ancient times lived on the territory of the entire northern hemisphere, including the UK and China, however, due to some circumstances, it is now impossible to meet them in Britain. At the same time, this does not deprive the English language of many idioms dedicated to these wild animals.

Bears are huge, hungry, clumsy and extremely dangerous creatures for humans, and this is vividly shown in the proverbs: *“hungry as a bear” – very hungry; “escape the bear and fall to the lion” – analogous to “out of the fire and into the flames”* [Thomas, 2017, p. 98].

It is curious that a noisy meeting/gathering is described by British idioms as *“bear-garden”*. Most likely, this is due to the loud bearish roar that has become quite famous.

The rabbit or hare is a curious, cowardly animal that lives in many countries, including Britain. At the same time, hares have a high speed of movement, and it allows them to avoid danger and save their lives in natural selection. The idiom *“one cannot run with the hare and hunt with the hounds”* means *“you can't sit on two chairs”, “as fast as a hare”*.

In connection with the Easter tradition, while the rabbit hides eggs for children, the British have a certain way – to give rabbits in various variations – chocolate, ginger, marzipan, etc. So, the proverb *“pull a rabbit out of a hat”* became popular.

The wolf is a typical representative of predatory animals in most of the northern hemisphere. However, wolves have disappeared from the territory of the United Kingdom. Neverthe-

less, the English language is still full of proverbs about wolves and their inherent hunger: “*a growing youth has a wolf in his belly*” – to be terribly hungry; “*to cry wolf*” – to raise a false alarm; “*wolf in sheep's clothing*”; “*who keeps company with the wolf will learn to howl*” – to live with wolves – howl like a wolf [Wright, 2002, p. 129].

Foxes are very common among the British, it is a symbol of cunning, as well as in many countries of the world. The characteristic features of a fox are transferred to a person in English idioms: “*cunning as a fox*”; “*don't let the fox guard the henhouse*” – leave the fox in the chicken coop.

Mice belong to the largest class of terrestrial vertebrates, basically, these animals, bring discord to the farming estates, farms, and everyday life of ordinary people. A lot of time and effort is devoted to the idioms with the word “mouse”, since there is quite a large number of them. For example, “*cat-and-mouse game*” means *outsmarting someone*. And the interrogative exclamation “*Are you a man or a mouse?*” is used as *encouragement*. The proverb “*like rats deserting a sinking ship*” indicates *the cowardice of a mouse* and means “*to desert, to engage in desertion*” [Gulland, 2001, p. 209].

The expression “*poor as a church mouse*” is indicating *the stinginess (or reasonableness)* of church leaders who do not create favorable conditions for the reproduction of mice. Although in the Indian city of Deshnok there is a whole church of rats and mice which are revered in their own way; they live at home, they are poured milk and spiked with food, and no one is watching their population.

In the context of idioms with natural components English has many mythological animals as a dragon, a phoenix, an elf.

Dragons are mythological creatures that have a negative connotation in the English language. Basically, dragons for the British are a fire-breathing creature that loves gold, jewelry and does not possess any moral qualities. They are found in many works of fiction – “The Hobbit” by J. R. Tolkien, “Leviathan” by T. Hobbes, as well as local fairy tales and stories depict such characters too.

So, for example, there are such sayings as “*tickle the dragon's tail*” – *do something dangerous*, “*sow dragon's teeth*” – *try to prevent danger, but to no avail*.

Phoenixes have a special meaning in the British mentality. They symbolize rebirth, renewal, purity and hope, as the phoenix in English mythology rises from the ashes. So, there are such sayings as “*rise like a phoenix*” or “*like a rising phoenix from the ashes*” meaning rebirth.

Elves are mythical creatures, people inhabiting fictional worlds and possessing wisdom and tranquility. The main saying reflecting the behavior of elves is a quote from The Lord of the Rings: “*And it is also said*”, answered Frodo. “*Go not to the Elves for counsel, for they will say both no and yes*” – “*And they also say*”, Frodo replied, “*if you ask the elves for advice, you will hear "yes" and "no" in response*” [Wright, 2002, p. 147].

The diversity of idioms with natural element components in the Chinese language and culture

China is one of the oldest states on Earth, and its history is more than one thousand years. China is the country where paper (as well as paper money), a folding umbrella, a compass, gunpowder, land and sea mines, oars, bells and many other things were invented, the use of these inventions are actively used up to this day.

The animal world of China has about two thousand terrestrial vertebrates, among which there are more than a hundred exclusive ones, those that are found only on the territory of the Republic of China: the Chinese tiger, the Chinese alligator, the red panda and others.

The concept of pets in China's culture is different from the ideas of the same category of European states. For example, one of the most popular types of pets that are not used for food are

birds. Thrushes, larks, finches tied to special bird leashes in the park are common in modern China. Basically, domesticated animals were used and are used by the Chinese for food.

However, animals have been tamed by Chinese people since ancient times. Thus, the cow is one of the main symbols of agriculture and vital energy in China. One of the Proverbs says – 《牛是农家宝，种地少不了》 (Niú Shi bǎo nóngjiā, zhòng dì shàobùliǎo) – “cows are the farmer's treasure” and “it's impossible to live without cows in the agriculture” [Weigui, 2001, p. 301]. The cow serves the Chinese nation not only as a source of sustenance, but also as a motivation to fight enemies as it gives courage. An example of this is the set-expression 《孺子精神》 (rúzi jīngshén) – “A cow is obedient even in front of a child” [Jiao et al., 2010, p. 165]. One must stress, in China there is no gender difference between a bull and a cow. This is due to the fact that dairy production was not widespread in the Middle Kingdom at all, and, therefore, the Chinese did not pay any attention to the differences between a bull and a cow.

The horse is also highly revered by the Chinese, even being a sacred animal. It is a symbol of wisdom and experience. The horse is a wise animal: 《老骥伏枥，志在千里》 (Lǎojífùlì, Zhì zài qiānlǐ) – “the old horse in the stable”, “a horse wants to work at a thousand miles”; 《路遥知马力，日久见人心》 (Lù yáo zhī mǎlì, rì jiǔ jiàn rén xīn) – “after a long distance, you learn the stamina of the horse, and after a long time you know that person in your heart” [Ji, 2013, p. 109].

Of special use of Chinese proverbs are pets like chickens (鸡) and duck (鸭): 《鸡鸭喂的全，家中有油盐》 (wèi jī yā de quán, jiāzhōng yǒu yóu yán) – “Breed chickens and ducks in the house, and it is oil and salt”. The idiom 《鸡飞蛋打》 (jī fēi dàn dǎ) – “The chicken flew away, the eggs broke” indicates a feature of the Chinese language that emphasizes the negative affect of the main feature of the chicken – to lay eggs. Another example is the proverb 《借鸡生》 (jièjī shēngdàn) – “to borrow a chicken that lays eggs”. Basically, the idioms with natural element components of the Chinese language fix the negative features of the chicken, such as *stupidity, fussiness, inability to fly*: 《鸡飞狗跳》 (jī fēi gǒu tiào) – “Chickens fly, dogs jump”, means some kind of *turmoil*; 《牝鸡司晨》 (pìn jī sī chén) – “the chicken announces the dawn”, transmits the *image of a henpecked man* [Harbaugh, 1999, p. 301].

In China, more than anywhere else in the world, people are aware of the peculiarities of *geese* – the fat on their feathers prevents the penetration of water and allows them to stay afloat. So, in Chinese culture there is an idiom 《水过鸭背》 (shuǐguò yā bèi) – “like water from a goose”.

Speaking of pets that are loved, it's necessary to note that the most popular pets all over the world are cats and dogs. These pets were tamed about eight thousand years ago, although the question of their origin remains debatable.

Dogs have an ambiguous characteristic in Chinese proverbs. For example, a dog (狗) as an abstract concept symbolizes loyalty, obedience, protection of the building, thus reflecting the positive side of it: 《狗吠非主》 (gǒu fēi fēi zhǔ) – “the dog does not bark at his master”, 《打狗看主》 (dǎ gǒu kàn zhǔ) – “before you beat the dog, look at its master”. However, being tamed by a man, the dog was taken as a stupid and vile, false, or even lying creature: 《狗屁不通》 (gǒupì bùtōng) – “bullshit”, 《猪朋狗友》 (zhū péng gǒu yǒu) – “bad company” [Li et al., 2016, p. 169].

It is interesting to note that in the Chinese language they often refer to the theme of cruelty to animals, having a metaphorical sense, of course, not calling for similar action: 《快马一鞭·快人一言》 (Kuài mǎ yī biān, kuài rén yī yán) – “*Horse is customized with a whip, and the man – word*”, 《快马加鞭》 (Kuài mǎ jiā biān) – “*to drive a horse whip*” [Ji, 2013, p. 123].

A cat is a rather controversial animal for the language analysis in the Chinese culture. Its main characteristic – *catching mice* – is vividly reflected in the idiom: 《穷鼠啮狸》 (Qióng shǔ niè lí) – “*in extreme cases, the weak are capable of a bold act*” (literally “*sometimes a mouse can bite a cat*”), 《猫哭老鼠》 (māokū lǎoshǔ) – the Russian version of “*crying with his eyes, but with his heart laughs*” (literally “*the cat mourns the mouse*”), 《猫鼠同处》 (māoshǔ tóngchǔ) – “*a cat and a mouse live under the same roof*” (analogous to “*opposites attract*”). Also, a cat in China is a symbol of prosperity, being considered a kind of “*patroness of the house*” [Li et al., 2016, p. 209]. The famous statuette of a cat with a raised paw is placed all over the world in offices.

The world of wild Chinese animals is of great interest. Hundred species of terrestrial vertebrates live only on the territory of China, including the long-eared pheasant, red-crowned crane and red panda. It is known that wild animals are those animals that are able to independently forage for themselves and ensure survival in natural (pristine) conditions. The analysis of language and cultural peculiarities of idioms with natural element component is a very useful way, as it allows you to determine and specify the historical settlement of individual species of wild animals on the planet.

The main wild animals reflected in Chinese proverbs are bear, tiger, fox, wolf, monkey, turtle, snake and crane.

Bears have been common in most of the northern hemisphere, including China, since ancient times. The proverbs with these elements have an ambiguous character: some praise the symbol of the bear, others belittle and denigrate it. For example, 《熊心豹胆》 (Xióngxīnbào dǎn) figuratively translates as “*courage, fortitude*”. At the same time, 《梦熊之喜》 (Mèng xióngzhīxǐ), 《熊罴之祥》 (Xióng pí zhī xiáng) mean the *future birth of a son in the family*, which has been considered an auspicious sign in Chinese culture since ancient times. In addition, the panda (or bamboo bear) is a symbol of China, and according to the Chinese themselves it reflects all the excellent features of their state: calmness, reason, good nature, Yin and Yang (black and white coloring of the bear). However, the negative features of the bear are also shown in Chinese idioms – 《柙虎樊熊》 (Xiá hǔ fān xióng) – that is “*a man is as dangerous as a bear*” [Ji, 2013, p. 132].

The tiger is a classic representative of predators among wild animals in China. And since tigers are especially common in Asia there are many idioms devoted to this animal. Basically, these predators are depicted in proverbs as strong predatory animals, and their characteristics are awarded to people: 《谈虎色变》 (tánhǔ sè biàn) – “*to be afraid much*”, literally “*change in face when talking about a tiger*”; 《虎视眈眈》 (hǔshì dāndān) – “*look predatory like a tiger*”, the Russian version is “*a greedy dog needs a lot*”. Also, the tiger in the Chinese mentality has a high authority, and it can be used for selfish purposes: 《狐假虎威》 (hú jiǎ hǔ wēi) – “*the fox took advantage of the tiger's power*”, that is “*to rake in the heat with someone else's hands*”. An interesting phenomenon is the decrease in the assessment of any situations due to the use of a tiger as a kind of “*ideal animal*”: 《画虎类犬》 (huàhǔ lèi quǎn) – “*I drew a tiger, but a dog came out*”.

The fox, as well as in most cultures, is reflected in China as a cunning and selfish animal, conditionally transmitting its signs to a person in idioms: 《狐埋狐搯》(hú máihú huá) – “*what the fox buries, it digs up*”, that is “*to overdo it, to start some business with too long thoughts*”; 《狐狸尾巴》(húli wěiba) – “*you can't hide your real face*” [Lin, Leonard, 2012, p. 89].

The image of a wolf in Chinese proverbs is hyperbolized and is shown as something eternally hungry and cunning, ready for anything for the sake of survival: 《狼吞虎咽》(lángtūnhǔyàn) – “*to have a wolf's appetite*”, 《杯盘狼藉》(bēipán lángjí) – “*to eat everything*”.

There are also proverbs describing the howl of a wolf in Chinese idioms: 《鬼哭狼嚎》(guǐ kū láng háo) – “*howl like a wolf*” [Weigui, 2001, p. 609].

The monkey is exposed as a dismissive, frivolous animal, symbolizing stupidity, mediocrity: 《猴头猴脑》(hóu tóu hóu nǎo) – “*monkey brain*” - *stupid*; 《尖嘴猴腮》(jiānzǔ hóusāi) – “*to have a nondescript appearance*”.

Turtles – one of the most ancient animal species – are revered and respected in China. They symbolize wisdom, experience, longevity. For example, as a compliment to a noble man, they say 《麟凤龟龙》(lín fēng guī lóng).

The snake, as a venomous reptile, is negatively reflected in Chinese idioms. She is awarded cunning, readiness to attack suddenly, stealth, danger: 《蛇口蜂针》(shé kǒu fēng zhēn) – “*the mouth of a snake, the sting of a bee*”, that is *an evil, toxic person*; 《养虺成蛇》(yǎng huī chéng shé) – “*warm the snake on your chest*”. People are mostly afraid of snakes. Fear of a poisonous creature forces us to look for comparisons with creatures similar in danger (dragon, bee, tiger, etc.)

The image of a crane in China means a privileged position in the society, longevity (even immortality), nobility, well-being: 《鹤立鸡群》(hè lì jī qún) – “*to be noble like a crane*”; 《龟年鹤寿》(guī nián hè shòu) – “*to gain immortality*” [Ji, 2013, p. 99].

A huge number of proverbs with natural elements in the Chinese language are aimed at reflecting the behavior of mythological creatures. This is due to the widespread spread of religious teachings throughout China around the 5th century BC.

The dragon is a kind of mythical creature that has body parts from every animal and lives in the water and sky, bringing rain and blessing. It symbolizes well-being in all matters. The idiom “*a sea abyss appears, and a dragon is born in this abyss*” clearly indicates the “*place of residence*” of this creature.

The dragon has a special meaning in the life of every Chinese. He is a sign of their nation, spiritual outlook, cultural cohesion, energy. Also, the dragon embodies a symbol of power, honor, dignity, success: 《山不在高，有仙则名，水不在深，有龙则灵》(gāo Shān bùzài, xiān yǒu zé míng, bùzài shuǐ shēn, zé yǒu líng lóng) – “*Though the mountain is not high, it is known, because there is a patron, and the river is not deep and important because that's where the dragon dwells*”; 《飞龙乘云》(lóng fēi chéng yún) – “*to occupy a high social position*” [Weigui, 2001, p. 789].

The Chinese phoenix is an animal of the air element that does not regenerate by burning. It symbolizes loyalty, well-being, family happiness: 《凤凰于飞》(fēnghuángyúfēi) – “*happy spouses*”; 《百鸟朝凤》(bǎiniǎocháo fèng) – “*peaceful rule of the monarch*”.

The unicorn is another interesting mythological creature of China. He appears before humanity only in times of general prosperity, happiness and tranquility. Also, a unicorn is a very rare creature, to meet one means incredible luck and blessing: 《麟角虎翅》(lín jiǎo hǔ chì) – “*the rarest talent*”. The unicorn is a good sign for the birth of a son - 《麒麟送子》(Qílín sòng zi) – “*The unicorn brings sons*” [Lin, Leonard, 2012, p. 97].

Conclusions

To sum it all, after conducting some research on the frequency and availability of idioms with natural life component functioning on the territories of the UK and China, we can deduce some typological similarities and differences in the cultures of these countries.

Firstly, English and Chinese are contactless, and therefore these languages are quite different. This fact could not but have an impact on the culture and mentality of both states.

Among domestic animals, cats and dogs are the most popular to use as the elements of idioms in the United Kingdom, while in China the frequency falls towards cows, horses, chickens and ducks.

Idiom with components of wild nature component in English and Chinese are characterized by duality, they transfer animal qualities to a person, also describe the social role of a person, giving it either a negative or a positive character. At the same time, in the Chinese language, the main characteristics of a person acquire a positive direction, unlike English, where preference is given to a certain censure type characteristics of human vices through the prism of animals.

Also, the description of animals in the idioms may not always coincide with the real behavior, but only it reflects the attitude of the nation to a particular species. Natural components in idioms express different characteristics of the animal according to research work, reflecting the specific features of the language group.

Thus, natural elements in the idioms are quite diverse in their lexical meaning, still they reflect the peculiarities of the worldview of nations, and it is a subject to future research works as they are of dual nature. The frequency of idioms with natural component element use depends on the nature of the distribution of any animal on the territory of the country and expresses a symbolic perception due to the peculiarities of the language, culture and mentality of the peoples.

References

- Anderson S., Pelteret C. 2012. *Work on your idioms*. Collins, 128 p.
- Ayto J. 2020. *Oxford Dictionary of Idioms*. Oxford University Press, 448 p.
- Awonusi M., 2002. *Man-made language*. London, Routledge, 76 p.
- Fuller M. 2004. *An Introduction to Literary Chinese*. Harvard, Harvard University Asia Center, 384 p.
- Gulland M. 2001. *The Penguin Dictionary of English Idioms*. Penguin Books, 400 p.
- Harbaugh R. 1999. *Chinese Characters: A Genealogy and Dictionary*. Yale University Press, 544 p.
- Ji S. 2013. *Graded Chinese Reader 500 Words: Selected Abridged Chinese Contemporary Mini-stories*. Sinolingua, Bilingual edition. 204 p. (In Chinese)
- Jiao L., Kubler C., Zhang W. 2010. *500 Common Chinese Idioms*. New York, Routledge, 328 p.
- Li W., Zuofan T., Wanqi Z. 2016. *Dictionary of Commonly Used Ancient Chinese Characters*. The Commercial Press, 605 p. (In Chinese)
- Lin M., Leonard S. 2012. *Dictionary of 1000 Chinese Idioms*. Hippocrene Books, 208 p. (In Chinese)
- McCarthy M., O'Dell F. 2004. *English phrasal verbs in use*. Cambridge University Press, 208 p.
- Philip G. 2007. *Idioms*. In: *The Linguistics Encyclopedia*. Ed. K. Malmkjaer. London, UK, Routledge: 266–269.
- Seidl J. 1989. *English idioms*. Oxford University Press, 95 p.
- The Oxford Dictionary of Idioms*. 2004. Ed. J. Siefring. Oxford University Press, 352 p.
- Thomas J. 1999. *Advanced vocabulary and idiom*. Longman, 129 p.

- Thomas J. 2017. Anglotopia's Dictionary of British English: British Slang from A to Zed. Anglotopia LLC. 200 p.
Weigui P. 2001. A Chinese-English Dictionary of Chinese Idioms. Chinese Pedagogics Pub House, 1059 p.
Wright J. 2002. Idioms organizer. Eds. J. Hill, M. Lewis. Heinle, Thompson, 294 p.
Yule G. 2017. The study of language. Cambridge, United Kingdom, Cambridge University Press, 880 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 05.09.2022.

Received September 5, 2022.

Поступила после рецензирования 19.10.2022.

Revised October 19, 2022.

Принята к публикации 05.12.2022.

Accepted December 5, 2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ци Ван, ассистент кафедры второго иностранного языка института межкультурной коммуникации и международных отношений, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Wang Qi, assistant of the department of the second foreign language, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia.